

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

132

АРХЕОЛОГИЯ КАВКАЗА
И СРЕДНЕЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

132

АРХЕОЛОГИЯ КАВКАЗА
И СРЕДНЕЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1972

П 71265

Писать разборчиво

Шифр

17-86

ИНИ

Археол. Кр. Сообщ

Автор

Археологический институт

Москва

Редакционная коллегия:

Н. Н. Воронин, Н. И. Гурина, Л. В. Кольцов (ответственный секретарь),
И. Т. Крушликова (ответственный редактор), К. Х. Кушмарева, А. Ф. Медведев,
Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев, П. А. Раппопорт (зам. ответственного редактора),
В. В. Седов, Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон

I. ДОКЛАДЫ И СТАТЬИ

Г. Н. ЛИСИЦЫНА, Л. В. ПРИЩЕПЕНКО

ТИЛЬКИ-ДЕПЕ
И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПАЛЕОГЕОГРАФИИ
ЮГО-ЗАПАДНОЙ ТУРКМЕНИИ

В 1969 г. после длительного перерыва в связи с проектированием трассы IV очереди Кара-Кумского канала были возобновлены палеогеографические и археологические работы в Юго-Западной Туркмении на Мешед-Мисрианской равнине и продолжающем ее на юго-восток так называемом Чатском земельном массиве¹.

История заселения человеком каждой конкретной территории в большой степени связана с особенностями развития ее природной среды, в первую очередь с динамикой таких ее компонентов, как рельеф, климат, растительность и животный мир.

Мешед-Мисрианская равнина вместе с Чатским земельным массивом представляет собой восточную часть западной Прикаспийской низменности, история которой непосредственно связана с историей Каспийского моря. Основные элементы ее геоморфологического строения были созданы в эпоху верхнекаспийской или хвалынской трансгрессии².

Хвалынский бассейн имел наивысший уровень над современной поверхностью Каспия, равный 75—78 м или 48—50 м абсолютной высоты. Следы его древней береговой линии сохранились в виде древнеюнных песчаных массивов Машад, восточнее средневекового городища Мисриан и Кююки, севернее Кзыл-Атрека. Кроме того, уровень этой трансгрессии отмечен галечниковыми валами на склонах Большого и Малого Балханов. В стадию максимального стояния Хвалынского моря на месте Мешед-Мисрианской равнины формировалась так называемая Мешед-Мисрианская дельта р. Атрек. Во время отступления морского бассейна имели место две длительные остановки на высоте 50—60 м и 30—35 м над современным уровнем Каспийского моря, которые последовательно привели к формированию сначала высокой террасы р. Атрек, а затем перемещению ее дельты на юг.

¹ Осенью 1969 г. в этом районе работал отряд ИА АН СССР по изучению истории земледелия, одновременно на памятниках IX—XIV вв. н. э. проводил археологические работы средневековый отряд ИИАЭ АН Туркм. ССР, возглавляемый Е. Атагармевым.

² И. П. Герасимов. Древние реки и современные пустыни Средней Азии. Сб. «Экспедиции АН СССР». М., 1935; он же. Основные этапы развития современной поверхности Турана. ТИГ АН СССР, вып. 25. М., 1937; он же. Главнейшие моменты палеогеографии Западной Туркмении во вторую половину четвертичного периода (районы Сарыкамыш, Узбой, Атрека). ПФГ, вып. V, 1938; А. С. Кесь. Русло Узбой и его генезис. ТИГ АН СССР, вып. 30. М.—Л., 1939.

Таким образом, территория Мешед-Мисрианской равнины и Чатского массива является поверхностью древней хвалынской дельты и высокой террасы р. Атрек.

Наиболее ранними памятниками этой территории являются поселения так называемой культуры архаического Дахистана, датируемой концом II—началом I тыс. до н. э. Это своеобразный вариант культуры поздней бронзы и раннего железа, одновременный периоду Намазга VI в подгорной зоне Копет-Дага. Ареал этой культуры охватывает в основном ложные районы Мешед-Мисрианской равнины и Чатского земельного массива, примыкающие непосредственно к каньону р. Атрек³. На исследованной территории в настоящее время известно 13 поселений этого времени и 6 местонахождений керамики без культурного слоя (рис. 1). Кроме того, на одном памятнике северных районов — Геокчик-депе (Д-21) ранее отмечалась керамика времени архаического Дахистана, но наличие культурного слоя не было установлено⁴. В 1969 г. типичной керамики этого периода здесь не найдено.

Крупные памятники, такие, как Тангсыкылджа (Д-1), Чиналык-депе (Д-2), Изат-Кули (Д-31) и Мадау-депе (Д-7), представляют собой значительные по площади поселения, состоящие из центрального укрепления, вокруг которого разбросаны отдельные усадьбы, иногда достаточно значительные по площади. Наряду с такими памятниками имеются и более мелкие поселения типа Чопан-депе (Д-9), Д-41, Д-42 и Тильки-депе (Д-44).

Памятник Тильки-депе (Д-44) является самым восточным пунктом культуры архаического Дахистана на равнине, он расположен в 12,7 км на юго-запад от пос. Чат и был обнаружен в 1969 г. во время полевых работ отряда по изучению истории земледелия. Это типичное небольшое сельское поселение, расположенное на землях древнего орошения с остатками ирригационных сооружений и участков полей. У поселения на площади 13 км² были проведены стационарные палеогеографические и археологические работы, результаты которых кратко изложены ниже.

Памятник имеет площадь 2,3 га (150×180 м) и представляет собой холм-депе высотой в наивысшей точке 3,8 м над уровнем окружающей равнины (рис. 1, Б); в северо-западной его части имеется небольшое по площади (75×75 м) возвышение подчетырехугольной формы.

С южной стороны у подножья этого возвышения был заложен стратиграфический шурф 1 (3×4 м), давший несколько неожиданную картину.

До глубины 70—80 см с небольшим уклоном от повышения к южному краю поселения здесь отмечены супесчано-суглинистые слои с включениями немногочисленных обломков керамики и углей. Этот горизонт формировался, по-видимому, в результате смыва и переотложения культурного слоя с повышения, он залегает на свите слоистых, супесчано-суглинистых отложений, вскрытых до глубины 2,5 м и лишенных каких-либо культурных остатков. По своему характеру эта свита представляет собой комплекс древнедельтовых отложений хвалынского времени, слагающихся, как уже указывалось, поверхность Мешед-Мисрианской равнины и Чатского массива.

Стратиграфия шурфа 1 следующая:

³ Памятники с культурными слоями времени архаического Дахистана отмечены у Пару, Баки и Беурме в подгорной зоне Копет-Дага и в долине р. Сумбар у Кара-Кала. См.: В. М. Массон. Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении. ТЮТАКЭ, т. VII. М., 1956; А. Ф. Ганялин. Археологические памятники горных районов северо-западного Копет-Дага. Изв. АН Туркм. ССР, 5, 1953; О. К. Бердиев. Стратиграфия Бамийского поселения. СА, 1963, № 14; М. Е. Массон. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. ТЮТАКЭ, т. V, 1955; он же. ЮТАКЭ, 1947. ТЮТАКЭ, т. II. Ашхабад, 1953.
⁴ В. М. Массон. Указ. соч., стр. 422—424.

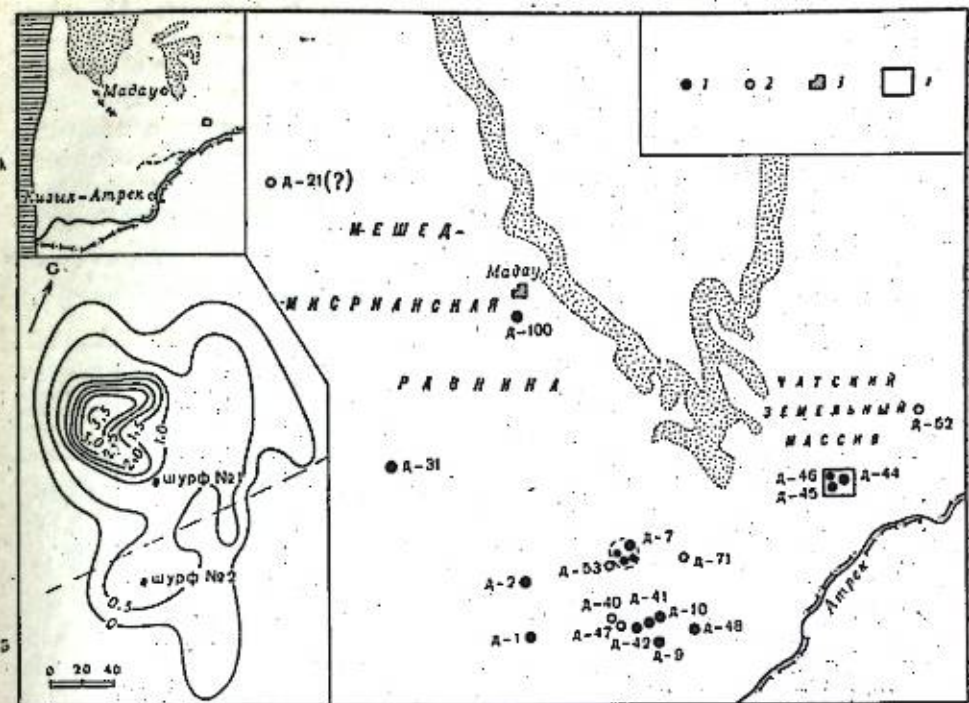

Рис. 1. Схема распространения памятников культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении

1 — поселения; 2 — местонахождения; 3 — современные населенные пункты; 4 — участок детального археологического и палеогеографического обследования; А — карта Юго-Западной Туркмении; Б — план Тильки-депе (Д-44)

0—3	см — светло-серая, легко-суглинистая корка, пористая, сухая, разбита трещинами, по краям опесчанена.
3—12	см — светло-серая пылеватая супесь, непрочно-комковатой структуры, рыхлого сложения, имеются белесые прожилки карбонатов, ходы насекомых.
12—25	см — пепельно-серая супесь, бесструктурная, сыпучая, сухая, включает угольки, обломки керамики и костей.
25—60	см — серый с убрватым оттенком легкий суглинок, непрочно-комковатой структуры, пористый, пронизан ходами насекомых, включает белые точки карбонатов, угольки, обломки керамики и костей.
60—77	см — тот же суглинок, но без белых точек карбонатов.
77—110	см — палевый, тонкозернистый песок, бесструктурный, слегка уплотнен, слоистый.
110—250	см — коричневатый легкий суглинок, включающий тонкие прожилки карбонатов, переслаивается с палевым тонко-зернистым песком — характерные незасоленные дельтовые отложения.

Шурф 2 площадью 3×3 м был заложен на южной окраине поселения и вскрыл культурный слой мощностью до 1,6 м. Шурф прошел, по-видимому, через какое-то помещение, от которого на глубине 60—70 см сохранились только промазки полов; никаких остатков сырцовых стен вскрыто не было. Культурная толща представлена в основном мусорными слоями, состоящими из обломков сырца, прослоек и линзочек золы, многочисленных включений керамики, костей животных, извести и угольков. В восточной части шурфа до глубины 2,6 м прослежена хозяйственная яма.

Описание археологического материала, представленного исключительно керамикой, было сделано по ярусам (мощность каждого яруса 0,5 м). Всего в ярусах I, II, III и хозяйственной яме было найдено 1584 фрагмента керамики. Принимая во внимание цвет черепка и нали-

чие примесей, можно выделить четыре различные группы: 1) серая, сформованная из хорошо отмученной глины без видимых примесей, лощенная с поверхности; 2) светлая (желтовато-кремовая), без видимых примесей, с заглаженной поверхностью; 3) красная или темно-розовая, со слегка подлощенной поверхностью; 4) кухонная керамика с примесью дресвы, обычно закопчена. Встречаются еще изделия из слабо обожженной глины с обильной примесью рубленой соломы. Количественное и процентное соотношение этих групп керамики представлено в таблице 1.

Таблица 1

Таблица количественного и процентного соотношения групп керамики с поселения Тильки-депе

Группы керамики	Количество фрагментов	Процентное соотношение	Группы керамики	Количество фрагментов	Процентное соотношение
1. Серая	151	9,5%	3. Светлая	1208	76,2%
2. Красная	147	9,2%	4. Кухонная	78	5,1%
				1584	100%

Обращает на себя внимание факт абсолютного преобладания во всех ярусах керамики светлого теста, тогда как, по данным В. М. Массона, на таких крупных поселениях культуры архаического Дахистана, как Мадау-депе и Изат-Кули, количество ее обычно весьма невелико⁵. Возможно, это отличие объясняется значительной удаленностью Тильки-депе от основной группы памятников этой культуры.

Характерными формами керамики Тильки-депе являются триподы — чаши на трех ножках, конические чаши, высокогорлые кувшины с ручками, кубки, крышки, ситечки с ручками, тагора, крупные миски, часто с ребристыми стенками, хумчи. Значительно реже попадаются миниатюрные горшочки, чаши с горизонтальной ручкой, небольшие кубки, котловидные сосуды⁶. В целом формы керамики в культурной толще шурфа 2 почти не меняются и обнаруживают полную идентичность с керамикой времени архаического Дахистана.

Культурные слои Тильки-депе в шурфе 2 подстилаются слоистой песчано-суглинистой толщей, в целом аналогичной отложениям, вскрытым в шурфе 1, и также представляющей, по-видимому, древнедельтовые отложения, являющиеся в данном районе материковой породой. Залегание материкового слоя, прослеженного двумя шурфами, показывает, что в древности на месте Тильки-депе существовало естественное повышение высотой не менее 1 м, которое и послужило местом для поселения здесь людей в конце II тыс. до н. э.

В 1 км к западу от Тильки-депе находятся два сооружения (Д-45 и Д-46), расположенные в 40 м друг от друга, представляющие собой понижения, околонуленные валами, разомкнутыми у Д-45 с восточной стороны, а у Д-46 — с западной. Высота валов в обоих случаях не превышает 1—1,2 м. Они расплывчаты и утратили свою первоначальную форму, на их поверхности встречены отдельные фрагменты керамики времени архаического Дахистана. Каково было назначение этих сооружений, без специальных раскопчных работ судить трудно. Возможно, это были или загон для скота, или сооружения для сбора вод местного стока. Отсутствие керамики более позднего времени позволяет относить оба этих объекта к периоду архаического Дахистана.

⁵ В. М. Массон. Указ. соч., стр. 409—420.

⁶ Подробнее см.: А. В. Прищепенко, О. С. Шапошников. Классификация керамики культуры архаического Дахистана. Сб. «Каракумские древности», вып. III. Ашхабад, 1970.

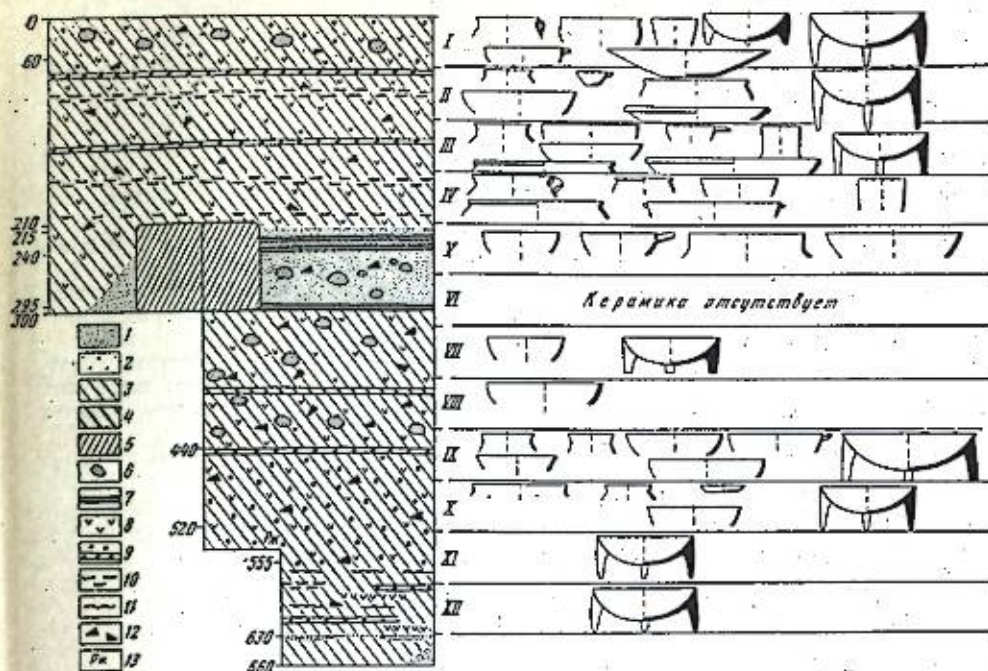

Рис. 2. Разрез стратиграфического шурфа Чиналык-депе и схема развития форм керамики
1 — тамирная корочка; 2 — сулесь; 3 — песок; 4 — глина; 5 — суглинок; 6 — промывки; 7 — разложившийся сирец; 8 — промывки полов; 9 — горелый слой; 10 — дольный слой; 11 — глина; 12 — известь; 13 — керамика

Кроме этих сооружений, в ближайших окрестностях Тильки-депе прослеживается большое количество валов, природа которых до сих пор вызывает большие споры. В 1951—1953 гг. В. М. Массон вскрыл аналогичные валы, которые являются характерным элементом антропогенного рельефа всей Мешед-Мисрианской равнины и большей части Чатского массива, у памятников Изат-Кули, Геокчик-депе и Ортадепеслик⁷. Полученные в результате этих работ разрезы показали, что ядро вала составляют линзы бывших в древности на месте валов ирригационных каналов, заполненные отложениями водного генезиса и заключенные между береговыми отвалами. Эти траншеи позволяли считать, что орошение Мешед-Мисрианской равнины осуществлялось системой каналов, вода в которые, судя по некоторым письменным арабским источникам, поступала из Сумбаро-Атрекской системы. Аналогичная точка зрения была высказана В. В. Бартольд, М. Е. Массоном и некоторыми другими авторами⁸.

В противоположность этому взгляду, такие исследователи, как С. А. Шувалов⁹, Б. А. Корнилов и В. А. Тимошкина, считают, что валы Мешед-Мисрианской равнины насыпного характера и служили для сбора атмосферных осадков и вод временного стока с гор Западного Копет-Дага. Наличие столь диаметрально противоположных высказываний привело к необходимости дальнейшего изучения истории земледелия в Юго-Западной Туркмении.

В 20 м к западу от Тильки-депе в направлении с севера на юг прохо-

⁷ В. М. Массон. Древнее орошение на Мисрианской равнине. Сб. «Земли древнего орошения». М., 1969.

⁸ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, т. III. М., 1965, стр. 121—126; М. Е. Массон. ЮТАКЭ, 1947.

⁹ С. А. Шувалов. О землях юго-западной зоны орошения Главного Туркменского канала. «Почвоведение», № 4. М., 1952, стр. 135. Б. А. Корнилов, В. А. Тимошкина. Рельеф и древние мелноративные сооружения Юго-Западной Туркмении. «Изв. АН СССР. Серия географическая», № 4, 1971.

дит сильно расплывшийся вал, возвышающийся над окружающей такыровой равниной всего на 1,2 м (рис. 2). Через него была заложена поперечная траншея, вскрывшая линзу древнего канала шириной 1,4 м и глубиной 1,1 м с пестрыми по механическому составу и окраске отложениями.

Траншея 1, разрез по линии AA¹ (берег канала):

- 0—3 см — светло-серая, суглиннистая, опесчаненная корочка, слабопористая, шероховатая с поверхности.
- 3—10 см — светло-серый, опесчаненный суглинок, комковато-пороховидной, местами чешуйчатой структуры с точечными выделениями карбонатов.
- 10—33 см — неоднородный слой, содержащий переслаивание тонкозернистого песка, залегающего карманообразно, и пылеватого суглинка, ходы насекомых и землероев.
- 33—66 см — палево-серый легкий суглинок, комковато-зернистой структуры, уплотнен, содержит белые точки и прожилки карбонатов, ходы насекомых и землероев. В виде включений имеются линзы тяжелого суглинка водного происхождения.
- 66—110 см — палево-серый суглинок, бесструктурный, уплотнен, пористый, включает белые точки карбонатов, ходы насекомых и землероев.

Траншея 1, разрез по линии BB¹ (русло канала):

- 0—3 см — светло-серая суглиннистая опесчаненная корочка, пористая, местами нарушена корнями злаков и кермека.
- 3—25 см — светло-серый опесчаненный суглинок, бесструктурный, сухой, уплотнен, содержит белые точки карбонатов, ходы насекомых, мокрички.
- 25—40 см — светло-серый, тонкозернистый, почти пылеватый песок, бесструктурный, уплотнен, имеет прожилки карбонатов.
- 40—46 см — коричневатопалевоый тяжелый суглинок, слоисто-плитчатой структуры с включением прослоев тонкозернистого песка, залегают линзообразно.
- 46—66 см — серый, тонкозернистый песок, бесструктурный, имеются ходы насекомых.
- 66—115 см — неоднородный по механическому составу и окраске слой с чередованием прослоев суглинка и тонкозернистого песка.

Характерно, что дно канала находится почти на уровне такыровой равнины, а не углублено в грунт, что позволяет предполагать наличие в его основании искусственной насыпи или более древнего вала. Последнее в условиях равнинности рельефа изучаемой территории имело большое значение, так как в этом случае подача воды на поля могла осуществляться самотеком¹⁰.

Таким образом, вал у Тильки-депе, как и вскрытые ранее валы, по своей природе также представляет собой не насыпное сооружение, а небольшой канал, который после заполнения русла осадками и оплыва береговых отвалов превратился в вал.

Система валов на обследованном участке (рис. 4), по-видимому, не является одновременной, об этом можно судить по различной степени выраженности валов-каналов в рельефе, их взаимосвязи и находкам керамики. Кроме типичной керамики времени архаического Дахистана, здесь часто встречаются обломки обожженных кирпичей и фрагменты поливной посуды XIII—XIV вв. По-видимому, этот район был освоен под земледелие дважды, — в период архаического Дахистана и позднее, в эпоху развитого средневековья. Крупные поселения IX—XIV вв. известны в радиусе 15—20 км вокруг Тильки-депе.

Для всей южной зоны Мешед-Мисрианской равнины и Чатского массива характерно наложение друг на друга разновременных ирригационных систем, причем в средние века валы, образовавшиеся на местах архаических каналов, использовались как дамбы для новых водных магистралей.

К северу от Тильки-депе каналы, пересекаясь, образуют систему замкнутых участков площадью 100×100, 150×150, 200×200 м, которые, по-видимому, в прошлом представляли собой поля. По данным почвенных

¹⁰ Это обстоятельство в свое время было отмечено В. М. Массоном («Древнее орошение...», стр. 100) и прослежено нами не только у Тильки-депе, но и в траншеях в Мадау-депе.

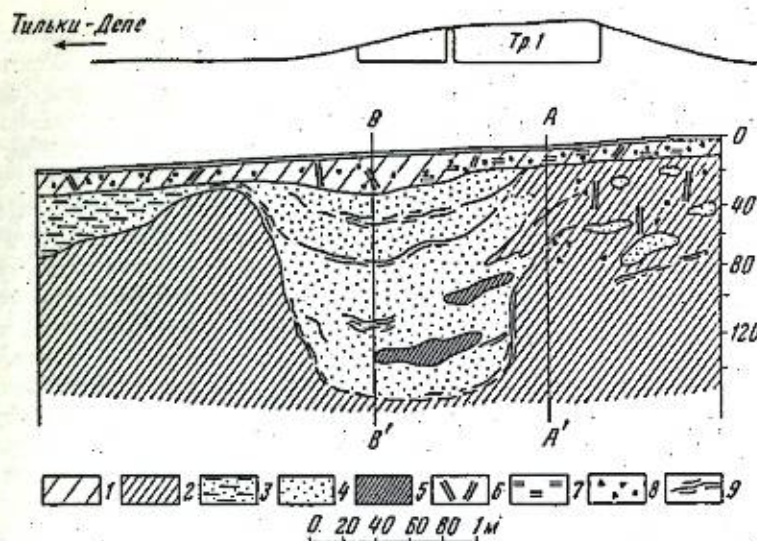

Рис. 3. Профиль и разрез траншеи через вал у Тильки-депе

1 — опесчаненный суглинок; 2 — легкий суглинок; 3 — супесь; 4 — песок; 5 — тяжелый суглинок; 6 — ходы насекомых; 7 — чешуйчатая структура; 8 — включения карбонатов; 9 — глинистые прослои

исследований В. П. Костюченко, принимавшей участие в работах по изучению истории земледелия, на этих земельных участках под слоем современной такыровидной почвы, мощностью 35—40 см, до глубины 80—100 см, прослеживаются хорошо оструктуренные суглинки, несущие следы древнего земледелия. Характерными признаками их являются: а) повышенная гумусность, что создает более темную окраску; б) комковато-зернистая структура; в) значительная уплотненность; г) следы биогенной деятельности и д) слабое засоление. Подстилаются эти почвенные комплексы древнедельтовыми отложениями, полностью аналогичными вскрытым шурфами на самом памятнике.

У Тильки-депе — небольшого сельского поселения — удалось выявить, таким образом, не только остатки древних ирригационных сооружений, но и участки с наличием почв, в древности использовавшихся под земледелие.

Как уже указывалось выше, среди многочисленной керамики данного памятника особо выделяется группа изделий из слабообожженной глины с большой примесью самана. Обычно они сформованы очень небрежно, поверхность их слабо заглажена. Среди предметов, отнесенных к этой группе, можно выделить плоские округлые диски (подставки?) и изделие полусферической формы, уплощенное сверху, с шишковидным налетом, которое могло служить крышкой какого-либо сосуда. Находки такой керамики пока не были известны на памятниках архаического Дахистана, и впервые она обнаружена только на Тильки-депе. Подобные изделия, включающие большую примесь самана, являются хорошим материалом для палеоботанических исследований. Методика определения растительных остатков по отпечаткам на керамике в настоящее время широко использована при изучении трипольской культуры. В Средней Азии впервые пробные анализы были проведены для саманной керамики Тильки-депе, где благодаря любезной помощи Э. В. Янушевич удалось обнаружить отпечатки пленчатого многорядного ячменя (*Hordeum vulgare* L.). Интересно, что аналогичный анализ сырцовых кирпичей с памятника Чиналык-депе (Д-2), расположенного в 32 км западнее, дал отпечатки исключительно мягкой пшеницы (*Triticum aestivum* L.). Незначительное количество определений пока не позволяет делать твердо обоснованных

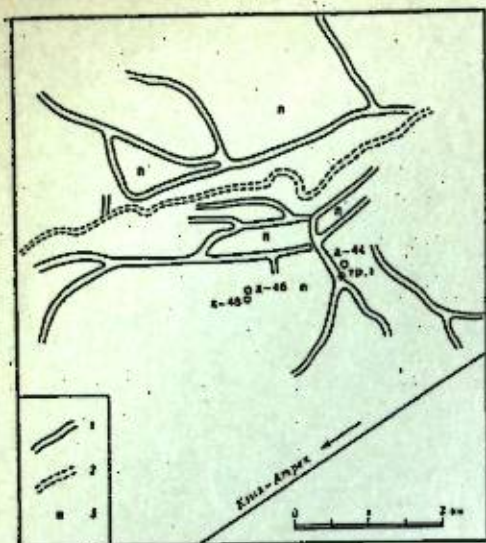

Рис. 4. Схема валов-каналов и участков полей в районе Тильки-депе

1 — валы-каналы; 2 — сухое русло силевого потока; 3 — древние поля

уже ощущался острый недостаток воды для развития земледелия, которое было невозможно без искусственного полива. По-видимому, для хозяйственных нужд широко использовались как воды Сумбаро-Атрекской системы, так и временный сток с гор Западного Копет-Дага. Решить окончательно вопрос об источнике орошения не представляется возможным до тех пор, пока не будут найдены остатки какого-либо головного сооружения на Атреке или Сумбаре, с помощью которого вода могла бы подниматься из глубоко врезанных каньонов этих рек на поверхность Чатского массива и Мешед-Мисрианской равнины. При этом нельзя не учитывать того обстоятельства, что полноводность этих рек за историческое время резко упала в связи с уничтожением лесов в их бассейнах. Для питания ирригационной системы, орошавшей в эпоху поздней бронзы и раннего железа не менее 40 тыс. га, а в период развитого средневековья не менее 100—120 тыс. га, требовался постоянный и мощный источник воды, которым могла быть только Сумбаро-Атрекская система, тогда как временный сток обеспечить ее функционирование не мог.

Интересны данные определения углей из шурфа 2 Тильки-депе. Здесь обнаружены: тополь, вяз и тамарикс (табл. 2), то есть породы, характерные для древесной растительности оазисов и тугайных лесов Южного Туркменистана. Для Мадау-депе (Д-7), расположенного в достаточном удалении к западу (21,5 км), наряду с уже указанными поро-

выводов, но вполне возможно, что на разных участках области распространения культуры архаического Дахистана высевались различные сельскохозяйственные культуры. Размер полевых участков у Тильки-депе и отсутствие мелкой арычной сети, обычной при высеве интенсивно орошаемых культур, позволяют предполагать, что восточные районы Чатского массива могли засеиваться ячменем, который, будучи весьма неприхотливой культурой, не требовал тщательного ухода и возделывался в основном у небольших сельских поселений.

Наличие оросительной сети и водосборных сооружений в районе Тильки-депе свидетельствует о том, что еще в конце II тыс. до н. э., когда эта территория только заселялась (пока следов более ранних культур здесь не обнаружено),

дами, в значительном количестве встречен ясень, что, по-видимому, отражает уже природные особенности отдельных мелких регионов. Во всяком случае, весьма обычный для археологических памятников Туркмении набор углей¹¹ говорит о том, что условия климата в конце II тыс. до н. э. были близки к современным и распространение древесной растительности зависело только от степени обводненности района.

Работы на участке Тильки-депе являются составной частью работ по изучению истории орошаемого земледелия на Мешед-Мисрианской равнине в целом, которые уже сейчас позволяют рассматривать эту территорию как один из наиболее перспективных районов для будущего сельскохозяйственного освоения.

Таблица 2

Результаты определения углей с памятников времени архаического Дахистана

Определенные породы	Мадау-депе (Д-7)	Тильки-депе (Д-44)	Определенные породы	Мадау-депе (Д-7)	Тильки-депе (Д-44)
Тополь (<i>Populus sp.</i>)	3*	3	Ясень	63	—
Вяз	26	2	Тамарикс	2	7

* Цифра обозначает количество определенных угляков.

¹¹ Г. Н. Лисицына. Растительность Южной Туркмении в VI—V тысячелетиях до н. э. по данным определения углей. Сб. «Кара-кумские древности», вып. 11. Ашхабад, 1968.

В. И. КОЗЕНКОВА

ОБ ОДНОМ ТИПЕ КОБАНСКИХ БУЛАВОК

Характерную группу украшений раннего железного века Кавказа представляют бронзовые булавки с навершиями в виде парных головок животных, смотрящих в противоположные стороны. В настоящее время их известно 13 экземпляров.

1. Булавка с навершием в виде двух объемно моделированных головок горных козлов с выпуклыми глазами, рельефно выделенными ушами и бородкой и великолепной линией мощных рогов. Стержень в верхней части четырехгранный, а на конце круглый. Между головками на одной стороне стержня дополнительная орнаментация в виде рельефного очкового знака, а на оборотной стороне небольшая петля для подвешивания. Длина булавки—18,2 см. Предмет происходит из слоя X—VII вв. до н. э. Стержень Юртовского поселения (Чечено-Ингушетия), характеризующего восточный вариант кобанской культуры. Данные стратиграфии и сопутствующие находки показали, что булавка относилась к началу указанного периода, т. е. не позднее чем к X—IX вв. до н. э. (рис. 1, 1).

2. Булавка с навершием в виде двух уплощенных головок лошадей с рельефно моделированными ушами, выпуклыми глазами и волнистыми гривами. Изображения реалистичны. Стержень в верхней части уплощенно-овальный, в середине—круглый. Между головками на стержне круглое отверстие для подвешивания. Длина булавки—18,5 см. Предмет происходит из ямы в слое X—VII вв. до н. э. Стержень Юртовского поселения (рис. 1, 2).

3—4. Две булавки с навершием в виде парных конских головок. Изображения уплощенные, с рельефно-моделированными ушами, выпуклыми глазами и выделенной зубчатой гривой. Очертания головок слегка геометризованные. Стержень в верхней части прямоугольный, в средней—круглый. Длина булавок—19,2 см. Разительное сходство предметов предполагает единую литейную форму. Обе булавки, воткнутые крест-накрест, украшали и поддерживали сложный головной убор погребенной женщины в одной из могил Стержень-Юртовского могильника. Погребение (№ 35) относится к группе, датируемой концом IX—началом VIII в. до н. э. (рис. 1, 6, 7).

5. Булавка с навершием в виде пары конских головок, выполненных в реалистической манере. Стержень булавки круглый. В утолщенной верхней части имелось круглое отверстие. Вся верхняя часть стержня орнаментирована нарезными горизонтальными и косыми параллельными линиями. Длина булавки—9,2 см. Предмет происходит из Кобанского могильника (раскопки Е. Шантра¹; рис. 1, 3).

6. Булавка с навершием в виде пары головок хищных птиц с рельефно моделированными круглыми глазами и острыми загнутыми клювами. Навершие орнаментировано косыми насечками. Стержень булавки, круглый в сечении, имел в верхней части утолщение с отверстием в нем. Ниже—украшение в виде трех горизонтальных параллельных линий. Длина булавки—10,4 см. Предмет происходит из Кобанского могильника (собрание А. А. Бобринского²; рис. 1, 4).

7. Булавка с навершием в виде двух головок баранов с удлиненными горбоносными мордами и кольцеобразно закрученными рогами. Стержень украшен рельефным косым шнуром, таким же, как на некоторых статуэтках животных кобанской культуры. Длина булавки—15,8 см. Предмет происходит из с. Заюково (Кабардино-Балкария³; рис. 1, 5).

8. Булавка с навершием в виде двух головок, видимо, птиц. Изображения отличаются крайним схематизмом. Стержень короткий, с небольшим утолщением и отверстием посередине. Длина булавки—7,5 см. Предмет происходит из Кумбултского могильника «Верхняя Рутха» (сборы Е. И. Крупнова в 1939—1940 гг.⁴; рис. 1, 9).

9. Булавка с навершием в виде двух схематически изображенных животных, возможно лошадей. Круглый стержень, в верхней части витой. Длина булавки—18,6 см. Предмет происходит из могильника «Фаскау» в Северной Осетии (собрание Б. Дзелихова⁵; рис. 1, 12).

10. Булавка точно такая же, как вышеописанная (рис. 1, 12). Длина булавки—20 см. Предмет происходит из могильника Кумбулта (раскопки Долбежева В. И. в 1888 г.⁶; рис. 1, 13).

11. Булавка с навершием в виде двух схематически выполненных головок баранов. Стержень круглый, с трубчатым отверстием и винтовой нарезкой в верхней части. Длина булавки—16,8 см. Предмет найден в Банис-Хевн около Боржоми (раскопки В. А. Городцова в 1911 г.⁷; рис. 1, 8).

12. Булавка с навершием в виде двух головок лошадей. Изображения отличаются схематизмом. Стержень круглый; в верхней части утолщение с отверстием. Длина булавки—9,5 см. Предмет происходит из слоя VIII—VI вв. до н. э. Аркаского поселения в Дагестане (рис. 1, 10)⁸.

13. Булавка с навершием в виде двух схематически выполненных головок оленей. Стержень круглый. Между головками отверстие с прорезанной через него круглой петлей из бронзовой проволоки. Длина булавки—10,2 см. Предмет происходит из погребения 24 Астхилурского могильника (Армения) середины I тыс. до н. э. и датируется автором раскопок С. А. Есаяном VII—VI вв. до н. э.⁹ (рис. 1, 11).

Итак, подавляющее большинство находок происходит с ограниченной территории северного склона центральной и восточной части Кавказского хребта. Только три экземпляра булавок найдены на соседней территории—в Дагестане, Грузии и в Армении. Ареал самих находок и сопутствующие им материалы (где это возможно было проследить) показывают, что исследуемый тип булавок следует рассматривать как один из материальных компонентов кобанской культуры. Многократно повторенные в серии булавок особенности формы и стиля позволяют связывать

¹ П. С. Уварова. Указ. соч., стр. 53, рис. 52.² Архив А. П. Круглова. ЛОИА, архив, ф. 45, д. 40, л. 37.³ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 102, рис. 9, 9.⁴ Фонды Гос. Исторического музея, инв. № 21630—22183 (№ 828).⁵ Фонды Гос. Исторического музея, № 55/436.⁶ Фонды Гос. Исторического музея, № 69/28.⁷ М. И. Пиккуль. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махач-Кала, 1967, стр. 62, рис. 16, 35.⁸ С. А. Есаян. Астхилурский могильник. ВОН АН Арм. ССР, 1968, № 6 (301), табл. IV, 10, стр. 90.⁹ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, т. VIII, 1900, табл. XXXIX, 5.

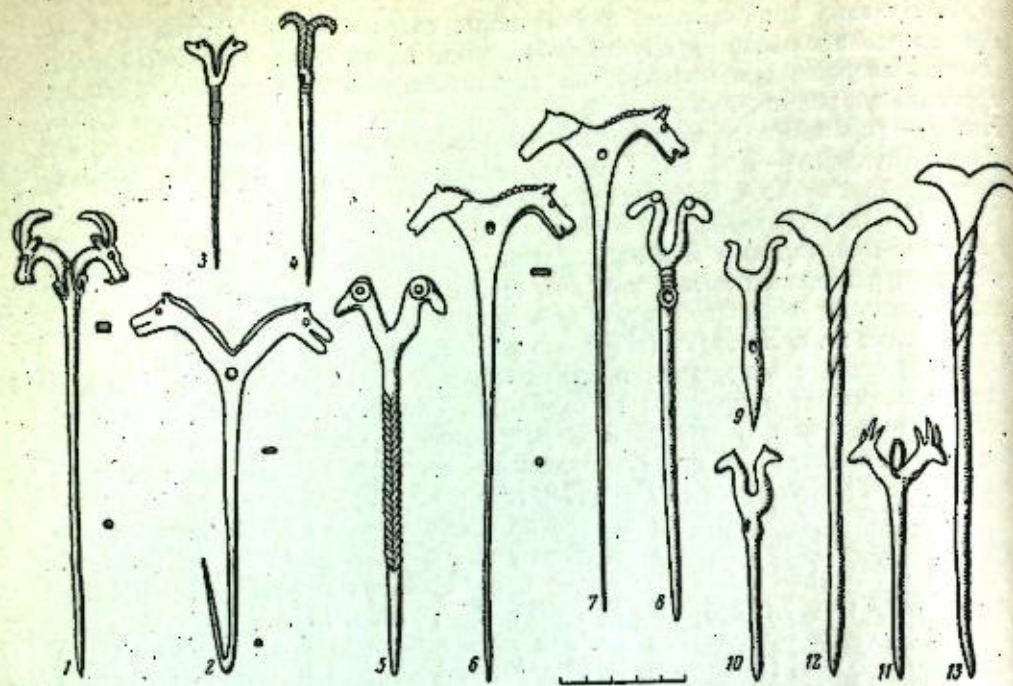

Рис. 1. Булавки с навершиями в виде двух головок животных
1, 2, 6, 7—Сержень-Юрт; 3, 4—Кобань; 5—Заюково; 8—Банис-Хеви; 9—«Верхняя Рутха»; 10—Архас; 11—Фаскау; 12—Астхиблур; 13—Кумбуга

с кобанской культурой даже те экземпляры, которые обнаружены за пределами ее распространения (Аркас, Банис-Хеви, Астхиблур).

До настоящего времени булавки с навершиями в виде двух головок животных включались некоторыми исследователями в обширную зону булавок с зооморфными навершиями. Типология их отсутствует, а территориальный (от Инда до Балкан) и хронологический (с III до конца II тыс. до н. э.) диапазон чрезвычайно широк¹⁰. Для единичных экземпляров булавок с навершием в виде пары головок из Кобанского могильника без достаточных оснований фигурировала дата 1300 г. до н. э.

В настоящее время на основе новых материалов определилась реальная возможность не только выделить эти булавки из общего круга булавок с зооморфными навершиями, но и уточнить хронологию этого типа. Отсутствие их в инвентаре ранних могил широко раскопанного Тлийского могильника и в то же время находка такой булавки в Сержень-Юртовском поселении в слое не ранее рубежа II—I тыс. до н. э. является весьма показательным для определения нижней грани существования этих предметов. Подтверждается точка зрения Е. И. Крупнова о бытовании булавок с навершием в виде пары головок преимущественно на первом этапе существования кобанской культуры (XI—VIII вв. до н. э.)¹¹. Однако существуют мнения и о более поздней их дате. Например, М. И. Пикуль на основе находки в слое Аркасского поселения предлагает дату VIII—VI вв. до н. э., а С. А. Есаян—VI—V вв. до н. э. Такое расхождение в датах, на наш взгляд, не случайно. И если сравнить экземпляры булавок из более ранних памятников и более поздних, то возникает представление об определенной эволюции булавок рассматриваемого типа. Детальное изучение имеющихся экземпляров позволяет

разделить их на три группы. Первая группа объединяет булавки, выполненные в заметной реалистической манере (булавки с козлами и лошадьми из Сержень-Юртовского поселения, булавки из Заюкова, булавка из Кобани с изображением лошадей и птиц). Отдельные различия внутри этой группы, возможно, отражают локальные особенности.

Во вторую группу нами включены предметы с наметившимися признаками частичной схематизации. Это булавки с конскими головками из Сержень-Юртовского могильника и булавка с бараньими головками из Банис-Хеви.

Третья группа включает экземпляры со следами крайней схематизации (булавки из «Верхней Рутхи», Камунты, «Фаскау», Аркасса и Астхиблур).

Датировка первой группы может базироваться на булавках из Сержень-Юртовского поселения (X—IX вв. до н. э.). Для датирования второй группы опорой являются булавки из Сержень-Юртовского могильника (конец IX—начало VIII в. до н. э.). И, наконец, третья группа может быть отнесена к VIII—V вв. до н. э. на основе комплекса из Астхиблур.

Таким образом, сопоставление данных по хронологии с данными, отражающими индивидуальные особенности каждой группы, показывает, что на протяжении длительного времени булавки постепенно меняли свой облик, причем изменение шло от реализма в сторону полнейшей схематизации зооморфных изображений. Не исключено, что дальнейшие изыскания внесут коррективы в предложенную схему, но на сегодняшний день она вырисовывается именно так, как изложено выше.

Анализ булавок с навершиями в виде двух геральдически расположенных головок животных способствует более отчетливому представлению о путях развития художественного творчества древних кобанцев и обогащает наши знания о кобанской культуре в целом.

¹⁰ Д. В. Деоник, Н. Я. Мерперт. О конце цивилизации Хараппы. СА, 1957, № 4, стр. 204—206. Там же см. библиографию вопроса.

¹¹ Е. И. Крупнов. Указ. соч., стр. 136—137, таблица.

В. И. САРИАНИДИ

ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ
И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА В СЕВЕРНОМ АФГАНИСТАНЕ

Работы Советско-Афганской экспедиции приоткрыли совершенно новую страницу в истории существования североафганских племен в эпоху первобытнообщинного строя.

Маршрутные обследования, проведенные А. В. Виноградовым, выявили по левобережью р. Амударья ряд пунктов с материалом эпохи мезолита и неолита. Полученные данные по каменному веку Северного Афганистана имеют первостепенное значение не только в плане выявления начальных этапов заселения этой страны, но и для древней истории всего Ближнего Востока. До этих работ все наши сведения о каменном веке ограничивались исключительно предгорными и горными районами¹, а эти материалы впервые позволяют говорить о жизни в пустынных районах. Очевидно, сейчас уже можно утверждать, что по крайней мере начиная с мезолита охотники скальных навесов и гротов постепенно покидают горные районы и спускаются на равнину. Интенсивное освоение ныне пустынных плато в столь отдаленное время вместе с благоприятными условиями для развития собирательства² дают веские основания для поисков здесь древнейших земледельческих поселений.

До последних лет древности Бактрии были известны лишь начиная с Греко-Бактрийского царства, так что в наших знаниях существовал огромный пробел, соответствующий периоду между эпохой камня и античностью³. Именно поэтому вновь созданная Советско-Афганская археологическая экспедиция предприняла специальные поиски памятников эпохи бронзы. В результате удалось обнаружить два оазиса этого периода: один в районе Давлетабада (между Андохом и Маймене) и второй к северу от г. Акча. Памятники этих оазисов относятся ко II тыс. до н. э. Широкие археологические исследования были произведены в Акчинском оазисе, где зафиксировано свыше 10 поселений, наиболее значительное из которых носит название Дашлы-тепе. Поскольку остальные поселения этого же периода наименований не имеют, им были даны условные названия Дашлы 1, 2, 3... Несколько восточнее и частично на месте памятников эпохи бронзы возникает следующий оазис ахе-

менидского времени (Алтын 1, 2, 3...). Еще южнее располагается античный оазис со столичным городом Дальверзин-тепе. Таким образом, Акчинский оазис представляет идеальные возможности для исследования истории существования местных племен на протяжении свыше полутора тысяч лет.

Памятники эпохи бронзы представлены небольшими поселениями с размерами около 200×150 м, отстоящими друг от друга на расстоянии от 0,5 до 3—5 км.

На поверхности их много керамики и кремневых изделий. Отмечены керамические печи, иногда по несколько в одном месте, а также мастерская для плавки металла с остатками тигля.

Раскопки на Дашлы I показали, что памятник состоял из крепости и примыкающего к нему поселения. Прямоугольная крепость размером 99×85 м имела оборонительные стены шириной от 3 до 4 м, сложенные из сырцового кирпича размером 50×22 (24)×12 см. По углам крепости и вдоль стен устроены круглой формы башни. Сближенные башни посередине внешних стен, видимо, оформляли крепостные ворота. Тип прямоугольной крепости с угловыми башнями был известен в литературе не ранее первых веков н. э. Как видно, в Северном Афганистане такая планировка существовала на много веков раньше, что представляет определенный интерес для истории развития архитектуры Древнего Востока.

Хотя вскрыта почти четвертая часть внутренней площади крепости, каких-либо улиц, дворов или площадей пока не обнаружено. Выделяется группа узких вытянутых помещений, оказавшихся сожженными в древности. Их планировка и характер заполнения резко отличаются от обычных бытовых зданий. Не исключено, что они были связаны с оборонительными функциями, тем более что именно в них встречены глиняные ядра яйцевидной формы.

Среди раскопанных помещений выделяются комнаты с камнями. Особый интерес представляет дымоход, устроенный внутри стены. Этот конструктивный прием нам неизвестен на других синхронных памятниках и бесспорно свидетельствует о высокой культуре строительного дела, когда помещения отапливались уже не «по-черному». Наряду с такими имеются обычные открытые очаги, служившие для приготовления пищи.

Шурфы на прилегающем к крепости поселении выявили наличие не более 1—2 строительных горизонтов, причем встреченный материал полностью соответствует аналогичному, происходящему из крепости.

Следует отметить, что тип памятника, состоящий из крепости и прилегающего к нему поселения, в целом был характерным для всего исследуемого оазиса.

Раскопки другого памятника — Дашлы 3 — привели к открытию оригинального по планировке монументального сооружения. Дашлы 3 также состоит из холма-крепости и намного более низкого поселения. На поверхности холма по его краям прослеживаются мощные, видимо обводные, стены, что сближает его с вышеописанной крепостью. Почти в центре прилегающего поселения располагается круглое в плане здание диаметром 36 м. Внешняя, метровой толщины кольцевая стена имеет снаружи 9 «башенок» со входами, ведущими внутрь здания. Отступя 1,5—2 м от внешнего кольца, параллельно ей идет вторая стена так, что вместе они образуют своеобразный обводной коридор с тонкими поперечными стенками. Почти в середине всего здания располагается центральное прямоугольное сооружение, состоящее из нескольких помещений, интерьеры которых оформлены трехступенчатыми пилонами. Отмечены двухчастные прямоугольные очаги, возведенные на кирпичных платформах. В целом исследуемый архитектурный комплекс резко выделяется от известных

¹ G. S. Coon, H. W. Coultter. Excavations of Kamar Rock Shelter. «Afghanistan», 1955, N 1; L. Dupré, B. Hows. Results of an Archaeological Survey for stone Age Site in North Afghanistan, 1968, No 2; L. Dupré. The Prehistoric Period of Afghanistan. «Afghanistan», 1967, N 3.

² На это указывает находка кремневой пластины с боковыми выемками, возможно мезолитического времени, найденной у пункта 102.

³ Н. И. Вавилов и Д. Д. Букин. Земледельческий Афганистан. Л., 1929.

⁴ Обзор литературы см.: V. Masson, V. Sarianidi. Afghanistan in the Ancient East. «Afghanistan», v. XXII, N 2. Kabul, 1969.

сооружений, и если учесть, что он занимает почти треть общей площади поселения, то станет очевидным его общественное назначение. Очевидно, что это было монументальное здание либо светского, либо культового назначения. Не исключено, что перед нами руины храма, а само поселение Дашлы 3 являлось культовым центром всего оазиса в ранний период его существования. На последнее обстоятельство указывают многочисленные впускные погребения эпохи бронзы, частично нарушившие стены комплекса.

Общая планировка и архитектурное решение круглого здания не находят себе пока аналогий среди синхронных памятников Древнего Востока. Вместе с тем это сооружение обнаруживает определенные аналогии с хорезмийской крепостью Кой Крылган-Кала⁵.

Хотя между североафганским и хорезмским памятниками существует большой хронологический разрыв, не исключено, что истоки планировочных принципов крепости Кой Крылган-Кала в конечном счете восходят к архитектурным сооружениям типа круглого здания с Дашлы 3.

Определенный интерес представляют и погребальные обряды обитателей оазиса. Имеются отдельные «грунтовые» могильники, вынесенные на окраину поселений. Один такой полуразвешанный могильник исследован на окраине поселения Дашлы 3. Могильные ямы вырыты в древнем такыровом слое и, видимо, были заложены сверху кирпичами. Скелеты сохранились плохо, они скорченные, ориентированы головами преимущественно на север, погребальный инвентарь невелик, — как правило, это несколько керамических сосудов.

Наряду с этим встречены захоронения, впущенные в руины заброшенных зданий. Все скелеты скорченные, преимущественно северной ориентировки, кроме сосудов встречены металлообработанные булавки, зеркала, браслеты, кольца, каменный флакон. Вместе с тем на поселениях оазиса отмечены «кенотафы», где костяки совершенно отсутствуют, а погребальный инвентарь включает большое количество сосудов, иногда свыше 20, часто уложенных стопками.

Принципиального интереса заслуживают ритуальные захоронения баранов: два таких погребения встречены на Дашлы I. Полные скелеты баранов лежат в могильных ямах и окружены большим количеством сосудов; в одном случае перед мордой положены ребра от другого барана.

Керамический комплекс рассматриваемых памятников включает три основные группы: посуду, сделанную на гончарном круге, лепную и сероглиняную. Решительно преобладают сосуды первой группы, изготовленные из глины хорошего качества и обжига. Основные формы — вазы, вазы на ножке, хумчи с подкошенной придонной частью, кубки, кубки на ножках, чаши со сливами, чайники, горшки, кринки, хумы. Ведущими и наиболее показательными формами являются тонкостенные вазы и вазы на ножках, составляющие свыше 80% от всей учтенной «столовой» посуды с Дашлы I. За редким исключением все они изготовлены из глины светлого теста, светлоангобированные, с тонкопрофилированными венчиками. Много реже встречены краснофонные и в единичных случаях как бы окрашенные красной краской.

Вторая группа представлена кухонными сосудами, по преимуществу котлами и жаровнями с низким бортиком.

Немногочисленную, но характерную группу составляют сероглиняные сосуды в виде полусферических чаш, мисок, горшков, сосудов со сливами, украшенных лощеным орнаментом. Комплекс серолощеной посуды

⁵ «Кой Крылган-Кала — памятник культуры Древнего Хорезма IV в. до н. э.—IV в. н. э.» — «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. V, Москва, 1967.

имеет прямые аналогии в памятниках эпохи бронзы Северо-Восточного Ирана.

Среди кремневых изделий выделяются наконечники стрел трех основных типов: ромбические, треугольные черешковые и много меньше лавролистные, имеются также наконечники дротиков до 10 см длиной. Большинство их изготовлено прекрасной отжимной техникой. Встречены длинные пластины, края которых нередко имеют глубокую ретушь, видимо служившие вкладышами серпов.

Достаточно широко представлены и металлообработанные изделия, преимущественно бронзовые. Это «длинные булавки», бритвы, зеркала, браслеты, височные подвески, серебряное колечко, лезвия ножей и дротиков, топоры, серп с зубчатым рабочим краем.

Особую группу находок составляют каменные, бронзовые и терракотовые печати. Большая их часть имеет круглую форму с петелькой-ручкой с оборотной стороны. На лицевой части имеются геометрические орнаменты, выполненные перегородчатой техникой. Интересны единичные каменные печати, сделанные в виде подвесок со сквозным отверстием для подвешивания. На одной читается изображение скорпиона, на другой — крылатый лев с открытой пастью. Обе они скорее всего являются импортом, причем печать со львом близко напоминает ассирийские, датируемые XII—X вв. до н. э.⁶

Костяные изделия представлены обработанными рогами мелких и крупных животных, в том числе оленьими. Имеются и более миниатюрные тщательно зашлифованные костяные предметы. Наряду с керамическими пряслицами встречены каменные, биконической формы, часто украшенные кружочками — по 3 с каждой плоскости; о назначении их в качестве пряслиц можно говорить условно. Точно такие изделия известны и в Гиссаре, где подобная орнаментация была широко распространена⁷.

Обращает на себя внимание редкость украшений и почти полное отсутствие мелкой терракотовой пластики.

Такова суммарная характеристика материальной культуры племен исследуемого оазиса. Поселения с мощными крепостными укреплениями, высокий уровень гончарного производства и металлообработки, монументальная архитектура, хозяйство, основанное на земледелии и скотоводстве, — все свидетельствует о существовании здесь высокоразвитой культуры. Представляется вполне закономерным характеризовать исследуемые памятники как относящиеся к «цивилизации второго пояса», которая охватывала области к северу от Гиндукуша, Восточного Ирана и частично заходила на территории южных районов Средней Азии. В этом отношении показательны, что минимальные соответствия акчинскому комплексу прослеживаются в Южном Афганистане⁸, в то время как памятники типа Шах-тепе II, Тюренг-тепе III и Тепе Гиссар III обнаруживают более прямые параллели⁹. Однако наиболее выразительные, бесспорно генетические связи уходят в южные области Туркменистана¹⁰ и Узбекистана¹¹. В свете новых фактов представляется вполне закономерным

⁶ Ср.: E. Porada. Corpus of Ancient Near Eastern Seals. Washington, 1948, pl. LXXXVI.

⁷ E. Schmidt. Excavations at Tepe Hissar, Philadelphia, 1937, p. 232, Pl. LXX.

⁸ J. M. Casal. Fouilles de Mundigak. MDAFA, T. XVII. Paris, 1961, Pl. XXXII.

⁹ J. Deshayes. New Evidence for the Indo-Europeans from Tureng Tepe. — «Archaeology», 1969, v. 22, N 1; J. Deshayes. Tureng Tepe et la Periode Hissar IIIc. «Ucaritica», v. VI. Paris, 1969; T. Arne. Excavations at Shah Tepe. Stockholm, 1945; E. Schmidt. Excavations at Tepe Hissar. Philadelphia, 1937.

¹⁰ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргяны. МИА, № 73. М.—Л., 1959, табл. I—XVI.

¹¹ Л. Н. Альбаум. Памятники эпохи бронзы на территории Сурхандарьи. «Общественные науки в Узбекистане», 1969, № 5, стр. 46—47, рис. 1, 2; Г. А. Путиченко. Археологические исследования Узбекстанской искусствоведческой экспедиции. Сб. «Археологические открытия 1970 года». М., 1971, стр. 420—421.

предполагать сложение южноузбекистанских памятников типа Сапал-Миршаде в связи с расселением части североафганских племен на правобережье Амударьи.

Не исключено, что в более опосредствованной форме это влияние достигает и области Свата, где Г. Стакул выделил периоды I—VII¹². Акчинский археологический комплекс ближе всего соответствует периоду V и наиболее ранним могилам Тимаргарха¹³, что особенно четко прослеживается в широком распространении здесь формы вазы на высокой ножке. Приведенные наблюдения указывают на вполне реальные связи между Афганистаном, Средней Азией и Пакистаном конца II—I тыс. до н. э., позволяющие наметить контуры огромного региона расселения древних племен на Индо-Пакистанском субконтиненте.

Иной культурно-исторической принадлежности памятники открыты около г. Шибрган, о чем можно судить по результатам раскопок поселения Тилля-тепе. Стратиграфические шурфы установили, что культурные наслоения памятника превышают 10-метровую толщу. Раскопки верхнего слоя выявили здесь два строительного горизонта, из которых второй сверху состоит из ряда помещений, составлявших многокомнатные дома. Найденный здесь керамический материал в целом полностью соответствует посуде, встреченной в шурфах начиная с самых нижних слоев.

Вся керамика с Тилля-тепе может быть подразделена на две группы: лепную и гончарную. Первую наиболее многочисленную группу составляет посуда ручного изготовления, подразделяющаяся в свою очередь на типы: расписную, чернополированную и кухонную. Наибольший интерес представляет расписная керамика. Глина ее имеет большую примесь толченой керамики или мелконарубленных растений. Черепок слегка пористый, красноватого цвета, иногда в середине пережженный до черна. Поверхность сосудов покрыта ангобом светлых тонов — от красноватого до розоватого. Среди керамических форм наиболее широко представлены полусферические чаши и горшковидные; много реже встречены хумы.

Роспись выполнена коричневой или красноватой краской, иногда небрежно. Орнаменты почти исключительно геометрические. Это — треугольники, квадраты, лесенки, ромбы, заштрихованные в косую сетку или сплошь залитые краской. Нередко они скомбинированы в различных сочетаниях так, что налицо довольно сложные узоры. Почти всегда роспись нанесена на верхнюю часть сосуда; в единичных случаях отмечена роспись изнутри.

Следующий тип составляет хотя и немногочисленная, но характерная чернополированная посуда. Это — сосуды средних размеров типа горшков и кружек, иногда имеющие широкие, вертикально поставленные ручки, идущие прямо от венчика к тулову. Ниже венчика расположен кольцевой орнамент в виде рельефных горизонтальных валиков. На единственном фрагменте отмечен процарапанный орнамент.

Третий тип составляет многочисленная кухонная посуда грубой выделки. Здесь выделяются котлы с ручками-выступами, крупные хумы, горшки, хумчи, жаровни с низкими бортиками, крышки с ручками. Отдельные экземпляры украшены нарезным или наклепным орнаментом.

Вторую группу керамики Тилля-тепе представляют сосуды, изготовленные на гончарном кругу. Глина без заметных примесей и отличается прекрасным качеством и обжигом. Как правило, внешняя поверхность сосудов покрыта светло-зеленоватым ангобом. Основные формы: хумы, горшки, чаши, миски. Венчики хорошо профилированы, чаще всего

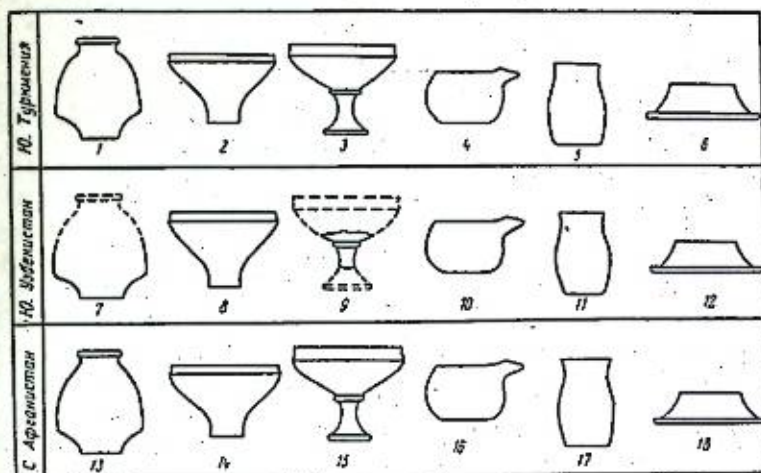

Рис. 1. Сравнительная таблица керамических форм
1—6 — по В. М. Массону, 7—12 — по Л. И. Альбауму

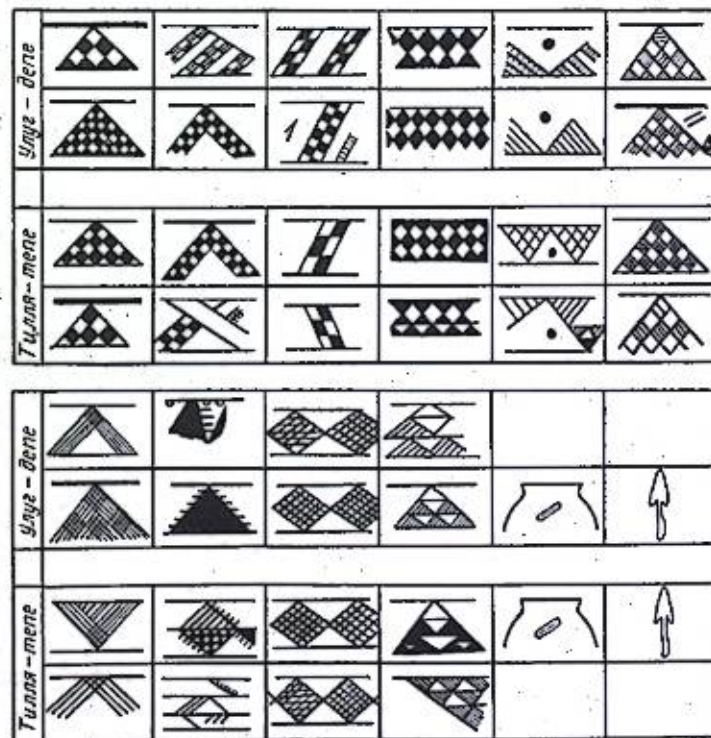

Рис. 2. Тилля-тепе. Сравнительная таблица орнаментов на керамике
из Южного Туркменистана и Северного Афганистана

¹² G. Stacul, Excavation Near Galigai (1968) and Chronological Sequences of Protohistoric Cultures in the Swat Valley. «East and West», 1969, v. 19, p. 44—88.
¹³ A. H. Dani with collaboration of F. A. Durrani, A. Rahmani, M. Sharif, Timargarha and Gandhara Grave Culture. «Ancient Pakistan». Peshaver, 1948, v. III.

имеют в разрезе треугольную форму и обычно сильно отогнуты наружу. В целом формы венчиков сосудов средних размеров почти аналогичны таким же первой группы. Подсчет по венчикам среди всей посуды с раскопа дал соотношение 1:2 в пользу лепной керамики. Кроме керамики на раскопе найдены два бронзовых наконечника стрел, железные поделки и глиняные ядра.

Полученные материалы с Тилля-тепе выглядят несколько изолированно на фоне известных поселений Афганистана. Правда, единичные орнаменты расписной посуды находят некоторые аналоги в керамике Мундигака VI¹⁴, однако они носят преимущественно формальный характер. Зато наиболее близкие, в ряде случаев тождественные, параллели отмечаются в комплексе типа Яз 1. Все это дает право предполагать прямую взаимосвязь между ними, однако конкретизация такого допущения потребует уточнения на новом материале (рис. 2). Косвенные данные тому дают памятники около г. Кучана (Северо-Восточный Иран)¹⁵, где встречаются расписные фрагменты, близко напоминающие керамику Тилля-тепе и Яз-тепе. В таком случае не исключено, что истоки южнотуркменистанских и североафганских комплексов уходят в районы иранского Хорасана и представляют собой две ветви одного общего корня. На еще более западные связи, возможно, указывает небольшая группа чернотермальной керамики, близко напоминающая аналогичную с поселений Хурвина, Чандара¹⁶.

Если происхождение рассматриваемых комплексов еще требует своего уточнения, то сложение памятников типа Кучук-тепе и особенно Миршаде¹⁷ не оставляют сомнений в их североафганском происхождении. В настоящее время представляется наиболее вероятным предполагать, что во второй половине II тыс. до н. э. из иранского Хорасана в восточном направлении распространяются племена, часть которых оседает в Южном Туркменистане, а другая достигает районов Северного Афганистана. Несколько позднее какая-то группа последних переправляется через Амударью и продвигается еще дальше, по крайней мере вплоть до пункта Миршаде.

Предполагаемое хорасанское происхождение рассматриваемых археологических комплексов ретроспективно может отражать путь распространения племен восточноиранской языковой группы в пределы южных областей Средней Азии. Приведенные наблюдения не решают проблемы в целом, но заставляют заново пересмотреть старую теорию о западно-андоновских и срубных племенах как носителях арийской языковой семьи.

¹⁴ J. M. Casal. Fouilles de Mundigak, fig. 118, N 622; fig. 119, N 623; fig. 122, N 153.

¹⁵ Личные наблюдения автора.

¹⁶ T. C. Young. A comparative ceramic chronology for western Iran, 1500—500 B.C. «Iran», v. 3, 1965, fig. 9, N 2, 3.

¹⁷ Г. А. Пугаченкова. Археологические исследования Узбекстанской искусствоведческой экспедиции. Сб. «Археологические открытия 1970 г.» М., 1971, стр. 421.

Е. Е. НЕРАЗИК

РАСКОПКИ ГОРОДИЩА ТОПРАК-КАЛА¹

Городище Топрак-кала, расположенное в Бирунийском районе Кара-Калпакской АССР, хорошо известно специалистам благодаря великолепным находкам, полученным во время раскопок дворца, где обнаружены остатки архива, многокрасочных настенных росписей и глиняной скульптуры. Эти раскопки привели к предположению, что Топрак-кала является развалинами кратковременной столицы Хорезма на рубеже III и IV вв. н. э.

Существующее представление о городе сложилось в итоге разведочных работ, проводившихся Хорезмской археолого-этнографической экспедицией в течение ряда лет². Оно вполне определено, так как путем сопоставления визуальных наблюдений с данными аэрофотосъемки получены отчетливые сведения, легшие в основу созданной С. П. Толстовым реконструкции города. Скажем сразу, что это представление не изменилось в ходе ведущихся с 1965 г. раскопок на городище³.

Напомним, что городище имеет прямоугольные очертания и занимает площадь 500 × 350 м. Правильная сетка улиц очерчивает десять кварталов, симметрично расположенных относительно центральной артерии города, ведущей к единственному входу посередине южной стороны. Эта планировка ставит Топрак-калу в один ряд с такими городами древнего Востока, как Селевкия, Дура-Европос, Таксила и др. Любопытно, что близкими оказываются не только общие черты плана, но и размеры кварталов и улиц, например, в Дуре-Европос площадь кварталов равна 40/45 × 100/130 м, ширина улиц — 9 и 4,5 м⁴, в Топрак-кале соответственно — 40 × 100 м и 9 и 4—5 м. (рис. 1).

На территории города в 1965—1968 гг. велись раскопки двух соседних кварталов в западной половине города, обозначенных буквами А и Б, причем во втором вскрыта почти треть его площади, заложено несколько шурфов в жилой застройке, в том числе у подножья крепостной стены, расчищены участки крепостных сооружений вдоль западной стороны города и у его северо-восточного угла. Указанные работы дали прежде всего представление о сложной стратиграфии города. Рельеф городища на большей части его территории плоский, и лишь в северной части имеются всхолмления. Самой высокой точкой является вершина бугра, расположен-

¹ Данная статья представляет собой текст доклада, прочитанного в 1968 г. на отчетно-экспедиционной сессии ИА АН СССР в Ленинграде.

² См. библиографию работ на Топрак-кале в соч. С. П. Толстова «По древним дельтам Окса и Яксарта». М., 1962, стр. 209.

³ Краткие сведения об этих работах см. в ст. Е. Е. Неразик «Раскопки городища Топрак-кала» в сб. «Археологические открытия 1968 г.», М., 1969, стр. 412—413.

⁴ F. Cumont. Fouilles de Doura-Europos. Paris, 1926, p. 25—26.

ного посредине квартала А (абс. отметка 6,75 м). Самый низкий уровень отмечен близ северо-восточного угла города, где находились, по-видимому, бассейн и площадь, и у подножья дворца внутри огороженного мощной кирпичной стеной участка, занятого, по предположениям С. П. Толстого, комплексом храма огня⁵. К настоящему времени от существовавших здесь построек сохранились лишь самые основания стен высотой не более 1—2 кирпичей, а во многих местах на поверхность уже вышел материковый слой. Можно предполагать, что этот внутренний двор почему-то не застраивался в последние периоды жизни в городе.

Значительные перепады в рельефе наблюдаются на территории двух раскапываемых кварталов: если уровень поверхности в центре квартала Б достигает 4 м, то по направлению к центральной улице он постепенно понижается до 1,5—2 м. Последняя цифра определяет толщину напластований на большей части площади города. Упомянутые перепады в рельефе объясняются главным образом разной сохранностью слоев и наличием монументальных сооружений, перекрытых более поздними слоями и образующих значительные всхолмления. Можно было предположить и недостаточное выравнивание поверхности, на которой построен город, однако раскопки показали, что это обстоятельство не могло иметь решающего значения, поскольку замеченная пока разница в уровнях поверхности материка колеблется в пределах 20—30 см.

Раскопки квартала Б выявили довольно запутанную картину многочисленных производившихся за несколько столетий жизни в городе перестроек, перепланировок и т. п. В целом, однако, оказалось возможным выделить несколько строительных горизонтов, хотя пока еще нет уверенности, что их можно проследить на всей территории квартала. Наиболее отчетливо выделяются самый древний, первый, и второй горизонты мощностью каждый до 1 м. Мощность двух или трех верхних горизонтов, взятых в целом, не превышает эту цифру, причем они характеризуются многочисленными ремонтами старых стен, мелкими перестройками и надстройками, и все это производит впечатление обживания старых разрушавшихся построек. Нижний и следующий, второй, горизонты разделены слоем, содержащим обгорелые комки глины, пепел, угли, линзы строительного мусора и другие следы пожаров и разрушений, причем он прослеживается на всем участке, где вскрыты нижние постройки. Размеры этой территории пока невелики, и предстоит уяснить, не являлся ли данный пожар чисто локальным явлением. Впрочем, наличие следов огня и разрушений на некоторых участках крепостной стены и примыкающей к ней городской застройке позволяет предполагать, что в жизни города имела место какая-то катастрофа.

Вся толща напластований городища датируется III—началом VI в. Судя по находкам монет и посуды в ямах, вырытых в верхних постройках, городище обживалось и позднее, в VII—VIII вв., однако регулярной застройки уже не было и большая часть территории города была заброшена. Выделить во времени какие-то промежуточные рубежи, о которых свидетельствует стратиграфия, в частности определить хронологические границы горизонтов, пока не представляется возможным, можно лишь привести некоторые сведения, являющиеся для нас опорными. В помещениях нижнего горизонта монет не найдено. Керамика в массе своей красноангобированная, ремесленная, находит ближайшие аналогии среди посуды Хорезма позднехорезмского периода, например, из соответствующего слоя городища Куля-Уаз (III в.)⁶. Во втором и верхних горизонтах найдено около ста медных хорезмийских монет с разными тамгами на реверсе

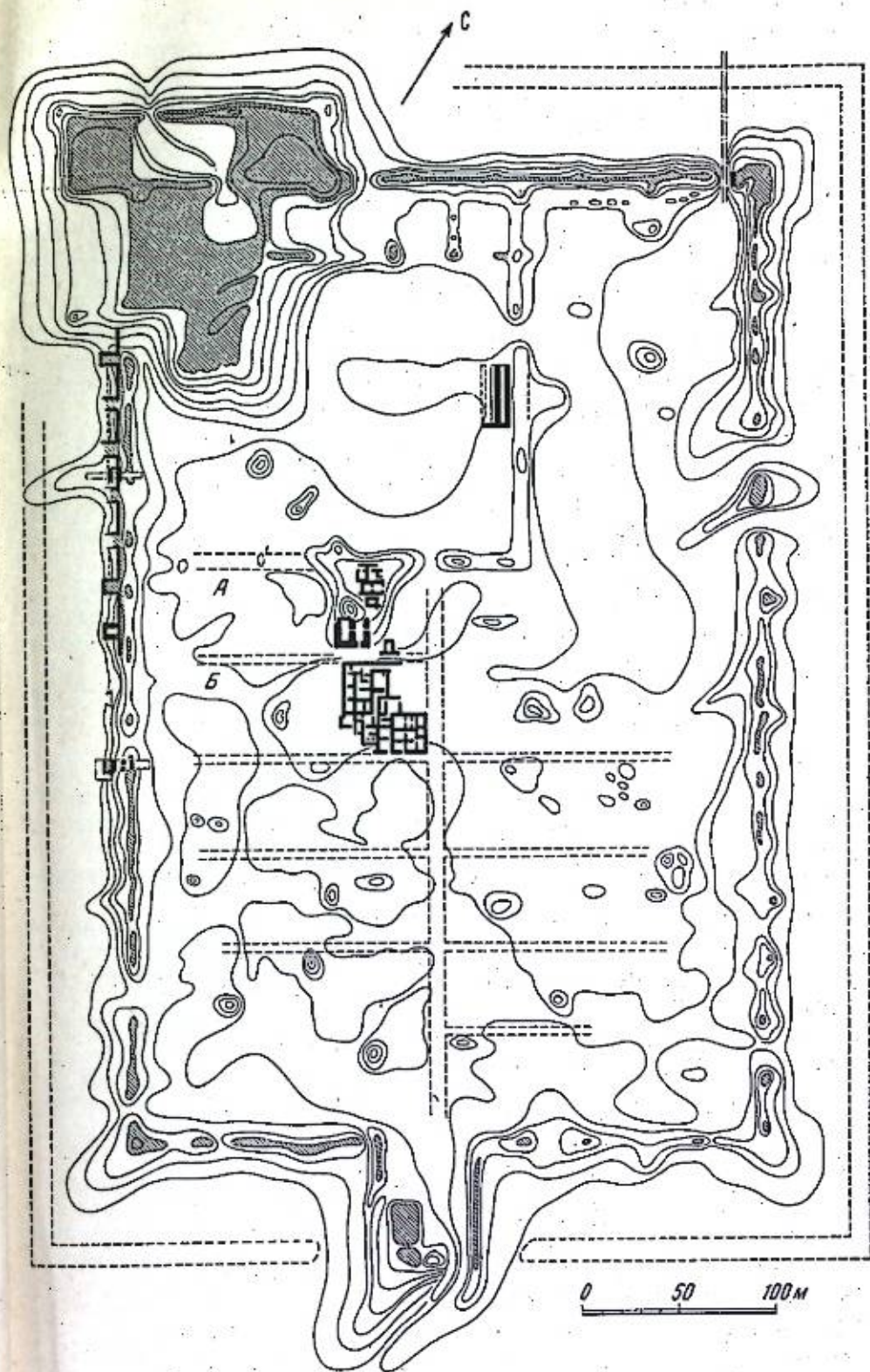

Рис. 1. План города. Показаны только участки, подвергшиеся раскопкам.

⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1952, стр. 123.

⁶ Е. Е. Нералик. Археологическое обследование городища Куля-Уаз в 1952 году. ТХЭ, т. II. М., 1959, стр. 384—386.

опубликованных ранее типов? Часть из них подобна найденным во дворе и относится специалистами к чекану царя Вазамара (III в.). Однако над верхними полами второго горизонта и в самых верхних горизонтах найдены монеты, во дворе не встречавшиеся и являющиеся, по мнению Б. И. Вайнберг, более поздними, чеканившимися в последующие за правлением Вазамара периоды IV—V вв. н. э. Кроме того, в тех же слоях появляется лепная желтоангобированная посуда с прочерченным орнаментом, тождественная найденной на Куня-Уазе в слое над стorerшими постройками, в которых были найдены монеты Вазамара и Шапура I³. Эта посуда из Куня-Уаза была датирована IV—V вв. Наряду с ней на Топрак-кале обнаружены новые виды посуды, например желтоангобированные кувшины с полосой прочерченного орнамента на плечиках. Из этих же слоев происходит большая группа красноангобированной с полосчатым лощением керамики, исследование которой, еще не оконченной, представляет большой интерес, так как хорезмская красноангобированная посуда IV—V вв. пока еще не изучена.

В связи с вышеотмеченными моментами в стратиграфии города уместно здесь сказать о результатах раскопок оборонительных сооружений города. Хорошо выявлена ранняя крепостная стена с прямоугольными башнями и двухэтажной стрелковой галереей. В стенах верхнего этажа открыты стреловидные бойницы. Фасад этой стены, поставленной на двухметровой высоты паховый цоколь, оформлен пилястрами. После пожара, упоминавшегося выше, оборонительные сооружения подверглись перестройке. К стене с пилястрами была пристроена новая таким образом, что башни оказались замурованными в высокий шестиметровый цоколь теперь уже одноэтажного стрелкового хода, а ниши между пилястрами были закрыты кирпичами и фасад старой стены оказался внутренней стороной новой стрелковой галереи. Башни новой крепостной стены имели скругленные углы, а бойницы — плоское перекрытие.

Стена с пилястрами как по конструктивным данным, так и по архитектурному оформлению увязывается с центральным массивом дворца. Можно думать также, что ей соответствует во времени нижний строительный горизонт городища, однако еще преждевременно говорить, как связаны между собой хронологически перестройки стены и последующие строительные горизонты, выявленные в городе.

Перейдем теперь к описанию планировки вскрытых в кварталах участков, причем начнем с квартала Б, потому что квартал А не является примером обычной городской застройки, а занят комплексом, связанным с монументальным зданием (рис. 2).

Нижний горизонт вскрыт пока на незначительной площади. Обнаружена массивная стена толщиной 1,7 м, отделявшая квартал от боковой улицы. Раскопано несколько комнат: жилая с круглым керамическим очагом, хранилище с несколькими хумами и третья, назначение которой пока не определено, но, возможно, носило какой-то производственный характер.

Говоря о застройке, относящейся ко второму горизонту, прежде всего нужно отметить, что ряд параллельных стен, идущих в направлении север—юг, создает общее впечатление правильности и одновременности планировки на довольно большом по площади участке. Помещения, относящиеся к этому горизонту, составляют отдельные, иногда крупные комплексы. Комплексы еще не вскрыты полностью, и предстоит выяснить, соединялись ли они проходами в единый крупный массив или представляли собой отдельные домохозяйства. Наряду с жилыми помещениями

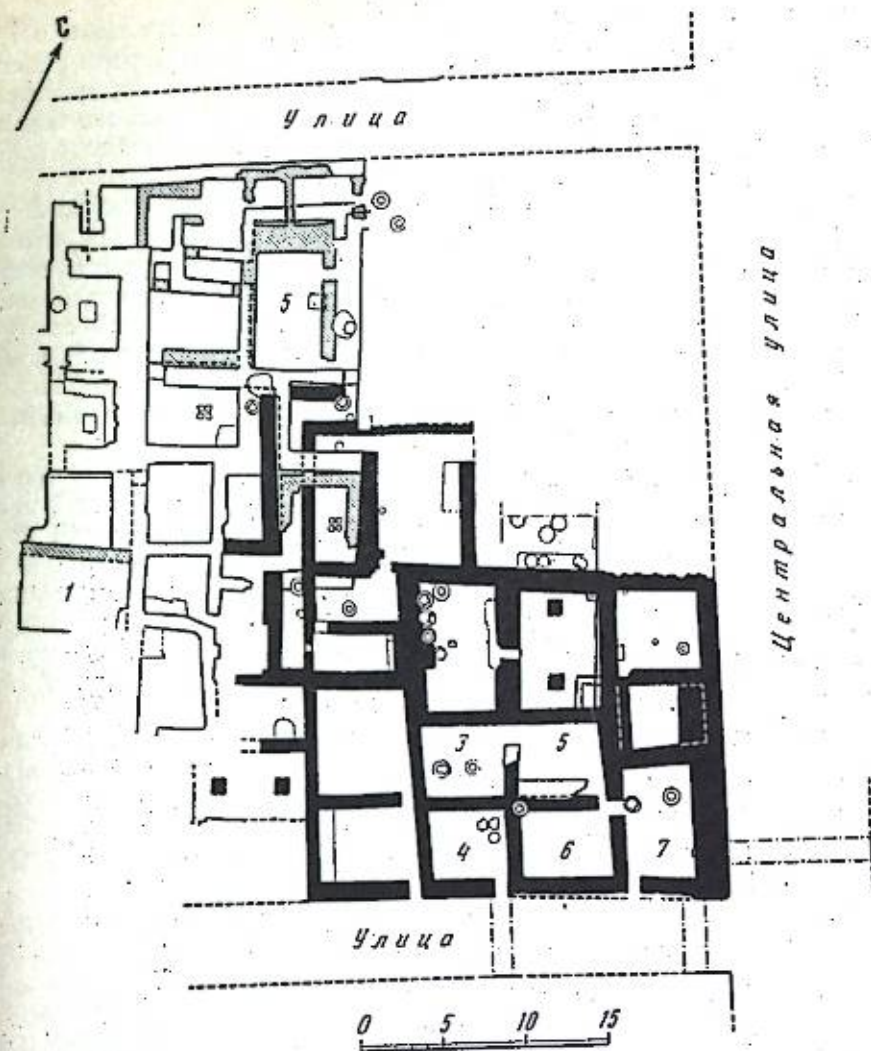

Рис. 2. Раскопки квартала Б. Черным показаны стены второго горизонта, контуром и штриховкой — двух верхних

с округлыми керамическими очагами в квартале открыты помещения с прямоугольными кирпичными выкладками, являвшимися, по-видимому, подставками под колонны. Одно из помещений имеет вид обширного зала, сообщавшегося с хранилищем, сплошь заставленным огромными хумами. Рядом начаты раскопки еще одного хранилища и большого внутреннего двора.

Помещения, выходящие на боковую и центральную улицы, не связаны проходами с остальными комнатами, будучи отделены от них глухой стеной и сообщаясь только с улицей. Но и сами они не составляли единого комплекса, группируясь по две-три комнаты. Можно предположить, что в четырех комнатах (№ 3, 5—7) жил ремесленник, занимавшийся обработкой кости. В одной из комнат его «квартиры» найден небольшой клад — около двадцати медных монет, завязанных когда-то в узелок. В комнате 4, совершенно изолированной и связанной только с улицей, была сделана самая интересная находка — небольшая статуэтка из слоновой кости, изображавшая женщину в длинных одеждах с пышной юбкой, державшей в руках какой-то несохранившийся предмет.

¹ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 224, рис. 133, VII.

³ Е. Е. Неразик. Археологическое обследование городища Куня-Уаз..., стр. 392.

крепившийся на штырях. Голова статуэтки отбита, но можно заметить, что она соединялась с туловищем при помощи металлического стержня. Возможно также, что это — следы ремонта. Статуэтка иконографически и по конструктивным особенностям резко отличается от всех тех женских изображений, которые дошли до нас от хорезмской античности, представляя совсем другой образ.

Обрамление улиц помещениями, отчасти связанными с ремеслом и не сообщавшимися с прочей застройкой квартала, кажется очень интересным. Дело в том, что в городах Востока, в том числе и тех месопотамских, с которыми мы сравнивали Топрак-калу, улицы, особенно центральная, с глубокой древности служили открытым рынком, на который открывались маленькие, изолированные от остального массива квартала комнатухи—лавки ремесленников⁹. Возможно, что так окажется и на Топрак-кале, однако для подкрепления этих предположений необходима расчистка гораздо большей площади.

Большинство помещений, относившихся к III, одному из наиболее хорошо сохранившихся верхних горизонтов, входило в один крупный комплекс, тоже пока полностью не вскрытый, но уже насчитывающий более десятка комнат. Центральное по значению положение в нем занимали два обширных зала. Посредине одного (№ 5) сохранилась четырехугольная кирпичная выкладка — подставка под колонну. Другой имеет неправильную конфигурацию в виде составленных вместе разного размера прямоугольников. Поскольку разграничивавшей их стены нет, то меньший прямоугольник кажется большой нишей (№ 1).

В восточной части комплекса расположена анфилада жилых комнат с кирпичными суфами у стен и четырехугольными выкладками — открытыми очагами в центре. Эти черты планировки появляются лишь в верхнем горизонте и нехарактерны для нижних. В дальнейшем такой план жилых комнат сделается традиционным для жилища раннесредневекового Хорезма.

Весь комплекс, если не считать упомянутой анфилады, производит впечатление нежилого из-за отсутствия кухонных очагов и наличия обширных залов.

Соседний квартал А примыкал к ограде внутреннего двора дворца. Посредине его возвышался бугор, вершина которого является, как сказано, высшей точкой поверхности городища. В 1965 г. у подножия этого бугра с северо-западной стороны было раскопано несколько помещений, часть из которых оказалась заложеной кирпичами, причем в кладке и под ней найдены многочисленные стеклянные и коралловые бусы, изделия из кости, а также мелкие обломки штукатурки с многоцветной росписью. Далее по направлению к улице находилась площадь, так как на обширном участке не обнаружено никакой застройки. На поверхности расчищаемой территории еще до раскопок найдено несколько ступенчатых оснований и баз колонн так называемой горшковидной формы, совершенно аналогичных известным по раскопкам дворцового здания в Калаалы-гыре и Гиур-кале Султан-Уиздагской¹⁰. Все это давало возможность предположить, что бугор скрывает в себе остатки не совсем обычной постройки. Раскопками вскрыто примерно две трети его площади, занятой, как выяснилось, зданием из двух больших помещений, вытянутых в направлении север—юг. Толщина кирпичных стен здания превышает три метра. Оба помещения соединены проходом шириной

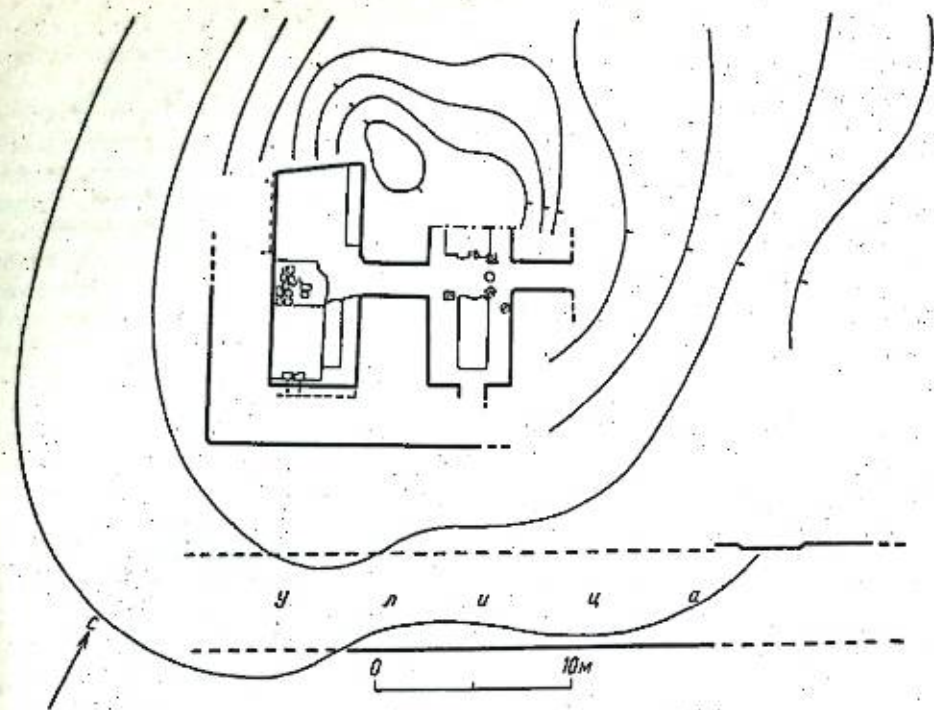

Рис. 3. План здания в квартале А

в полтора метра, против которого расположен вход в здание. Высота стен в наиболее сохранившихся участках достигает трех с лишним метров. Размеры помещений, по-видимому равных по площади (одно не докопано), составляют $10,3 \times 3$ м (рис. 3).

Здание неоднократно перестраивалось, ремонтировалось и в общем имеет довольно сложную историю, излагать которую во всех деталях было бы слишком длинно. Мы опишем лишь его первоначальный вид.

В помещении 1, занимавшем западную половину здания, вдоль восточной стены расчищены кирпичные выкладки, поставленные друг на друга и относившиеся к двум разным уровням пола. Скорее всего они являлись суфами. Возможно, что такие же суфы шли и вдоль остальных стен помещения, однако они перекрыты позднейшими стенами. Пол покрыт плотной обмазкой, сделанной с добавлением в глину извести или алебастра. Посредине комнаты прямо против прохода в соседнее помещение и ниши в противоположной стене обнаружена выкладка из плит известняка. Посредине южной стены в нише, оформленной уступчатыми пилястрами, подобно открытым во дворце¹¹, находился очаг.

Во втором помещении почти всю вскрытую часть занимают две кирпичные выкладки, помещавшиеся друг против друга по оси комнаты. Размеры одной — $3,6 \times 1,5$ м, другая несколько шире. Высота обеих равна 1,5 м. Торцовые стороны и горизонтальные плоскости выкладок неровны, ступенчаты, в торцах сделаны полусферические выемки, основания которых выложены обломками обожженных кирпичей, вообще, по-видимому, широко применявшихся для отделки комнаты. На полу возле выкладок найдены две горшковидные базы колонн, аналогичные обнаруженным ранее на склонах холма. Базы перевернуты и лежат явно

⁹ «Excavations at Doura-Europos. Preliminary report of 5th Season of works (1931—1932)». New Haven, 1934, pl. II, p. 79, 85; N. E. Manasseh. Architectural features of block B. «Second preliminary report upon the Excavations at Tell Umar, Iraq». Ann. Arbor, 1933, p. 7.

¹⁰ Ю. А. Рапопорт, М. С. Лапиров-Скобло. Раскопки дворцового здания на городище Калаалы-гыр I в 1958 году, МХЭ, вып. 6. М., 1963, стр. 146—147.

¹¹ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.). ТХЭ, т. I. М., 1952, стр. 39, 41, рис. 26.

И. Б. БЕНТОВИЧ и А. А. ГАВРИЛОВА

МУГСКАЯ И КАТАНДИНСКАЯ КАМЧАТЫЕ ТКАНИ

Одноцветная шелковая материя с тканым узором, известная с глубокой древности, называется камчатой тканью. Самая ранняя подобная ткань обнаружена в Китае в виде отпечатка на культовом топоре XV—XI вв. до н. э.¹ В Китае в эпоху Хань этот тип ткани был одним из самых распространенных². В раннем средневековье на Ближнем Востоке известна китайская узорчатая одноцветная шелковая ткань под названием «кимхаб» или «кимхав», которая называлась на Руси камкой. Это название перешло из китайского «kim-hwa». В хронике ат-Табари для подобных тканей периода арабского завоевания приводится другой термин — «фаринд» или «паринд», который происходит от среднеперсидского «pring», заимствованного в свою очередь из согдийского. В согдийских текстах с г. Муг термин «pring» обозначал одноцветную узорчатую шелковую ткань,³ распространенную в западных по отношению к Китаю странах.

Среди описанных уже камчатых тканей с г. Муг⁴ выделяется фрагмент шелка (Гос. Эрмитаж, СА9168) с не совсем обычным для камки крупным узором. Ближайшую аналогию мы обнаружили в камчатой ткани из Малого кургана I могильника Катанда II, раскопанного В. В. Радловым в 1865 г. (ГИМ, колл. 54660)⁵. Сходство оказалось столь близким, что мы считаем целесообразным опубликовать обе ткани вместе — из крепости на г. Муг в Таджикистане и из Малого кургана могильника Катанда II на Алтае.

Интересующая нас камчатая ткань с г. Муг (рис. 1) представлена в виде части мешочка, считаемого из четырех кусков разного шелка. В настоящее время ткань светло-табачного цвета. Размер фрагмента 9,5 × 8 см. Сохранность хорошая. Кромки не имеются. Переплетение: в узоре — четырехремизная саржа, в фоне — тафтяное. Плотность нитей основы — 46—48, нитей утка — 37 на 1 см². На фрагменте сохранился неполный узор: части двух медальонов горизонтального ряда образованы двумя рядами «перлов» в виде овалов, из них внутренний ряд

¹ V. Sylvania. Silk from Jiu dynasty. «Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities». Stockholm, 1937, N 9, p. 119—126.

² Е. Лубо-Лесниченко. Древние китайские шелковые ткани и вышивки. Л., 1961, стр. 9.

³ А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, В. А. Лившиц. Камчатые ткани с г. Муг. СЭ, 1963, № 4, стр. 114—115.

⁴ М. П. Винокурова. Ткань из замка на горе Муг. ИООН АН Тадж. ССР, вып. 14, 1957, стр. 27; А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, В. А. Лившиц. Указ. соч., стр. 112 и сл.

⁵ А. А. Захарова. Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В. В. Радлова в 1865 г. Труды ГИМ, вып. 1, М., 1926, стр. 102—104 и табл. VI; А. А. Евтюхова. О племенах Центральной Монголии в IX в. СА, 1957, № 2, стр. 214.

не на месте. В южной стене комнаты намечается какой-то проем, скорее всего ниша, так как с внешней стороны стены никаких признаков прохода не замечено.

История здания вкратце сводится к следующему. Через какое-то время после его возведения произошел пожар, после чего, может быть не сразу, так как над полом накопился небольшой слой наносов, вместо разрушенных стен были поставлены новые, причем назначение здания явно изменилось. В дальнейшем хорошо сохранившееся строение использовалось случайными путниками и пастухами как убежище. Над полом вырос метровый слой травяных подстилок и хвороста с овечьим пометом, также сгоревших и превратившихся в мощную толщу пылевидных прослоек. Кое-где очерчиваются линии костров. Время этого вторичного освоения здания на основании находок керамики определяется VII—VIII вв. Труднее обстоит дело с датировкой первоначального здания, поскольку находок над полом мало, монет нет, среди немногочисленной керамики преобладает красноангобированная с полосчатым лощением, наиболее характерные формы которой могут быть отнесены к концу IV—V в., как мы ориентируемся и датировем строительство здания.

Раскопки показали, что оно построено на развалинах также монументального строения, частично заложенного сырцовыми кирпичами на песке.

Монументальность описанной постройки, особенности ее внутренней планировки, полное отсутствие всяких следов жилья резко выделяют ее из прочей городской застройки и дают основание предполагать ее особое назначение. Это предположение нашло подтверждение в прослеживаемом сходстве здания с так называемым храмом А в Ашуре (конец парфянского периода), посвященном Гераклу, и в меньшей степени с некоторыми храмами Дура-Европос (Афлада, Артемиды-Аззанатконы), воспроизводивших тип древних южномесопотамских храмов¹².

Основной чертой сходства, помимо самого плана здания, является наличие известняковой выкладки против ниши, которую можно рассматривать как постамент для культового изображения, а само помещение как целлу. Много общего с ашурским храмом и в отделке целлы алебастром и обожженным кирпичом, в размерах выкладки и т. п.

Таким образом, если наши предположения верны, то мы впервые сталкиваемся с совершенно неизвестным до этого в Хорезме типом храмов. Больше того, есть некоторые основания предполагать, что подобные культовые сооружения строились в Хорезме и на его периферии с очень ранних времен. Так, на Чирик-Рабате было раскопано так называемое «квадратное погребальное здание» III—II вв. до н. э. того же плана и с очень мощными кирпичными стенами, с той разницей, что проходы лежат не на одной оси. Обнаруженные в нем погребальные ямы, по мнению исследователя, относятся к более позднему времени¹³. Далее, один из бугров, вскрытых на Кюзели-гыре, заключал в себе остатки здания VI—V вв. до н. э., по планировке близкого к упоминавшимся постройкам, в которых пронаос и целла соединены столь широким проемом, что кажутся одним помещением¹⁴. Однако многое в проводимых сопоставлениях еще неясно, и будем надеяться, что дальнейшие раскопки городища Топраккала дадут новые важные сведения для продолжения исследования затронутых вопросов.

¹² W. Andrae und H. Lenzen. Die Partherstadt Assur. Leipzig, 1933, s. 71—72; «The Excavations at Dura-Europos. Preliminary report of 5-th season of work», 102—103, p. 132, 171.

¹³ В. А. Лоховиц. Раскопки квадратного погребального сооружения на городище Чирик-Рабат. МХЭ, вып. 6, М., 1963, стр. 97, 101—102.

¹⁴ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. ТХЭ, т. II, стр. 145, рис. 54.

Рис. 1. Камчатая ткань с г. Муг

расположен между двумя контурными линиями. «Перлы» внутреннего ряда сплошные, на «перлах» внешнего ряда выделена промежутком сердцевина. Между медальонами — часть сложного растительного узора. Предложенная здесь реконструкция мугской ткани (рис. 2) в значительной степени основана на сохранившемся узоре катандинской ткани.

Катандинская камчатая ткань (рис. 3) описана В. К. Клейном в указанном выше труде А. А. Захарова. Ее детальное изучение позволяет дополнить это описание весьма существенными деталями. Ткань темно-табачного цвета, видимо потемневшая от лежания в земле. Имеется пять фрагментов размерами от 10×9 до 15×35 см. На всех фрагментах — следы швов, на двух — остатки подкладки из тафты, на одном, что весьма существенно, сохранилась кромка. Переплетение: в узоре — четырехрешетчатая основная саржа, в фоне — тафтяное. Плотность нитей основы — 46, в кромке — 32 нити на 1 см², нитей утка — 28 на 1 см². Кромка шириной 11 мм выполнена в тафтяном переплетении.

Сохранившаяся часть узора — ряды крупных медальонов (раппорт по основе 26,5 см, по утку 48,5 см), образованных двумя рядами «перлов», из них внутренний ряд расположен между двумя контурными линиями. «Перлы» внутреннего ряда сплошные, на «перлах» внешнего ряда выделена промежутком сердцевина. Между медальонами — сложный растительный узор из «перевязанных снопов», с шестилепестковой розеткой в центре, обрамленной рядом мелких «перлов», расположенных в рамке из двух контурных линий. Эта часть узора сохранилась полностью. Не полностью сохранился зеркально построенный узор внутри медальонов, состоящий из двух фигур драконов, между которыми находится декоративная полоса из ряда «перлов» с парными контурными

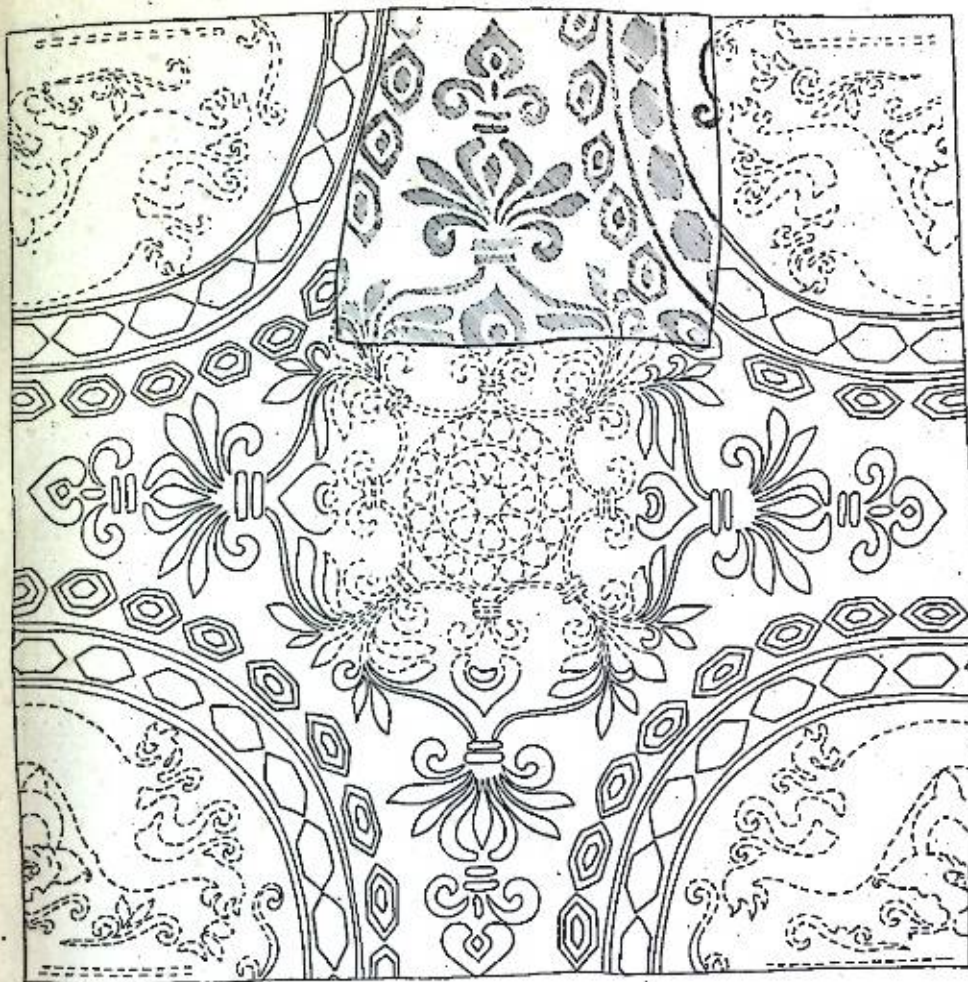

Рис. 2. Реконструкция узора камчатной ткани с г. Муг

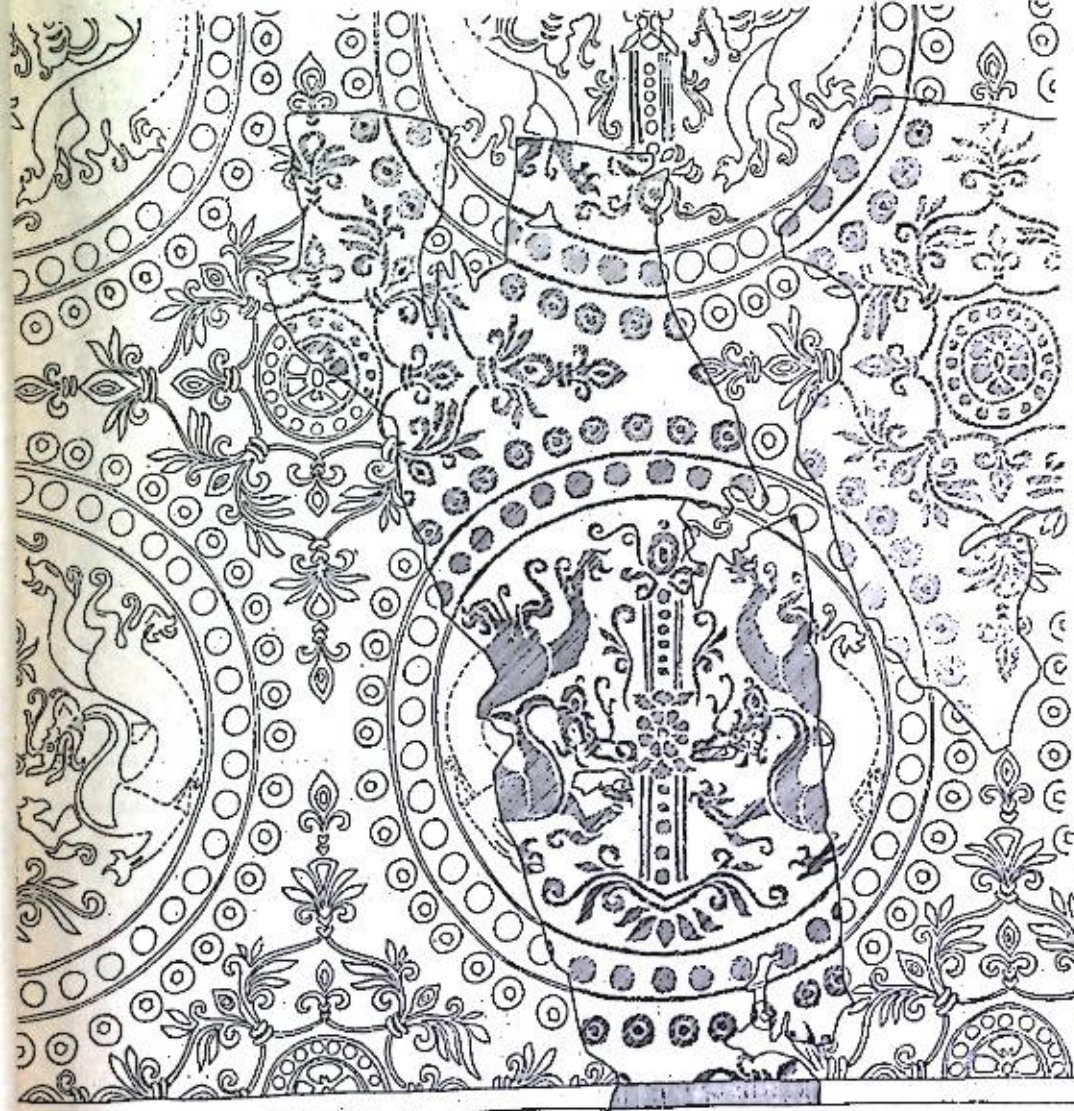
линиями по краям. Эта полоса разделена посредине восьмилепестковой розеткой с листьями и завершена с одной стороны как бы кроной дерева, расположенной над головами драконов, с другой — овалом и завитками. Узор катандинской ткани, известный по рисунку Л. А. Евтюховой, помещенному в указанной работе А. А. Захарова, также может быть уточнен и дополнен до его полной реконструкции. Так, изображенные в виде завитков задние ноги дракона и хвост легко различимы на нашем фотоснимке (рис. 3). Недостающие части фигуры дракона — линии спины, живота и часть передней ноги с завитком — дополнены нами пунктиром, что позволило воссоздать полную реконструкцию узора (рис. 4).

Судя по следам швов, изделие было сшито из малых кусков, что позволяет предполагать вторичное использование ткани. Наличие подкладки из тафты говорит о том, что из этой ткани была сшита одежда. Способ выработки узора (основная саржа) характерен для тканей дальневосточного производства.

Обе ткани — мугская и катандинская — близки по переплетению и по плотности. Построение и выполнение узоров совпадают, видимо, полностью. Различия очень незначительны: удлиненная форма «перлов» на

↑ Рис. 3. Катаандинская камчатная ткань

← Рис. 4. Реконструкция узора катаандинской камчатной ткани

мугской ткани, округлая — на катандинской. Большая угловатость рисунка на мугской ткани говорит о несовершенстве ремизного аппарата. Очевидно, она была изготовлена в каком-то периферийном районе, где применялись менее совершенные ткацкие станки.

Кроме описанных нами, известны еще аналогичные камчатые ткани. Одна, красного цвета, найдена в могиле кочевника у Нанте-суме, в Монголии. Узор ткани состоит из медальонов, обрамленных двумя рядами некрупных «перлов». Между медальонами находился растительный узор, несколько менее сложный, чем на наших тканях⁶.

Другой фрагмент подобной ткани зеленого цвета, с драконами в медальонах, хранится в сокровищнице Шосоин. Правда, здесь медальоны образованы не «перлами», а растительным орнаментом⁷.

Описанные нами ткани значительно отличаются от типичных камчатых тканей по характеру узора. Для камчатых тканей характерен мелкий, регулярно расположенный по всему полю растительный или геометрический узор. Крупный же рисунок с медальонами, описанный нами, характерен для «сасанидских» полихромных тканей⁸. Кроме того, как уже известно, в древнем Согде производилась шелковая ткань «занданечи», которая по своим характерным признакам очень близка к тканям «сасанидским»: ткани «занданечи» имеют ту же композицию — горизонтальные ряды медальонов, в которых находится основное изображение и узор между медальонами. По технике ткани «занданечи» также схожи с «сасанидскими»⁹.

На публикуемых нами фрагментах камчатых тканей характер узора сочетает в себе элементы тканей «сасанидских» — ряды кругов перлов и заполнение промежутков между ними — и дальневосточных — изображение драконов внутри медальона. В этом сочетании можно видеть подражание ткачами Дальнего Востока танского времени тканям «западных» стран¹⁰. Подражаниями «сасанидским» тканям являются и полихромная ткань с медальонами и с танскими всадниками внутри медальонов из храма Нара в Японии¹¹ и фрагменты ткани из Астаны и Дуньхуана¹².

В этих тканях, подражающих «сасанидским», особо обращает на себя внимание сложный растительный узор между медальонами в виде «перевязанных снопов» вокруг круглой розетки с маленькими перлами. Очевидно, дальневосточные ткачи видели в этом типичную деталь, которой следует подражать и которую они по-своему интерпретировали и усложнили. В частности, такими узорами, которые могли бы служить образцами, являются узоры на согдийских чашах Мунчак-тепе V—VI вв.¹³

⁶ Г. И. Боровка. Археологическое обследование среднего течения р. Толм. Сб. «Северная Монголия», вып. II. Л., 1927, стр. 74, рис. 7 и табл. V.

⁷ «Treasures of the Shosoin». Tokyo, 1965, pl. 103, p. 97.

⁸ Н. В. Дьяконова. «Сасанидские» ткани. ТГЭ, т. X. Л., 1969, стр. 81.

⁹ D. G. Shepherd and W. B. Henning. Zandaniji Identified? «Aus der Welt der Islamischen Kunst». Festschrift für Ernst Kühnel. Berlin, 1959; А. А. Иерусалимская. К вопросу о торговых связях Северного Кавказа в раннем средневековье (несколько шелковых тканей из Мощевой Балки). СГЭ, вып. 24, 1963; она же. О северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье. СА, 1967, № 2, стр. 60.

¹⁰ Н. В. Дьяконова. Указ. соч., стр. 94, 97; А. А. Иерусалимская. «Челябинская» ткань (к вопросу о постсасанидских шелках). ТГЭ, т. X. Л., 1969, стр. 107. О перенесении китайскими мастерами иранских мотивов на катандинскую ткань писала Л. А. Евтюхова: «О племенах Центральной Монголии в IX в.» СА, 1957, № 2, стр. 214.

¹¹ C. Münsterberg. Influences occidentales dans l'art de l'extrême Orient. Paris, 1869, tabl. XXI, 62.

¹² A. Stein. Innermost Asia. Oxford, 1923, vol. II, p. 648; vol. III, tabl. LXXIX; Tissens de Tonen-Houang par K. Hiboud u. G. Vialanec la concours de M. Hallade. Mission Paul Pelliot, XIII. Paris, 1970, p. 40, 41.

¹³ Б. И. Маришак, Я. К. Крикис. Чилекские чаши. ТГЭ, т. X, 1969, стр. 76, рис. 13. Сходство наших узоров с узором согдийских чаш отметил А. М. Беленицкий. Ему мы обязаны и указанием на название — «перевязанные снопы».

О влиянии сасанидского искусства и о проникновении его в страны Дальнего Востока неоднократно указывалось рядом авторов¹⁴.

Наши находки являются подтверждением того, что и Согд, освоивший свое шелковое производство и находившийся на торговом пути из Китая на Запад¹⁵, не мог не накладывать своего отпечатка на ткацкое ремесло Дальнего Востока.

Таким образом, мотивы сасанидского и согдийского искусства распространялись на Дальний Восток и здесь использовались, соединяясь с местными элементами. Подобным соединением западных и восточных мотивов нам представляется узор с медальонами на наших тканях. Можно предположить далее, что описанные ткани изготовлялись на Дальнем Востоке специально для вывоза в те страны, откуда этот узор происходил и где на них был наибольший спрос.

Что касается времени распространения упомянутых образцов, то все исследователи датировали их VII—VIII вв., за исключением В. К. Клейна, допустившего и более раннее изготовление катандинской ткани — VI в. Публикуемый нами мугский образец указывает на бытование этих тканей в Согде до первой четверти VIII в. (дата гибели крепости на г. Муг), подтверждая тем самым принятую всеми их датировку — VII—VIII вв. Можно ли сузить границы бытования подобных тканей, определится в дальнейшем при углубленном изучении изменений в технологии изготовления шелковых тканей.

¹⁴ Münsterberg. Указ. соч., стр. 22; Г. И. Боровка. Указ. соч., стр. 24 и сл. R. Chirshman. Iran, Parthians and Sassanians, 1962, p. 342 и сл. 333 и сл. J. Mahler. The westerners among the figurines of the Tang dynasty of China. Roma, 1959, p. 12; B. Gylensvärd. Tang gold and silver. Göteborg, 1958, p. 55 и сл.; E. Schafer. The Golden Peaches of Samarkand. California, 1963, p. 197 и сл.

¹⁵ А. А. Иерусалимская. О северокавказском «шелковом пути»... стр. 60, 72.

А. Л. ЯКОБСОН

О ДАТЕ БОЛЬШОГО ХРАМА В ПИЦУНДЕ (АБХАЗИЯ)

Древний Питиунт (совр. Бичвинта в Абхазии) возник, вероятно, еще в эллинистическую эпоху, а во II или III в. являлся римским укреплением¹ и входил в систему других римских крепостей восточного Причерноморья²; некоторое время, вплоть до середины VI в., он продолжал служить наряду с Севастополем (совр. Сухуми) византийским форпостом в этом районе³.

Раскопки выявили крепость Питиунта, созданную в римское время, но перестраивавшуюся и дожившую до эпохи Юстиниана I, и несколько монументальных построек внутри нее⁴. Открыта прямоугольная часть крепости (castella), где размещался гарнизон, и примыкающая к ней с восточной стороны полукруглая часть, — вероятно, гражданское поселение (сапатае)⁵; одна из башен этой части Питиунта сложена из чередующихся слоев камня и кирпича (opus mixtum), что указывает на восстановительные работы в крепости в IV—V вв.⁶ В прямоугольной крепости раскопки открыли большое здание претория, а в полукруглой части (посаде) — большую, длиной 27 м, базилику эллинистического типа конца V—начала VI в.; базилика трехнефная, с нартексом; нефы разделялись столбами (а не колоннами), поддерживавшими, вероятно, деревянное строительное перекрытие⁷. К базилике примыкал маврикий, а с юго-восточной стороны храма находилась крещальня с мозаичным полом⁸, рисунок которого характерен для раннесредневекового искусства

¹ По упоминанию Зосима: В. В. Латышев. СС. ВДИ, 1948, № 4, стр. 277.

² В. А. Леквинадзе. По поводу римских крепостей в Восточном Причерноморье. «Сообщения АН Груз. ССР», т. XL, вып. 1. Тбилиси, 1965, стр. 247 и сл.; он же. Понтийский Лимес. ВДИ, 1969, № 2, стр. 85, 89.

³ См.: Прокопий из Кесарии. «Война с готами», VIII, 4. Перевод С. П. Кондратьева. М., 1950, стр. 383—384; в трактате «О постройках» (III, 7. Перевод С. П. Кондратьева. ВДИ, 1939, № 4, стр. 249) говорится, что Питиунт вместе с Севастополем был уничтожен «самими римлянами» и что Севастополь был затем восстановлен; Питиунт при этом не упоминается; можно поэтому думать, что крепость восстановлена не была, что подтвердил и раскопки (О. С. Гамбашидзе. Бичвинта. Предварительный отчет о раскопках 1956—1957 гг. МАГК, т. III, 1963, стр. 95; он же. Итоги раскопок 1958 г. МАГК, т. IV, 1965, стр. 129).

⁴ О раскопках Питиунта (под рук. А. М. Апакидзе) см.: Р. М. Рамашвили. Археологические раскопки в Бичвинте (1950—1957). МАГК, т. III, 1963, стр. 70 и сл.; О. С. Гамбашидзе. Итоги раскопок 1958 г., стр. 129 и сл.

⁵ В. А. Леквинадзе. О некоторых сооружениях древнего Питиунта. КСИА, вып. 113, 1968, стр. 53 и сл.

⁶ См.: О. С. Гамбашидзе. Бичвинта... табл. 1; В. А. Леквинадзе, КСИА, вып. 113, стр. 55.

⁷ О базилике см.: В. А. Леквинадзе. О некоторых сооружениях... стр. 56, 57; он же. О древнейшей базилике Питиунта и ее мозаиках. ВДИ, 1970, № 2, стр. 174—178.

⁸ А. А. Мацулевич. Открытие мозаичного пола в древнем Питиунте. ВДИ, 1956, № 4, стр. 146—153. Подробнее см.: В. А. Леквинадзе. О древнейшей базилике... стр. 178 и сл. Автор датирует мозаику IV в.

византийского Востока — Сирии и Палестины, с которыми Восточное Причерноморье было тогда тесно связано.

К югу от крепости, на берегу моря, была раскопана редкая по типу двойная двухапсидная церковь⁹, относящаяся к концу V или к VI столетию.

Возведение обширной базилики и других храмов, маврикия и крещальни следует поставить в связь с тем, что район Питиунта в IV—V вв. являлся средоточием церковной жизни края; еще в начале IV в. епископ Питиунта участвовал в Никейском соборе (325 г.)¹⁰, а в 541 г. неподалеку — в Севастополе (совр. Сухуми) — была основана архиепископская кафедра.

Несколько в стороне от древней крепости, но вблизи ее, высится огромный крестовокупольный храм, который большинство ученых и путешественников прошлого столетия относило к VI в. — времени Юстиниана I¹¹, но затем возобладала более поздняя датировка; начиная с Н. П. Кондакова и по настоящее время здание относят к X—XI, а то к XII в.¹²

Не оспаривая эту последнюю дату, постараемся показать, что храм Пицунды в нынешнем виде — не первоначальный и является результатом капитальной перестройки более древнего храма, относящегося к раннему средневековью, ко времени не позднее VI в.

Но прежде всего — о самом здании. Это большой, если не сказать громадный, храм (его длина — 43,3 м, ширина — 22,7 м) — крестовокупольный, трехапсидный, удлиненных пропорций, с нартексом (рис. 1; 2, 1). Удлиненные пропорции придают храму облик купольной базилики. Купол покоится на паре отдельно стоящих устоев — с западной и двух устоях, соединенных с междуапсидными стенами, — с восточной стороны. Западная часть храма удлинена; коробовые своды ее поддерживаются дополнительной парой устоев. Западная ветвь креста с трех сторон охвачена галереей-хорам; северная и южная их стороны расположены над боковыми сводами западной части храма, а западная сторона — над нартексом. Хоры открываются внутрь храма широкими проемами (рис. 2, 2). Лестница на хоры начинается в северной части нартекса. Апсиды, разделенные стенками, полукруглые; центральная намного выше боковых и имеет синтрон.

⁹ Т. К. Микеладзе. Бичвинтская двухапсидная церковь. МАГК, т. III, 1963, стр. 131 и табл. I—VI; В. А. Леквинадзе. О некоторых сооружениях... стр. 57—58.

¹⁰ В. А. Леквинадзе. О древнейшей базилике... стр. 191.

¹¹ F. Dubois de Monpereux. Voyage autour de Caucase, t. I. Paris, 1873, стр. 221—243 (русский перевод Н. А. Данкевич-Пушиной. Сухуми, 1937, стр. 106, 107, 110, 111); Муравьев. Грузия и Армения, ч. III. СПб., 1848, стр. 298; А. З. Бакрадзе. Кавказ в древних памятниках христианства. Тифлис, 1875, стр. 105; Н. Муракевич. Древнейший Пицундский православный храм. ЗООИД, т. X, 1877, стр. 418; Ф. Врун. Черноморье, т. II. Одесса, 1880, стр. 245.

¹² И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. IV. СПб., 1891, стр. 61; А. М. Павлинов. Христианские памятники Кавказа. МАК, т. III, 1893, стр. 74, 75 (относит здание к типу поздних храмов X—XII вв. в древних памятниках христианства); Ю. Кулаковский. Где был построен имп. Юстинианом храм для Авазгов? «Археологические известия и заметки», вып. IV, № 2, стр. 34 и 37; А. М. Меликсет-Бек. Древнейшая Пицунда у Понта Эвксинского. ЗООИД, т. XXXII, 1915, стр. 115—117 (связывает храм с грузинско-армянской архитектурой); А. С. Башкиров. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 г. «Известия Абхазского научного общества», вып. IV, Сухум, 1926, стр. 33—37 (считает наиболее вероятной датой — X в.); на новой литературе: Н. П. Семенов. Памятники грузинской архитектуры. М., 1947, стр. 195 (относит храм к XII в.); В. В. Беридзе. Грузинская архитектура с древнейших времен до начала XX в. Тбилиси, 1967, стр. 43—44 (относит к X в.); В. П. Пачула в ряде своих брошюр также, следуя общему мнению, относит храм к X—XI вв. или к X—XII вв. («В краю золотого руна», М., 1964, стр. 115; «Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана», М., 1968, стр. 11; «По древней, но печно молодой Абхазии». Сухуми, 1969, стр. 169—170).

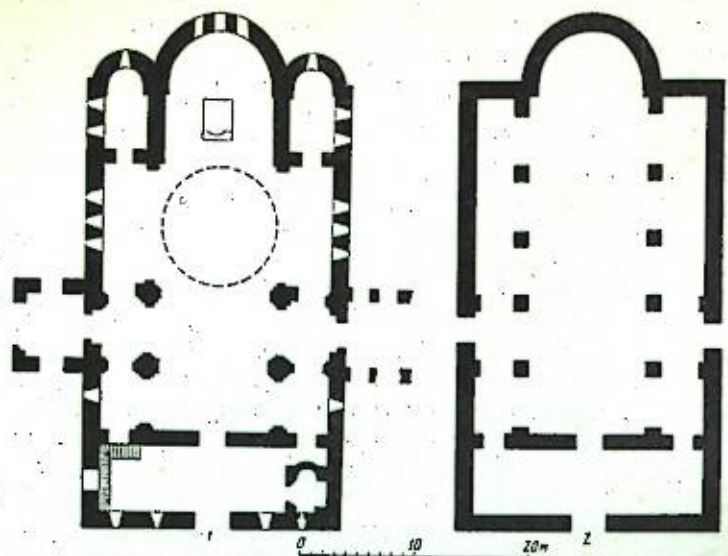

Рис. 1. Храм в Пицуиде. План
1 — современный план; 2 — реконструкция

Рис. 2. Храм в Пицуиде
1 — вид с северо-востока;

Входы на северном и южном фасадах размещены не по оси подкупольного пространства, а сдвинуты к западу — за пределы северной и восточной ветвей креста (рис. 1). Судя по старым рисункам художника Н. Г. Чернецова (1836 г.) и старому плану¹³, перед входом находились небольшие притворы, квадратные в плане, ныне не существующие.

Внутренние объемы в виде четырех ветвей креста ясно выражены снаружи: ветви креста повышены, соответственно западная ветвь креста не охватывает нартекс и хоры, которые понижены. Барабан купола внутри

¹³ Рис. см.: В. П. Пачулия. В краю золотого руна, стр. 118; план см.: Н. Мурзакевич. Древнейший Пицундский православный храм, табл. V.

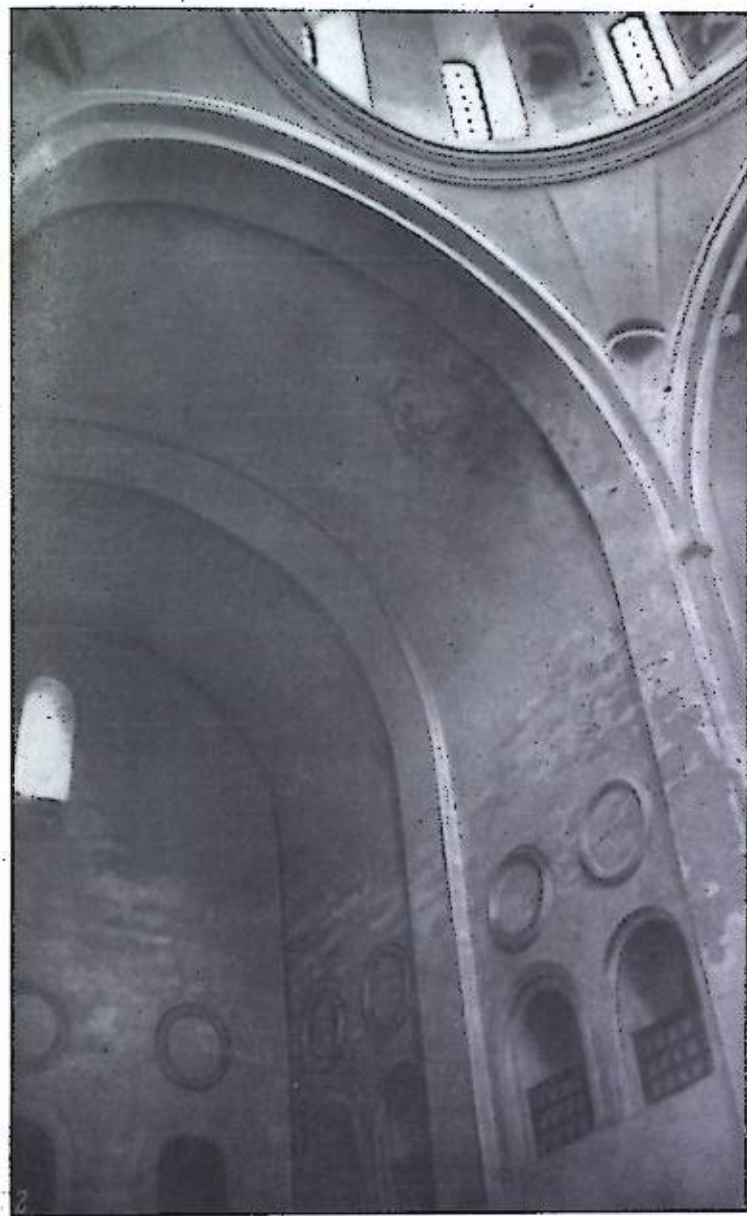

Рис. 2 (продолжение).
2 — вид внутри (западная ветвь креста);

Рис. 2 (продолжение)

3 — кладка южной стены;

и снаружи круглый, переходом к нему служат сферические паруса, в основании которых — маленькие тропы. Барабан прорезан 12-ю узкими окнами; такие же окна — в центральной апсиде.

Отметим сложную многоуступчатую профилировку столбов и соответствующих им настенных пилястр, а также несоответствие последних средней паре устоев. Несоответствие это, конечно, не изначально; вероятнее всего, оно явилось результатом перестройки.

В этом отношении важные указания может дать кладка здания. На значительную высоту (приблизительно до уровня щипцов) она состоит из чередования одного ряда крупных и плохо подобранных по высоте камней, подтесанных с лица, и четырех рядов плоского кирпича на рас-

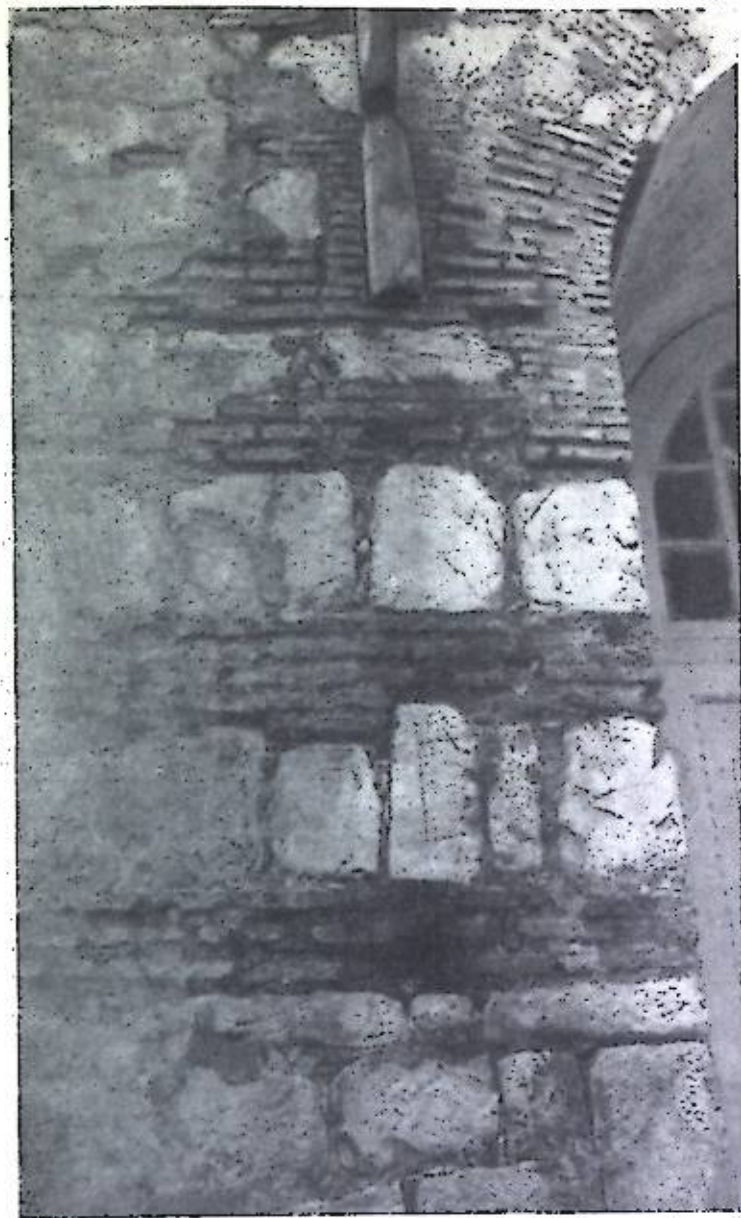

Рис. 2 (окончание)

4 — кладка южной стены (у входа)

творе с цемянкой (упрощенный вариант кладки opus mixtum) (рис. 2, 3, 4). Выше же кладка выполнена целиком из кирпича, без применения камня. Целиком из кирпича сложены барабан и купол. Существенно отличается и кладка апсид. В средней апсиде слои кирпича хотя и проложены, но камень (также в один ряд) здесь мелкий. А в боковых апсидах слоев кирпича вообще нет¹⁴.

Эти резкие отличия кладок различных частей здания также могут свидетельствовать о перестройке храма, притом капитальной.

¹⁴ Стены внутри сильно забелены, поэтому судить о кладке поверхностей стен, обращенных внутрь здания, затрудняемся. Описание кладки см. также: А. С. Бошкиров. Указ. соч., стр. 24—25.

Основная композиционная схема большого храма Пицунды находит себе (но лишь самые общие) точки соприкосновения с грузинской архитектурой X и последующих столетий, на что мимоходом уже указывал А. М. Меликсет-Беков¹⁵. Общим является в сущности только продольная ориентация, свойственная большим кафедралам Грузии начала XI в. (имею в виду храм Баграта в Кутаиси, в Алаверди, как и Свети-Цховели в Мцхете); в меньшем масштабе ту же черту наблюдаем и в других храмах Грузии XI в., но уже не 6-столпных, а 4-столпных (например, Самтавро в Мцхете, Самтависа). Расположение хор вокруг западной ветви креста также характерно для грузинской архитектуры XI в. (например, Свети-Цховели); типичен и многоуступчатый профиль (в сечении) двух западных пар столбов. Однако этим общие черты и ограничиваются. Различны не только пропорции (если исключить Свети-Цховели, перестроенную из базилики)¹⁶, которые у большинства грузинских храмов после X в. значительно короче, но и многие другие черты — триконхальность храма Баграта и Алаверди; совершенно иное понимание архитектурного фасада, столь расчлененного у грузинских храмов и монолитного в Пицунде, где снаружи стены совершенно лишены членений (да и внутри их очень немного), лишены и декора, которым насыщены фасады грузинских храмов XI и последующего веков. Совершенно различна композиция восточной части храма: у большинства грузинских храмов как этого, так и последующего времени апсиды скрыты в толще стены и на фасаде выделены лишь нишами, в Пицунде же все три полукруглые апсиды сильно выступают вперед, заметно выделяясь и составляя важный элемент в общей композиции масс здания.

Короче говоря, храм в Пицунде и названные (как и подобные им) грузинские храмы XI—XII вв. — это разная архитектура¹⁷. Зато близки к храму в Пицунде другие храмы Абхазии XI—XII вв. — Симона Канонита в Новом Афоне¹⁸ и особенно в Лыхнах¹⁹, отчасти в Мокви²⁰ (где, однако, композиция сложнее — храм пятинефный, устоев не три, а пять пар). Все они в сущности представляют собой также купольные базилики удлиненных пропорций, первые два из них также шестистолпные, причем купол также зиждется на восточной паре устоев и соответственно сдвинут в восточную сторону, с теми же сильно выступающими полукруглыми или (реже) гранными апсидами, с теми же узкими притворами и с теми же монолитными нерасчлененными фасадами. Это памятники одного архитектурного стиля, действительно ближе стоящие к восточновизантийской архитектуре²¹ — кругу памятников, хорошо представленных в Трапезунте²². Достаточно назвать церковь Хрисокефалос X в. (правда, одноапсидную, что является чертой архаической) с четырьмя парами крещатых столбов и галереей-хором вокруг западной ветви креста и особенно церковь Софию конца XII—XIII в., также шестистолпную, трехапсидную, с нартексом.

Но в сравнении с названными зданиями, близкими Пицундскому храму,

прежде всего абхазскими храмами (особенно в Лыхне), т. е. памятниками XI—XII вв., храм в Пицунде отличают черты, позволяющие предполагать его более древнее происхождение. О том, что храм в нынешнем виде представляет собой результат капитальной перестройки, указывают, во-первых, отмеченное выше несоответствие пилястр противостоящим столбам в западной части храма; во-вторых, кладка *opus mixtum*, притом с цемьянкой²³, не встречающейся ни в других памятниках Абхазии эпохи зрелого средневековья (XI—XII вв.), ни в других областях Грузии, ни в греко-восточной архитектуре Трапезунта, который с Грузией был, как известно, тесно связан. Верхние же части здания и боковые апсиды выложены, как сказано, только в кирпиче. В-третьих, сильная вытянутость плана, вызывающая ассоциацию с базиликой.

Наконец, упомянем еще одну деталь. Еще Н. П. Кондаков в своем очерке искусства Кавказа воспроизвел рисунок полуразрушенного престола в храме Пицунде; в подписи под рисунком сказано: «плиты, колонны и мрамор, сохранившиеся от древнейшей церкви»²⁴. А. С. Башкиров в своем обзоре памятников Абхазии также упоминает эти мраморы и воспроизводит их фотографию. Он справедливо считает их продукцией византийских мрамороломов, существовавших на островах Мраморного моря²⁵.

Эти плиты с крестами (с расширяющимися концами, часто на сферах), заключенные в сложнопрофилированные обрамления, изготовленные из типичного проконнесского мрамора, обычны в постройках самых различных областей Византии (в столице и в провинции; в частности, их множество и в Херсонесе, т. е. в Таврике). Плиты эти относятся ко второй половине V и к VI в., не позже. Не исключено, что они принадлежали именно данному храму.

Все сказанное склоняет к тому, что Пицундский храм возник не в X или XI столетии, а в раннее средневековье, не позднее VI в., и первоначально являлся базиликой, еще не купольной. В VI же в. Питиунт, по сообщению Прокония, был разрушен самими византийцами, опасавшимися захвата этой крепости персами. При этом разрушении мог пострадать и храм, брошенный на произвол судьбы. А позднее, скорее всего в XI в., храм был восстановлен из руин, но уже в виде купольной базилики; стены были наращены из кирпича; сооружены боковые апсиды (также из кирпича), поставлены шесть пар столбов, а на них основан широкий купол.

Исходя из интервала между пилястрами в западной части храма, можно приблизительно реконструировать и план первоначальной базилики. Тем самым (если наши соображения верны) история средневекового зодчества Восточного Причерноморья пополняется еще одним крупным памятником эпохи раннего средневековья²⁶.

¹⁵ А. М. Меликсет-Беков. Указ. соч., стр. 117.

¹⁶ Пользуюсь рукописью-исследованием С. С. Канабадзе, за ознакомление с которой приношу ему благодарность.

¹⁷ Это различие отмечено и Н. П. Северовым («Памятники грузинской архитектуры», М., 1947, стр. 195).

¹⁸ МАК, т. IV, 1894, стр. 9.

¹⁹ Там же, стр. 14; Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Грузии. «Всеобщая история архитектуры», т. 3, М., 1966, стр. 339.

²⁰ МАК, т. III, 1893, стр. IV.

²¹ Ср.: В. Беридзе. Указ. соч., стр. 14.

²² S. Ballance. The Byzantine Churches of Trapezond. «Anatolian Studies», I, X, 1960, стр. 146—151, 161—164; N. Baklanov. Deux monuments byzantins de Trapezonde. «Byzantion». T. IV, 1929, p. 263 сл. Н. И. Брунов. Архитектура Византии. Всеобщая история архитектуры, т. 3, М., 1966, стр. 117—122.

²³ В. Пачулиа («В краю золотого руна», стр. 115) в своем кратком описании храма пишет, что эта кладка «характерна для поздневизантийской архитектуры». Но это неверно: смешанная кладка в XIII—XIV вв. носит совсем другой характер — она мельче, большей частью декоративна и выполнена на совсем другом растворе.

²⁴ И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности..., т. IV, рис. 30 на стр. 39.

²⁵ А. С. Башкиров. Указ. соч., стр. 31.

²⁶ Мысль о более древнем храме в Пицунде выдвинута была еще А. М. Меликсет-Бековым; он полагал, что «современный Пицундский (Бичвинтский) храм возник не в пределах X—XII вв., не сам по себе, а как приемник более древнего храма, существовавшего на том же самом месте с гораздо ранней эпохи и, по-видимому, подвергшегося разборке, словом, что современный Пицундский (Бичвинтский) храм построен на месте древнего, ныне не существующего храма» (указ. соч., стр. 120). И добавляет, что для решения этого вопроса «мы не располагаем решительно никакими источниками» (там же). Однако, как мы видели, имеются веские основания предполагать, что вновь построенный храм являлся надстройкой и переделкой ранне-средневекового храма.

Р. М. ДЖАНПОЛАДЯН

О ДВУХ ТКАНЯХ ИЗ АНИ И БОЛГАР

В 1908 г. на западной окраине Ани, в пещерах ущелья Цахкоцадзор экспедицией Н. Я. Марра была исследована фамильная усыпальница богатого анийца Тиграна Онеца (первая половина XIII в.). Она состояла из коридора и ниш, высеченных в скале. Самая крупная ниша, богато украшенная росписью, была местом погребения главы семьи, в других же находились могилы его сородичей. В нише, расположенной в конце коридора, было обнаружено погребение девочки лет пяти-шести в деревянном гробу¹. Благодаря сухости воздуха в пещере хорошо сохранились не только гроб и скелет ребенка, но и одежда.

Редкие по своей сохранности ткани, украшенные вышивками, были описаны в 1910 г. И. А. Орбели в каталоге Анийского музея древностей². Уцелевшие из собрания музея остатки тканей хранятся в Гос. Историческом музее Армении в Ереване (инв. № 123, 1126, 1129, 1140).

Платье девочки было сшито из шелка светло-кофейного цвета и простегано квадратами красными шелковыми нитками. Оно состояло из лифа и широкой юбки и имело спереди разрез сверху донизу, завязывающийся на груди двумя тесемками из того же материала. Низкий воротничок был стянут полоской из вышитых золотом розеток, образующих цепочку. Рукава заканчивались обшлагами из иной ткани, украшенной вытканым узором из перекрещивающихся ломаных и волнистых линий. На рукавах, выше локтя, имелись нашивки диагональной ткани, на которых золотом были вышиты две узкие каемки с орнаментом перекрещенных линий и сложный линейный узор между ними (рис. 1). По указанию И. А. Орбели эти нашивки-«тирази» свидетельствовали о княжеском происхождении ребенка. На груди была положена длинная лента со стилизованной арабской надписью и розетками на концах, выполненными позолоченными металлическими нитками той же техникой, что и розетки на воротнике.

Под головой девочки была обнаружена шелковая, очень плохо сохранившаяся ткань с шелковой же вышивкой, образующей сложный узор с летящими птицами.

Голова же была покрыта тонкой прозрачной кисеей, украшенной вышивкой золотом и шелком. Сохранившаяся часть вышивки изображает двух зверей, стоящих друг против друга. В большей фигуре обычно видят тигра, в меньшей — льва. У крупной фигуры, перерезающейся стилизованным изображением растения, приподнята одна передняя лапа, четко обозначены когти на лапах, хвост у тигра завязан бантиком, у льва

приподнят кверху. Рисунок реалистичный, с тщательным выполнением деталей. Чередование шелковых и металлических нитей придает вышивке характерную фактуру (рис. 2).

Эта замечательная ткань из Ани долгое время оставалась уникальной. Дальнейшие раскопки в Ани и в Двине не дали ничего подобного. Теперь же выясняется, что ближайшие аналоги к указанной вышивке, а также и к другим тканям из Ани имеются далеко от Армении, на Волге, в Болгарах.

В 1945—1946 гг. в Болгарах на территории так называемой «Греческой палаты», оказавшейся армянской церковью, было раскопано 113 христианских погребений конца XIII—начала XV в. Некоторые из погребений имели каменные надгробия с эпитафией на армянском языке³. Многие из них обратили на себя внимание еще с XVIII в. и были опубликованы И. Васильевым, Сен-Мартеном и Броссе⁴.

Могилы представляли собой неглубокие прямоугольные ямы, куда опускался деревянный гроб. Инвентарь был немногочислен. В погребениях обнаружены ткани одежды и покрывал, золотые и серебряные кольца и серьги⁵.

По антропологическим признакам большинство черепов из могил относилось к арменоидному типу.

В девяти погребениях были обнаружены остатки парчи, шелковой ткани, тканей с вышивкой и ковров. Несмотря на небольшие размеры сохранившихся обрывков ткани и их плохую сохранность, этот редкий археологический материал имеет большую научную значимость. Техника ткани, характер вышивки и стиль рисунка дают ценный материал для изучения ремесла, искусства и торговых связей. Особенно интересными оказались куски шелковой ткани, вышитые золотыми, серебряными и шелковыми нитями.

Публикуя этот замечательный материал из раскопок в Болгарах, исследователи уже отметили их восточное происхождение и близость некоторых рисунков к кавказскому, в частности к армянскому, искусству. А. П. Смирнов, разбирая фрагмент с изображением двух людей, отмечал возможность его кавказского происхождения и особую близость рисунка к орнаментальным мотивам армянских памятников Двина и Ани. Так, характерному головному убору правой фигуры он находит ближайшую аналогию в головном уборе князя Хутлу-Буги, изображенного на фреске храма в Ахпате⁶. Е. С. Видонова, занимавшаяся технологическими исследованиями шелковых тканей из армянского кладбища в Болгарах, не имея близких аналогий, сравнивала их с иранскими и китай-

Рис. 1. Платье девочки из Ани

¹ И. Орбели. Краткий путеводитель по городищу Ани. СПб., 1910, стр. 37.

² И. Орбели. Каталог Анийского музея древностей, вып. 1. СПб., 1910, стр. 33—39.

³ А. М. Ефимова, О. С. Хованская, И. Ф. Калинин, А. П. Смирнов. Раскопки развалин Великих Болгар в 1946 г. КСИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 102—111.

⁴ Б. А. Миллер. Об армянских надписях в Болгарах и Казани. ИРАИМК, т. IV, 1925, стр. 67.

⁵ А. П. Смирнов. Армянская колония города Болгар. МИА, № 61, стр. 330—352.

⁶ А. П. Смирнов. Указ. соч., стр. 353—354.

скими тканями, допуская и местную переработку чужеземного материала⁷.

Из всех фрагментов Е. С. Видоновой удалось определить назначение лишь одной ткани из погребения 102, которая оказалась частью головного покрывала из тонкого прозрачного шелка, украшенного золочеными нитями. Этот головной платок имел длину 92 см и свободно опускался на плечи, напоминая тот платок с вышивками, который был обнаружен в могиле девочки в Ани. Ближайшая аналогия оказалась в Болгарах и к вышивке анийского платка. В могиле 97 обнаружены два фрагмента полупрозрачной ткани с вышивкой, выполненной металлическими и шелковыми нитями. На большем обрывке была изображена фигура зверя (кошачьей породы, может быть пантеры), идущего влево с приподнятой одной передней лапой, с четко обозначенными когтями. Фигура зверя помещалась на фоне растительности (сохранились ветки и листья) (рис. 3).

На другом, меньшем, фрагменте такой же ткани имеются остатки изображения (часть туловища, хвост и задняя лапа) подобного же зверя, но идущего в обратном направлении. Судя по всему, эти два кусочка, очевидно, были частями одного рисунка. Нетрудно заметить, что это шитье как бы повторяет композицию анийской вышивки, изображающей противостоящих зверей. К этому же фрагменту принадлежит небольшой обрывок ткани с остатками растительного орнамента⁸.

Несмотря на то что вышивка на ткани из Болгар была несколько грубее анийской, она дает все же самую близкую к ней аналогию. Кроме общей композиции, одинаков и характер передачи фигур зверей, крупные, чуть приплюснутые головы, тонкие изогнутые туловища, четко вырисованные когти, растительный узор фона. Аналогична и техника выполнения вышивки чередующимися металлическими и шелковыми нитями. Остатки головного покрывала были обнаружены также в погребении 94. Очевидно, такими можно считать и остатки тканей в ряде других погребений (№ 7, 15, 43).

Наличие головного покрывала из тонкой ткани с вышивкой в нескольких могилах армянского кладбища в Болгарах и в погребении девочки из Ани могут дать основание считать его традиционным, связанным с армянским погребальным обрядом.

И. А. Орбели, описывая в каталоге Анийского музея витрину с тканями, отмечает часть рубахи или савана еще одного из представителей рода Тиграна Онеца, погребенного в фамильном склепе. Он указывает, что при вскрытии погребения на скелете оказалось так много распустившихся нитей, что сначала их приняли за обмотку савана, в котором был завернут покойник, но при расчистке оказалось, что они относились к вышивке темно-фиолетового цвета, состоявшей из двух полос с повторяющимся орнаментом⁹.

Подобная же картина наблюдалась и в Болгарах (могила 25), где основа шелковой ткани не сохранилась, а вышивка представляла собой спутанные нити пряженого золоченого серебра. Такие же спутанные золоченые нити от вышивки были обнаружены и в других могилах (№ 5, 7, 10)¹⁰.

Как на анийском детском платье, так и на платье из богатой женской могилы 94 в Болгарах сохранились отдельные нашивки на платье с вышитым узором, но в данном случае не на рукавах, а в нижней части,

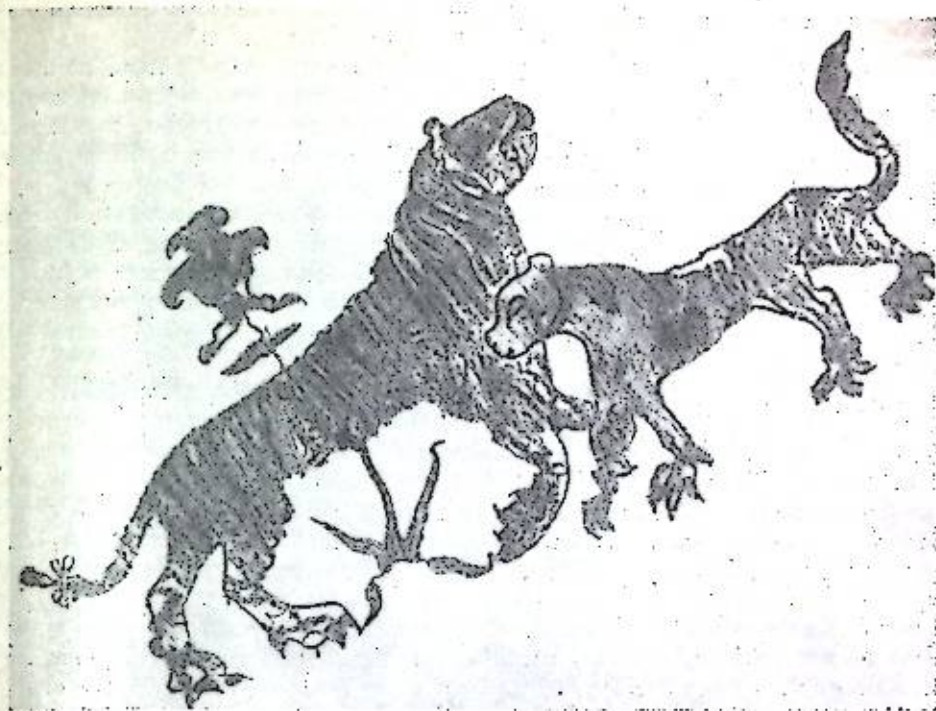

Рис. 2. Вышивка из Ани

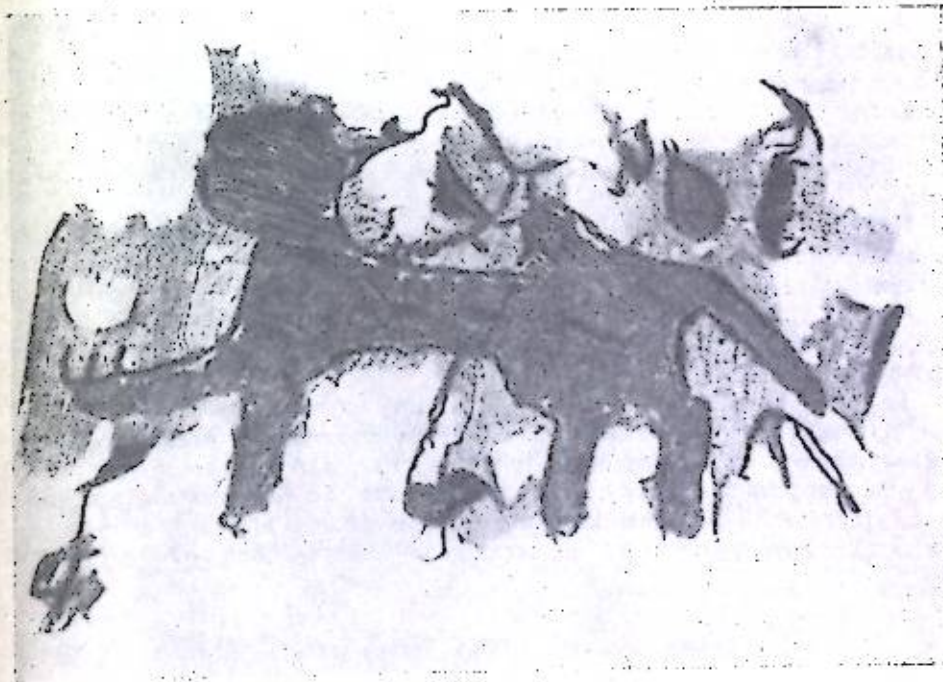

Рис. 3. Вышивка из Болгар

⁷ Е. С. Видонова. Ткани и шитье XIV в. из раскопок в Болгарах. КСИМК, вып. XXI, 1947, стр. 112—117.

⁸ Там же, стр. 114—115.

⁹ И. Орбели. Каталог Анийского музея древностей, вып. 1. СПб., 1910, стр. 39.

¹⁰ А. П. Смирнов. Армянская колония города Болгар. МИА, № 61, стр. 350.

у колен. Узор этих вышивок состоял из завитков, стилизованных листьев, цветков и розеток¹¹.

В могиле 102 в Болгарах вместе с тонким покрывалом была найдена шелковая лента (длина 17 см, ширина 7 см), вышитая металлическими и шелковыми нитями, образующими орнамент из зигзагов и имитацию арабской надписи¹². И эта лента хорошо сопоставляется с вышеупомянутой лентой из анийского детского погребения.

Все приведенные сопоставления указывают на то, что в Ани и Болгарах наблюдается много элементов, которые, вероятно, следует считать традиционно-национальными: деревянные гробы, одинаковые ткани и вышивки, головное покрывало из тонкого шелка, саван или покрывало из более плотной ткани, специальные нашивки на одежде, ленты на груди.

Армянская колония в Болгарах, в некрополе которого найдены рассмотренные ткани, была основана в начале X в., первоначально как небольшой торговый поселок за крепостным валом. В дальнейшем, увеличивая свое население, она принимает солидные размеры. Особо интенсивная ее жизнь относится ко времени с середины XIII до начала XV в.¹³ Этому способствовала и международная обстановка. После падения Багратидов и частых нашествий в Армению иноземцев, в особенности монголов, в начале XIII в. большое число армян стали покидать свою страну в поисках не только спокойного места, но и экономического преуспевания. Такими местами были Северный Кавказ, Крым, Восточная Европа, берега Волги¹⁴.

Переместились тогда и торговые пути. Караваны на Дальний Восток, в Индию и Китай шли теперь не через Иран, а через Северный Кавказ и Волгу, в частности через Великие Болгары¹⁵.

В результате всего этого небольшой торговый поселок за крепостным валом в Болгарах вскоре превращается в большую армянскую колонию, сохраняющую бытовые и религиозные традиции своей родины.

А. П. Смирнов в своей обстоятельной статье об армянской колонии в Болгарах четко показал тесные экономические и культурные связи переселенцев с Арменией¹⁶.

Сопоставление тканей из погребений анийской девочки с тканями из могил болгарских армян лишний раз подтверждает эти наблюдения. Однако остается неустановленным место изготовления этих тканей.

Как А. П. Смирнов, так и Е. С. Видонова правильно видели в некоторых тканях черты восточнокавказского искусства, но, не имея более четких аналогий, допускали предположение об их иранском и даже китайском происхождении. Сравнение волжских тканей с найденными в Ани говорит в пользу армянского происхождения, хотя этот вопрос требует еще дополнительных доказательств.

Ткацкое дело средневековой Армении изучено еще недостаточно. По тем небольшим и маловыразительным фрагментам тканей, которые были найдены при раскопках Двина и Ани, картину состояния этого ремесла восстановить трудно. Значительно более ценный материал пока что дают письменные источники. Армянские и арабские авторы, европейские путешественники в своих сочинениях постоянно отмечают

высокий уровень развития ткацкого искусства и ковроделия в Армении¹⁷.

Имеются восторженные рассказы о знаменитых армянских коврах, шерстяных и шелковых тканях. На основании этих сообщений можно заключить, что ткацкое дело, одно из древнейших ремесел, получило расцвет в Армении IX—XIII вв.

В это время ремесло ткача было уже дифференцированным. В рукописях и в эпиграфических памятниках различаются отдельные специальности ткачей, а местом производства знаменитых тканей называются города: Двин, Ани, Эрзрум, Ерзинджан, Ван и др. Известно, что Двин особенно славился шелковыми узорчатыми тканями, называвшимися «бозюон» и «дибаг»¹⁸.

Приведу несколько свидетельств о ткацком деле в Армении, взятых из арабских источников.

Абу Исхак ал-Истахри в книге «Пути царств» (930 г.) о Двине пишет: «Дабиль больше Ардабиля, город этот является столицей Армении. В этом городе выделываются шерстяные платья и ковры, подушки сидения, шкуры и другие предметы армянского производства. У них же добывается краска, называемая «кирмиз», и ею красят сукно. А кроме того, узнал я, что там же выделывают много шелковых материй»¹⁹.

Другой автор, Ибн Хаукаль (978 г.), пересказывая ал-Истахри, от себя добавляет: «В Дабиле выделывается много шелковых одежд, что же касается этих последних, то им много подобного в земле Рум, хотя эти более ценные. А что касается до изделий, называемых «армянскими тканями», то это бутт, сидения, ковры, покрывала, коврики и подушки, и нет им подобных среди предметов земли из конца в конец и во всех направлениях»²⁰. В другом месте Ибн Хаукаль пишет: «Вышеупомянутые армянские материи выделываются в Дабиле, в Маранде, в Табризе... Точно так же в Армении выделываются платки, узорчатые покрывала и шали»²¹.

Последние сведения арабского автора представляют для нас наибольший интерес. Как предполагают, ткань под названием «бутт» — это головной длинный платок из тонкого шелка²², а «дибаг» — парча (слово, сохранившееся в современном армянском языке до сих пор) — ткань из золотых и шелковых нитей.

Таким образом, основные ткани одежды анийской девочки, вероятно, были изготовлены в Армении, а подобные им ткани, найденные в Болгарах, можно с полным основанием считать привезенными из Армении или изготовленными по армянским образцам.

Описывая могильник армянской колонии в Болгарах, на основании небольшого, но богатого материала, А. П. Смирнов высказал мнение, что там были похоронены зажиточные люди, очевидно купцы, занимавшиеся иноземной торговлей²³. Приведенный нами материал подтверждает это предположение.

О торговле армянских купцов на Волге еще в X в. имеются свидетельства в арабских источниках. Ахмад ибн Фадлан при описании юрты

¹¹ Е. С. Видонова. Ткани и шитье XIV в. из раскопок в Болгарах. КСИИМК, вып. XXI, стр. 113.

¹² Там же, стр. 115.

¹³ А. П. Смирнов. Указ. соч., стр. 338.

¹⁴ «Очерки истории СССР». Период феодализма IX—XV вв., т. I. М., 1953, стр. 630.

¹⁵ А. П. Смирнов. Волжские болгары. «Труды ГИМ», вып. XIX. М., 1951, стр. 40.

¹⁶ А. П. Смирнов. Армянская колония города Болгар, стр. 353—354.

¹⁷ В. А. Абрамян. Ремесло в Армении IV—XVIII вв. Ереван, 1956, стр. 170—190; Б. Н. Аракелян. Города и ремесла Армении в IX—XIII вв. Ереван, 1958, стр. 265—295 (на арм. яз.); В. А. Темурджян. Ковроделие в Армении. Ереван, 1955, стр. 19—47 (на арм. яз.).

¹⁸ А. Kremer. Culturgeschichte des Orients unter der Chalifen, вып. 1. Wien, 1875, стр. 342.

¹⁹ Пер. Н. А. Караулова. СМОМПК, вып. XXIX, стр. 19.

²⁰ СМОМПК, вып. XXXVIII, стр. 92.

²¹ Там же, стр. 95.

²² Б. Н. Аракелян. Указ. соч., стр. 277, прим. 1.

²³ А. П. Смирнов. Армянская колония города Болгар, стр. 350.

болгарского царя Алмаса упоминает о наличии там армянских ковров²⁴. Армянские ковры были знамениты не меньше армянских тканей, ими широко торговали от Италии до Волги. Ценность некоторых из них была настолько велика, что арабские халифы охотно брали их как дань, и армянские ковры перечислялись в податных списках наряду с золотыми динарами и благородными конями. Так, Ибн Халдун (XIV в.) в списке налогов, поступивших к багдадскому халифу из разных стран в 774—787 гг., указывает, что из Армении было получено 13 миллионов дирхемов, 580 лошадей «особой породы» и 20 ковров²⁵. Историк Мухаммад бар Яхйи (911 г.) писал о том, что эмир Абу Садж послал из Армении халифу ал-Муктадиру 400 лошадей, 30 тысяч динаров и семь армянских ковров, один из которых был длиной в 60 локтей и шириной в 60 и над ним работали десять лет²⁶.

Нам понятно то удивление и восхищение Ибн Фадлана, которое было вызвано армянскими коврами в юрте болгарского царя. Ведь ибн Фадлан был посланником того самого ал-Муктадира, который получал армянские ковры в качестве дани.

Вернемся теперь к Тиграну Онецу, в фамильной усыпальнице которого была похоронена девочка в богатом одеянии. Тигран Онец был одним из богатейших людей Ани первой половины XIII в. О его состоянии мы получаем представление из надписи, высеченной по его повелению на стене одной из анийских церквей в связи с ее перестройкой и дарами, переданными церковному приходу. По количеству земли, сел, садов, гостиниц, каравансараев, лавок и денег, которые передавались церкви, можно сделать вывод о том, что такие дары мог передать лишь человек с громадным состоянием. Из надписи Тиграна Онеца видно, что передаваемые им земли не были наследованными, а были приобретены им самим на наличные деньги²⁷.

Тигран Онец был типичным представителем новой городской знати, которая свои состояния накапливала участием в торговле²⁸. Возможно, что он был даже одним из тех купцов, которые вели торговлю и с Болгарами на Волге.

Г. Ф. КОРОБКОВА, Т. В. КИГУРАДЗЕ

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ ИЗ ШУЛАВЕРИС-ГОРА

За последние годы на территории Восточного Закавказья открыто несколько десятков раннеземледельческих поселений. Одним из первых было исследовано Нахичеванское Кюль-тепе, где под слоем широко известной «куро-аракской» культуры обнаружены мощные напластования с весьма своеобразным археологическим материалом, не имевшим тогда себе аналогий¹. Позднее в Азербайджане и Грузии было открыто несколько памятников, материалы которых в общих чертах походили на предметы из I слоя Нахичеванского Кюль-тепе. В результате этих раскопок выявлен целый ряд раннеземледельческих поселений, хронологически предшествующих «куро-аракской» культуре. Доказательством высказанной гипотезы служит стратиграфия Акстафачайского поселения² и материалы Дангреули-гора³.

Нововыявленная раннеземледельческая культура в целом по своему характеру однообразна, хотя можно отметить и некоторые отклонения, по-видимому связанные с локальными или хронологическими особенностями. Ареал этой культуры — все Восточное Закавказье. Памятники последней известны в Азербайджане⁴ — Шому-тепе, Тойра-тепе, Ганлы-тойра, I слой Нахичеванского Кюль-тепе и др.; в Грузии⁵ — Шулаверис-гора, Имирис-гора, Гадачриали-гора, Дангреули-гора, Арухлос-гора и др. Памятники этого же культурного круга, по-видимому, встречаются и на Араратской равнине⁶.

Настоящая статья посвящена каменной индустрии одного из названных здесь поселений — Шулаверис-гора, раскапываемого объединенной археологической экспедицией Гос. музея Грузии и Тбилисского гос. университета под руководством О. М. Джапаридзе⁷.

¹ О. А. Абибулаев. Раскопки холма Кюль-тепе близ Нахичевани в 1955 г., МИА, № 67, 1959, стр. 431—445.

² Н. Г. Нариманов и Г. С. Исмаилов. Акстафачайское поселение близ г. Казах. СА, 1962, № 4, стр. 151.

³ В грузинском языке термин «гора» соответствует широко распространенным в археологической литературе терминам «тепе» и «сталье».

⁴ Н. Г. Нариманов. Археологические поселения Шому-тепе в 1963 г. «Археологические исследования в Азербайджане». Баку, 1965, стр. 45—46; Д. Н. Рустамов. Разведочные раскопки в Тойре-тепе. МАК, т. VI, Баку, 1965, стр. 15—26.

⁵ О. М. Джапаридзе, А. И. Джавахишвили. Результаты работы Квемо-картлийской археологической экспедиции (1965—1966 гг.). «Мацне» (Вестник). Отд. общественных наук АН Груз.ССР, 3 (36). Тбилиси, 1967, стр. 292—298; Т. Н. Чубинишвили, К. Х. Кушнарева. Новые материалы по энеолиту южного Кавказа (V—IV тыс. до н. в.). «Мацне», 6 (39). Тбилиси, стр. 338.

⁶ А. А. Мартиросян и Р. М. Торосян. К вопросу об интерпретации энеолитической культуры Армении. «Вестник общественных наук АН Арм. ССР», 1967, № 3, стр. 52.

⁷ О. М. Джапаридзе, А. И. Джавахишвили. Результаты работ Квемо-картлийской археологической экспедиции (1965—1966 гг.). «Мацне», 3 (36), стр. 292—298.

²⁴ А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана и его путешествие на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 137.

²⁵ А. Кетер. Указ. соч., стр. 358.

²⁶ Н. Я. Марр. Ани. М.—Л., 1937, прим. 165а.

²⁷ «Свод армянских надписей», вып. 1; И. А. Орбели. Городище Ани. Ереван, 1966, стр. 62—63 (на арм. яз.).

²⁸ Н. Я. Марр. Ани, стр. 33—34.

Памятник расположен на правом берегу р. Храми в 4 км северо-западнее ст. Шулаверис. Здесь исследована площадь в 252 м², в среднем на глубине 2,5—3 м. В ходе раскопок обнаружено свыше двадцати сырцовых круглопланых жилых и хозяйственных сооружений. На поселении четко выделяются пять стратиграфических горизонтов⁸. Кроме изделий из обсидиана, на Шулаверис-гора обнаружены своеобразная керамика, костяные и каменные предметы. Глиняные сосуды, в основном баночной и яйцевидной формы, на поддонах и ножках. Посуда грубая, лепная, толстостенная, с неровной поверхностью. Тесто с неорганическими примесями (древса, песок, шамот). Обжиг слабый, неравномерный. Большинство сосудов орнаментировано. Встречается налепной орнамент — конусообразные шишечки вдоль края сосуда; реже елочный или несложный геометрический нарезной. Края некоторых сосудов имеют насечки. Наряду с этой керамикой здесь найдена тонкостенная посуда с лощеной поверхностью, иногда с примесью мелкорубленной соломы в тесте. Следует отметить, что грубая толстостенная керамика была найдена в нижних слоях, а тонкостенная лощеная встречалась лишь в верхних, нарушенных стратиграфическими работами⁹. Многочисленные костяные изделия большей частью представлены проколками, изготовленными из расщепленных метаподий мелкого рогатого скота, и ложилами. Встречаются фрагменты ложек, шиловидные орудия — «биконические», удлинённых пропорций с двумя заостренными концами и цилиндрические стержни с плоской, ромбовидно выделанной головкой, которые ранее трактовались как наконечники стрел. Из рога оленя изготовлены мотыги, некоторые экземпляры которых просверлены для прикрепления их к рукоятке¹⁰.

Почти во всех стратиграфических горизонтах встречались фрагменты зернотерок, отличающихся от «куро-аракских» чашеобразным углублением, куранты и миниатюрные ступки — камни плоско-овальных очертаний, с едва заметным углублением посредине, на одной или двух сторонах. На них почти всегда заметны следы красной краски (охры), что указывает на их назначение. Следует отметить находки крупных каменных орудий округлой формы, просверленных в центре, которые, вероятно, являлись утяжелителями для палок-копалок. Весьма редки шлифованные орудия. В большом количестве встречались овальные и округлые гальки, по-видимому, снаряды для пращи. В культурных слоях выявлено всего 692 обсидиановых и кремневых предмета. Это — нуклеусы, пластины, отщепы и орудия. 98,5% составляют изделия из обсидиана. Obsидиан неоднородный — от прозрачных и дымчатых до темно-черных оттенков. Индустрия Шулаверис-гора представлена пластинчатой техникой без микролитонидных черт. Основные заготовки — крупные ножевидные пластины, двух, трех, реже четырехгранные, эпизодически употреблялись отщепы и сработанные нуклеусы. Большая часть пластин ретуширована. Ретушь разнохарактерная и покрывает либо один, либо оба продольных края. В одних случаях она противоположная, в других односторонняя. У некоторых противоположной ретушью обработан каждый край заготовки.

Часто встречаются пластины с боковыми выемками и экземпляры со скошенным ретушированным концом. Расщепление нуклеусов и выделка самих орудий производились на поселении, о чем свидетельствуют находки самих ядрищ, многочисленных чешуек и отщепов разных размеров. Однако первичная обработка обсидиана происходила, по-видимому, вне поселения, близ источников сырья (об этом свидетельствует отсутствие отщепов с желвачной коркой и преобладание пластин — 70% — над отщепами). Можно предполагать, что сырье добывали в Триалети, где на-

блюдаются богатые выходы обсидиана. Шулаверские нуклеусы одноплоскостные, конусовидные, с круговой отшлифованной. Типологическое исследование каменной индустрии показало, что первое место среди орудий занимают резцы (44 экз.) — угловые, срединные и на углу сломанной пластины. Многочисленны скребки. Особенно следует обратить внимание на почти полное отсутствие скребков концевой формы. Выразительную серию составляют долотовидные орудия (*pièces écaillées*) и орудия с выемками. Единичны находки острий или проверток. Часть коллекции Шулаверис-гора (но не выборочная) была подвергнута трасологическому анализу в лаборатории первобытной техники ЛОИА. Всего под бинокляром просмотрено 210 обсидиановых предметов, из которых все оказались со следами сработанности. Уже этот анализ показал, насколько разнообразнее и богаче выглядит индустрия Шулаверис-гора, функциональная классификация которой пополнилась совершенно новыми орудиями. Речь идет о таких типах, как вкладыши серпов, ножей, сверла, скобели, ретушеры и т. д. Кроме того, выделены комбинированные орудия с двойными функциями и изделия, изготовленные из пришедших в негодность инструментов, в основном из обломков вкладышей серпов.

Согласно функциональному исследованию первое место в индустрии Шулаверис-гора занимают вкладыши серпов — 50 экз. Заготовки для них служили широкие и узкие, удлинённых пропорций призматические пластины обсидиана без следов вторичной обработки (рис. 1, 1, 2). Некоторые экземпляры покрыты с обеих сторон лезвия мелкими выщерблинами, оставшимися от использования. При исследовании обсидиановых серпов мы столкнулись с весьма любопытным фактом. Obsидиан с матовой (не блестящей) поверхностью дает на рабочих участках серпов сильный зеркальный блеск и соответствующий для этой категории орудий линейные следы, направленные параллельно лезвию. В отличие от кремневых серпов, имеющих следы в виде кометообразных фигур, обсидиановые (в силу более плотной структуры камня) не выкрашивались, а лишь покрывались тонкими прерывающимися линиями, идущими в одном направлении (рис. 2, 1, 2). Серпы с сильным блеском всей поверхности приобретают на рабочих участках матовый оттенок с четко очерченными линейными следами, видимыми порою даже невооруженным глазом. Шулаверские вкладыши имеют в основном 2 лезвия, использованные в съемной рукоятке попеременно. Типологически они напоминают обычные ножевидные пластины с нерегулярной ретушью.

Второе место после вкладышей серпов занимают скобели, использованные в производстве по обработке дерева, — 45 экз. Они сделаны на более коротких массивных пластинах неправильных очертаний, нередко ретушированных по одному краю противоположной ретушью. Такая отделка орудий находит самые близкие параллели в ряде неолитических

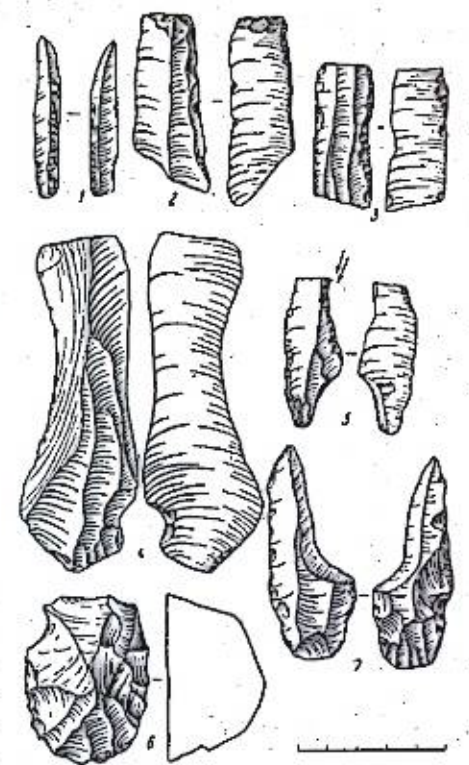

Рис. 1. Шулаверис-гора. Obsидиановые орудия (1—7)

⁸ О. М. Джапаридзе, А. И. Джавахишвили. Указ. соч., стр. 293.

⁹ Там же, стр. 295—296, табл. IV, XV.

¹⁰ Там же, стр. 295, табл. XIV.

индустрий Средней Азии¹¹. Иногда заготовки шулаверских скобелей оформлялись односторонней краевой затупливающей ретушью (рис. 1, 3). Кромка лезвий интенсивно выкрошена, естественный блеск обсидиана приобрел матовый оттенок. На выступающих рабочих участках лезвия видны короткие, но довольно глубокие линейные следы (рис. 2, 3). Среди скобелей выделяются два экземпляра. Один изготовлен на вкладыше серпа, второй — на обломке ретушера.

Сравнительно большой серией в индустрии Шулаверис-гора представлены вкладыши ножей, находящие широкое употребление при разделке туш убитых животных, — 39 экз. Этот тип орудий выделяется только трасологически. Ножи сделаны из таких же призматических пластин, что и вкладыши серпов (рис. 1, 4). В редких случаях в качестве заготовок использовались отщепы. Интенсивного блеска эти орудия не дают. Зато вдоль рабочих лезвий, по обеим его сторонам, нередко можно заметить мягко очерченные линии, направленные и по диагонали, и параллельно лезвию. Иногда линейные следы пересекаются (рис. 2, 4). Поверхность ножей отличается от вкладышей серпов иной направленностью линейных следов и меньшим блеском рабочих участков. В этой группе орудий обращает на себя внимание экземпляр с функцией ножа и скобеля.

Типичными орудиями для Шулаверис-гора являются резцы — 13 экз. и дополняющие их комбинированные инструменты — резцы-скобели — 25 экз. Последние типологически выделяются лишь как резцы. Здесь представлены самые различные типы резцов: срединного, на углу сломанной пластины (рис. 1, 5) и боковые. Многофасеточные резцы крайне редки. Два экземпляра резцов изготовлены из старых серпов. Лезвия их сильно сматы, на обеих его сторонах просматриваются линейные следы, расположенные под углом к кромке рабочего края (рис. 2, 5). Судя по резким очертаниям линий, эти орудия использовались по твердому материалу. У резцов-скобелей продольные края изломанные, порождевые, оформленные противоположащей или односторонней краевой ретушью. Именно они и являлись лезвиями скобелей. Резцовые лезвия образованы соответствующими сколами, нанесенными либо на углах сломанной пластины (15 экз.), либо посередине (4 экз.), либо сбоку (6 экз.). В группе срединных резцов имеется экземпляр клювовидной формы. Резцы-скобели находили широкое применение в производстве по обработке кости и, возможно, дерева.

Интересно, что такие широко распространенные в неолите и энеолите орудия, как скребки, на поселении Шулаверис-гора сравнительно незначительны. Всего их найдено в просмотренной коллекции 17 экз. Они сделаны главным образом из остатков сработанных нуклеусов, реже — из призматических пластин со слегка выпуклым или чаще всего прямым рабочим краем, расположенным на верхнем конце. Итак, шулаверские скребки представлены нуклевидной формой (10 экз.) и концевой (7 экз.). Последние имеют оформление боковых краев. Среди них обнаружен экземпляр скребка с двойным концевым лезвием и два, изготовленные из изношенных вкладышей серпов. Нуклевидные скребки обладают высоким рабочим краем, сформированным ударной площадкой и плоскостями скальвания нуклеуса (рис. 1, 6). Они имеют круговое лезвие со следами интенсивного использования в производстве по обработке шкур убитых животных (рис. 2, 6). Кромка его скруглена и испещрена поперечными линейными следами.

Редкими орудиями в индустрии Шулаверис-гора можно считать сверла и долота. Сверла образуют небольшую серию — 7 экз. Они сделаны из

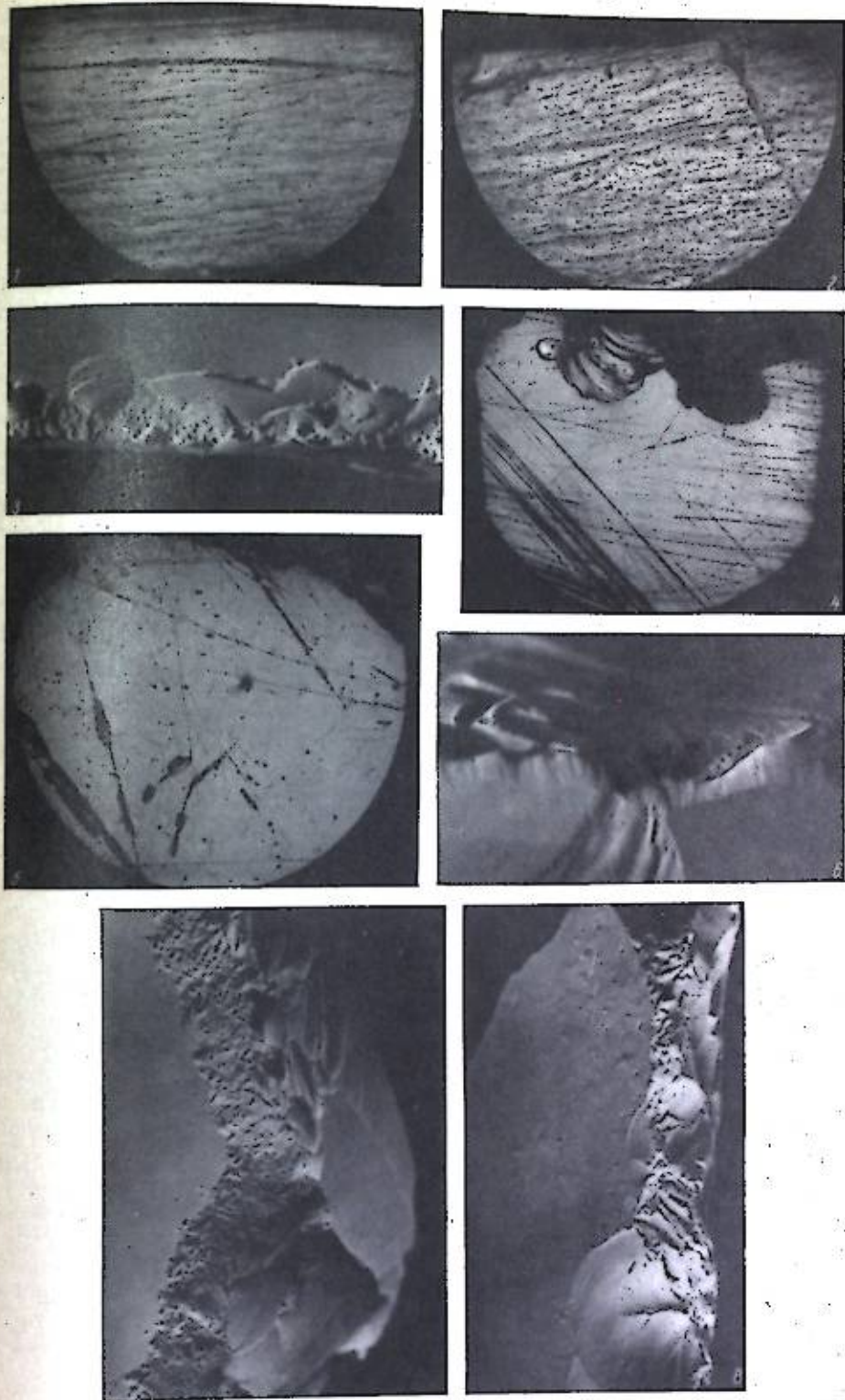

Рис. 2. Орудия труда из Шулаверис-гора
1 — 8 микрофотографии рабочих поверхностей орудий

¹¹ А. В. Виноградов. Неолитические памятники Хорезма. МХЭ, вып. 8. М., 1968, стр. 42, рис. 12, 10—12; Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. МИА, № 158, 1969, стр. 87, рис. 21, 11, 13.

II. ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Л. И. ХЛОПИНА

КУХОННАЯ КЕРАМИКА ВРЕМЕНИ НАМАЗГА VI

(по материалам «Вышки» Намазга-депе)

Во второй половине II тыс. до н. э., в пору поздней бронзы, на территории Южного Туркменистана наблюдается резкое сокращение обжитой площади одних крупных поселений, полное прекращение жизни на других и общий упадок культуры и, в частности, керамического производства. В слоях этого времени, еще при раскопках южного холма Анау, экспедиция Р. Пампелли обнаружила фрагменты керамики из грубого теста с нарезным орнаментом, 3 из которых (терраса С, +19+21 фут) были опубликованы¹. Название для керамики такого типа в Южном Туркменистане, а именно «степная», было предложено в 30-е годы А. А. Марущенко². Эта керамика была затем найдена в культурных слоях ряда поселений как подгорной полосы Копет-Дага — Намазга-депе³, Теккем-депе⁴, так и древней дельты Мургаба — Аучин-депе⁵, Тахирбай⁶.

Обнаружение на территории Южного Туркменистана керамики «степного типа» повлекло за собой появление ряда работ, в которых доказывается мнение о продвижении степных племен эпохи поздней бронзы (вторая половина II тыс. до н. э.) с севера на юг⁷.

Прежде чем перейти к объекту нашего исследования, необходимо отметить, что в отношении керамики этого типа, найденной Б. А. Куфтин в 1952 г. на «Вышке» Намазга-депе, существует мнение, что это — кухонная посуда местного производства⁸. Однако малочисленность материала не давала возможности провести специальное исследование. Теперь, когда интересующий нас керамический материал увеличился в числе, появилась возможность его более детального рассмотрения.

¹ H. Schmidt. The Archeological Excavations in Anau and Old Merv. Explorations in Turkestan, ed. by R. Pumpelly, v. I. Washington, 1908, p. 143, pl. 15, 7—9.

² А. А. Марущенко. Археологические открытия последних лет в Туркмении. «Известия ТГНИИ», 1935, № 1, стр. 15.

³ Б. А. Куфтин. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ... ТЮТАКЭ, т. VII. Ашхабад, 1956, стр. 270.

⁴ А. Ф. Ганялин. Теккем-тепе. ТИИАЭ АН Туркм. ССР, т. II, Ашхабад, 1956, стр. 84.

⁵ В. М. Массон. Изучение древнеземледельческих поселений в дельте Мургаба. КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 59.

⁶ В. М. Массон. Указ. соч., стр. 59.

⁷ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 60—66; Е. Е. Кузьмина. О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии. Сб. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии». М., 1964, стр. 141—158; Е. Агапарьев, О. Бердыев. Археологическое изучение Туркменистана за годы Советской власти. СА, 1967, № 3, стр. 135 и др.

⁸ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, № 73, 1959, стр. 101.

призматических пластин с одним заостренным асимметричным концом, грубо отделанным по боковым краям противоположной (4 экз.) и одной стороной краевой ретушью, нанесенной со спинки (2 экз.). Интересно по технике своего изготовления сверло, острие которого сформировано широким боковым сколом и прямым ретушированным продольным краем (рис. 1, 7). Одна сторона его сплошь обработана крупными фасками, другая ретуширована лишь по краю. Все выделенные трасологически сверла находились в использовании и имеют соответствующие следы сработанности в виде затупленности кончика острия и прилегающих к нему краев и спиралевидных линий, прослеживаемых на затупленных участках (рис. 2, 7). Два орудия сделаны из резцов. Характер линейной направленности следов изношенности позволяет видеть в описываемых орудиях одноручные сверла, использованные по твердому материалу.

Долотовидных орудий (pièces écaillées) найдено 5 экз. Заготовками для них служили четырехугольные массивные отщепы обсидиана с одним (2 экз.) или двумя рабочими лезвиями (3), ретушированными с обеих сторон крупными фасками. Кромка лезвий выкрошена, выступающие участки притуплены. Линейные следы отсутствуют. В этой серии орудий интересно изделие, выполняющее двойные функции. С одной стороны, его использовали как долотовидный инструмент, с другой — как ретушер. Имеется здесь и шлифованное «микродолото» с просверленным отверстием у верхнего конца. Оно, по-видимому, служило подвеской.

В коллекции Шулаверис-гора встречены инструменты, функции которых тесно связаны с изготовлением орудий. Это ретушеры (3 экз.), сделанные из нуклеуса, осколка нуклеуса и пластины. Для всех них характерны мелкоячеистые по структуре, сработанные участки, перекрытые порою короткими глубокими царапинами (рис. 2, 8). Такова предельная характеристика каменной индустрии Шулаверис-гора. Исследование трасологическим методом всей коллекции позволит уточнить приведенную здесь функциональную классификацию, дополнить число орудий по типам, составить полную характеристику хозяйства шулаверцев, остановиться на вопросах палеоэкономики, акцентируя внимание на жилых комплексах. Пока можно сказать, что характерными типами орудий в индустрии Шулаверис-гора были вкладыши серпов, скобели и резцы. Сферы производства, связанные с этими орудиями, имели значительный удельный вес в хозяйстве обитателей поселения. Сравнительно большое число вкладышей серпов наряду с находками мотыг, зернотерок, курантов наглядно демонстрирует земледельческий характер экономики шулаверцев. Наличие же в коллекции выразительных серий резцов, резцов-скобелей, скобелей, долотовидных орудий как бы подчеркивает видную роль в домашних промыслах таких производств, как обработка кости и дерева, которые вместе с производством по изготовлению орудий, по-видимому, занимали одно из ведущих мест. Второстепенное значение на поселении имела обработка шкур животных и изготовление из них различных предметов домашней утвари. Материал Шулаверис-гора, рисующий нам передовую прогрессивную индустрию с некоторыми элементами архаики, позволяет ставить этот памятник в один ряд с такими раннеземледельческими поселениями, как Джейтун в Средней Азии¹², Шомутепе в Азербайджане¹³, Техут в Армении¹⁴, Лука-Врублевская в Молдавии¹⁵.

¹² В. М. Массон. Поселение Джейтун. МИА, № 180, 1971.

¹³ И. Г. Нариманов. Археологические исследования поселения Шомутепе в 1963 г. «Археологические исследования в Азербайджане». Баку, 1965; он же. Древнейшая земледельческая культура Закавказья. «VII Международный конгресс доисториков и протосториков. Доклады и сообщения археологов СССР». М., 1966.

¹⁴ А. А. Мартиросян. Археологические открытия в Армении. «Археологические открытия 1967 г.». М., 1968.

¹⁵ С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре. МИА, № 38, 1953.

Одно из крупнейших поселений Южного Туркменистана — Намазга-депе — привлекало внимание исследователей с 1916 г. с перерывами до наших дней. Последние годы (1964—1967) Каракумской экспедицией ЛОИА АН СССР проводились работы по вскрытию планировки на самом высоком северном бугре памятника — «Вышке»⁹. В 1968 г. на краю «Вышки» был заложен стратиграфический раскоп, который оканчивался шурфом¹⁰.

Во время раскопок этих лет было собрано значительное количество керамики, часть которой, по сложившейся традиции, считается «степной». Вся эта группа керамики и является объектом нашего рассмотрения.

На вскрытой части «Вышки» (более 1500 м²) среди керамики были найдены фрагменты от 36 сосудов. Три сосуда удалось восстановить.

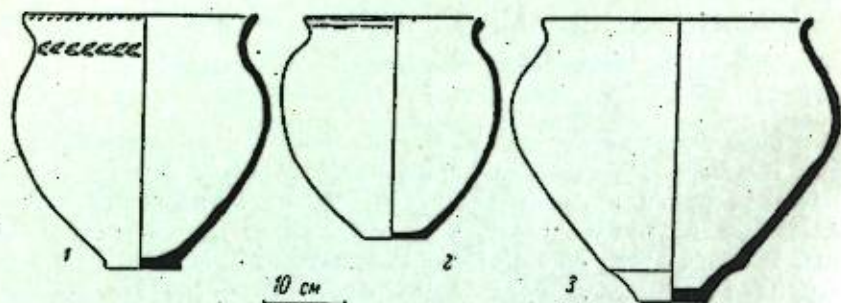

Рис. 1. Целые сосуды
1, 2 — I группа; 3 — III группа

Остальные дают представление лишь о диаметре венчика и о профиле верхней части сосуда. Вся эта керамика грубая на вид; она изготовлена из теста одинакового состава, в которое замешано большое количество крупного и мелкого песка и толченого кварца. За счет этого поверхность сосуда шероховатая и покрыта как бы оспинами, образованными выступающими зёрнами песка. Сосуды изготовлены ленточной лепкой — в большинстве случаев эти ленты, ширина которых 4—5 см, хорошо заметны. Часто на отгибе венчиков видны вмятины от пальцев. Эта керамика по внешним признакам может быть разделена на три группы.

I группа — самая многочисленная (24 экз., из них 2 целых), выделяется прежде всего закопченностью внешней поверхности стенок, общим тоном окраски черепка от светло-коричневого до черного, своей формой (рис. 1, 1, 2) и размерами (диаметры венчиков колеблются от 20 до 28 см, а высота целых сосудов 25—30 см). Толщина стенок 7—8 мм. К этой группе относятся два целых горшка, и оба они внутри имеют прожженное почерневшее дно и стенки в придонной части. Ближе к венчикам сосуды приобретают чистую натуральную окраску. Черепок в изломе имеет черную или серую прослойку, говорящую о неполном обжиге изделия. Венчики, как правило, слегка отогнуты, слабо выраженные плечики сосудов переходят в удлиненное тулово. Почти на каждом, снаружи и изнутри, можно видеть следы неравномерного заглаживания.

⁹ И. Н. Хлопин. «Вышка» Намазга-депе. «Археологические открытия 1965 года». М., 1966, стр. 73—74; он же. Раскопки на Намазга-депе. «Археологические открытия 1967 года», М., 1968, стр. 349.
¹⁰ А. Я. Щегленко. Раскопки Тайчанак-депе и Намазга-депе. «Археологические открытия 1968 года». М., 1969, стр. 437.

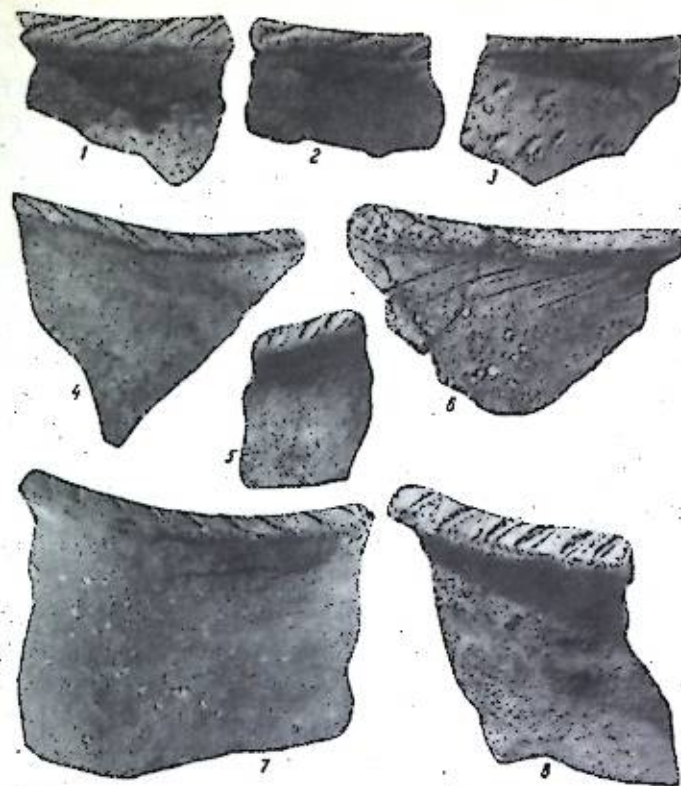

Рис. 2. Фрагменты орнаментированных венчиков I группы

Половина сосудов этой группы украшена орнаментом: в большинстве случаев (9 из 12) это насечки по венчику, сделанные по сырой глине скорее всего палочкой (рис. 2, 2—8) и лишь в одном случае гребенчатым штампом (рис. 2, 1). В двух случаях, помимо насечек по венчику, орнамент нанесен на шейку сосуда: косые длинные насечки (рис. 2, 6; рис. 3, 3) и насечки в виде «елочки» (рис. 1, 1). На плечиках орнамент встречен дважды — это небрежно процарапанные пересекающиеся линии (рис. 3, 2) и горизонтальный ряд вдавлений, сделанных тупой палочкой. Единичен орнамент в виде горизонтальных рядов (не менее двух) «ногтевых вдавлений», сделанных полукруглым концом палочки (рис. 2, 3; рис. 3, 4).

II группа керамики представлена семью фрагментами сосудов (целых форм нет), которая характеризуется более светлой окраской наружной поверхности (светло-желтая, светло-розовая), более прямым венчиком и, сравнительно с предыдущей группой, более узким горлом (диаметр 16—22 см) (рис. 3, 10, 11). Толщина стенок в среднем 10 мм. Закопченности на внешней поверхности нет, но на трех черепках из семи наблюдается прокаленность их внутренней поверхности, усиливающаяся книзу и сопровождающаяся растрескиванием. Обжиг сосудов этой группы равномерный, так как излом черепка по цвету не отличается от наружной поверхности.

III группа представлена всего двумя экземплярами: это корчаги. Одна из них целая (рис. 1, 3), от другой сохранился обломок венчика. Они отличаются размерами (диаметры венчиков 32 и 36 см) и формой. Целая корчага имеет слегка отогнутый венчик, очень широкие бока и резкое сужающееся тулово со слабо выраженной выкружкой в придонной части. Эта корчага закопчена от самой широкой части до дна, а фраг-

мент — прямо от венчика. Внутренняя поверхность целой корчаги имеет прокаленные темно-коричневые пятна на стенках и кирпичного цвета, видимо, прокаленное дно.

Кроме перечисленной керамики, было встречено три фрагмента от разных сосудов, не входящие ни в одну из перечисленных групп. Один небольшой горшочек (диаметр 16 см), закопченный целиком до черного цвета, с ручкой, на которой сделаны насечки (рис. 3, 6). Два других — миски больших размеров (их диаметр — 34 и 36 см); венчик одной загнут внутрь, у другой — отогнут наружу.

Поскольку подавляющее количество сосудов представлено фрагментами венчиков, их диаметры удалось восстановить. Для того чтобы попытаться выяснить, существует ли особая группа орнаментированной посуды или нет, все сосуды (за исключением трех вышеназванных) были сгруппированы по размерам их венчиков. В процессе систематизации полученных результатов измерений они были распределены следующим образом: по горизонтальной оси откладывались в возрастающем порядке диаметры венчиков сосудов (нечетных размеров нет); по вертикальной оси откладывалось количество сосудов с одинаковым диаметром венчика. Полученный график показал, что выделенные нами первоначально по внешним признакам группы реально существуют. Так, наиболее многочисленная группа горшков занимает компактное место между диаметрами 20 и 28 см (средний диаметр 24 см — 6 сосудов) (рис. 4, 1, 2). Группа сосудов с малым диаметром венчика равномерно распре-

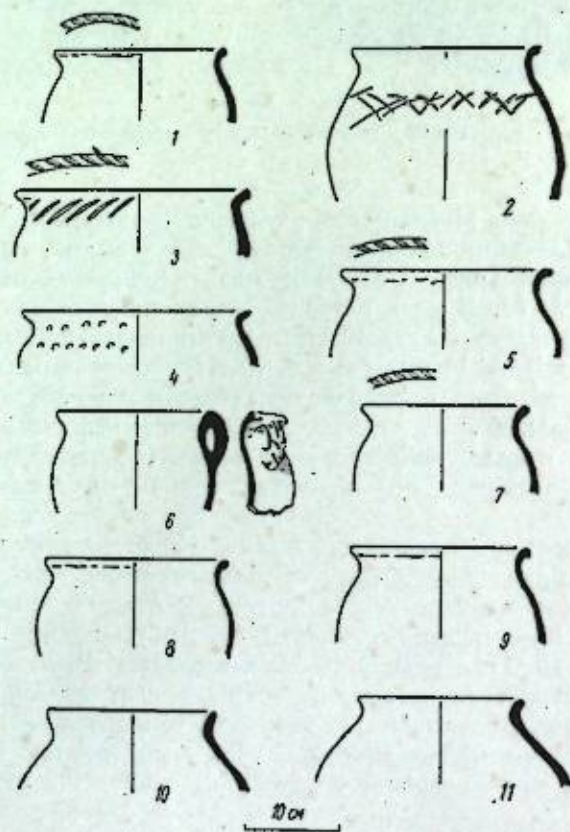

Рис. 3. Орнаментированная и неорнаментированная керамика
1-5, 7 — орнаментированная керамика I группы; 8, 9 — неорнаментированная керамика I группы; 10, 11 — неорнаментированная керамика II группы;
6 — единственный фрагмент, не вошедший ни в одну группу

деляется в интервале от 16 до 22 см (рис. 4, 3). Особо выделяются корчаги с диаметрами венчика 32 и 36 см (рис. 4, 4). Возвращаясь к первой группе (горшкам), можно заметить весьма существенное обстоятельство. Помимо того что, как мы уже говорили, эта группа распадается на две равные части по признаку орнаментованности, построенный график наглядно показывает равномерность распределения орнаментированных и неорнаментированных сосудов внутри этой группы керамики.

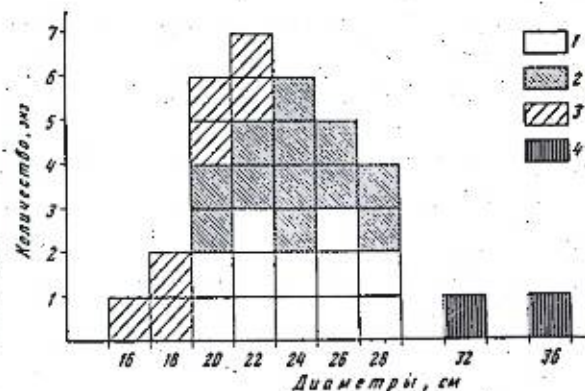

Рис. 4. Соотношение групп керамики с «Вышки» Намазга-депе
1 — неорнаментированная керамика I группы; 2 — орнаментированная керамика I группы; 3 — керамика II группы; 4 — керамика III группы

Стратиграфический раскоп 1968 г. на «Вышке» пререзает четыре строительных периода времени Намазга VI и шесть строительных периодов времени Намазга V. Верхний строительный горизонт, из которого происходит керамика, описанная нами выше, не был захвачен стратиграфическим раскопом, и это позволяет нам считать, что ко времени Намазга VI относится пять последовательных строительных горизонтов. Таким образом, соединение двух раскопов образует непрерывную стратиграфическую колонку времени Намазга VI. Среди находок в стратиграфическом раскопе была и интересующая нас посуда, которая, как выяснилось при ее изучении, не вполне тождественна найденной в верхнем строительном горизонте поселения на «Вышке».

Материал с поселения не содержит убедительных свидетельств применения гончарного круга в изготовлении описанной выше группы керамики. В стратиграфическом же раскопе примерно на половине найденных фрагментов наблюдаются следы вращения на гончарном круге. Скорее всего посуда изготовлялась ленточным способом с окончательной подправкой ее на круге. Особенно интересен целый горшочек, сделанный на круге, но дно которого, изготовленное отдельно, было прилеплено к стенкам и ныне отстает по ленте, по месту соединения. Надо отметить, что этот горшочек закопчен таким образом, что наводит на мысль о наличии специальных очагов с «канфорками» (рис. 5). Венчики горшковидных сосудов также отличаются: они круто отогнуты наружу, наблюдается отсутствие шейки. Но форма сосудов такая же, как и на поселении; диаметры их венчиков колеблются в тех же пределах. Орнамент встречен один раз — шесть параллельных полос, сделанных щепочкой (?) с неровными зубцами во время вращения сосуда. В нижних слоях стратиграфического раскопа найдено донце с четко выраженной выкружкой в придонной части. Цвет посуды — от коричневого до черного — результат сильной закопченности. На донцах, изнутри, имеется слой нагара. Несмотря на различие в технологии изготовления, тесто посуды такое же грубое и имеет тот же отощитель; в изломе черепок имеет серую или черную полосу, как и на поселении.

Для определения состава керамического теста объекта нашего исследования в лаборатории ЛОИА АН СССР Б. Н. Пяткиным было сделано

Рис. 5. Кухонный горшок из стратиграфического раскопа 1968 г.

18 керамических шлифов. Из стратиграфического раскопа и из верхнего строительного горизонта было взято по восемь образцов; кроме того, из материалов верхнего поселения были взяты для исследования по одному образцу красноглиняной и сероглиняной керамики типа Намазга VI. В результате оказалось, что вся исследованная керамика (включая красно- и сероглиняную) была изготовлена из одного и того же глиняного теста; состав отощителя (гранит, кварц, пироксен) в керамике всюду одинаков, только в кухонной посуде он крупнозернистый (0,4—0,5 мм), а в столовой — специально измельченный

и просеянный (0,08—0,5 мм); процентный состав отощителя в кухонной керамике колеблется от 50 до 80%, а в столовой — 28—30%; высокий процент отощителя в кухонной посуде повышает ее жаростойкость и долговечность при неоднократной и резкой смене температур.

Таким образом, проведенное нами исследование компактной керамической группы с «Вышки» Намазга-депе позволяет сделать некоторые определенные выводы.

1. Почти вся исследованная нами посуда имеет четкие свидетельства своего назначения — это кухонная посуда, служившая для приготовления пищи. Это подтверждает большой процент крупнозернистого отощителя.

2. Нагар на донцах и нижней трети стенок сосудов с внутренней стороны свидетельствует о том, что пища готовилась на специальных очагах, характерных для оседлоземледельческих культур.

3. Отличия в технологии изготовления кухонной посуды с поселения и из стратиграфического раскопа объясняются общим упадком культуры и производства в период позднего Намазга VI.

4. Орнаментированная посуда ничем, кроме орнамента, не выделяется: ни формой, ни размерами, ни составом теста.

5. Одинаковый состав отощителя керамического теста и его процентное содержание в тесте кухонной посуды в обоих раскопах на «Вышке» указывает на то, что вся посуда этого типа не только изготовлялась на месте, но и имела длительные традиции в своем производстве.

6. Заимствование оседлыми земледельцами с тысячелетними культурными традициями только орнамента у каких-либо степных племен является невозможным, так как орнамент своей семантикой относится к области идеологии.

В. И. РАСПОПОВА

ЗЕРКАЛА ИЗ ПЕНДЖИКЕНТА

Коллекция бронзовых зеркал из Пенджикента немногочисленна. За время раскопок с 1947 по 1969 г. включительно их найдено всего 18 экземпляров — как целых, так и во фрагментах. Зеркала обычно литые, круглые. Их можно отнести к следующим семи группам.

I. Гладкие с обеих сторон, плоские в сечении зеркала без орнамента (2 экз.). Возможно, что к этой группе относятся и обломки некоторых зеркал (6 экз.) (рис. 1, 4, 5).

II. Зеркала этой группы отличаются от предыдущих тем, что оборотная сторона зеркала украшена циркульным орнаментом (1 экз.) (рис. 1, 6).

III. На оборотной стороне зеркала в центре имеется петелька, орнамента нет (1 экз.) (рис. 1, 8).

IV. На оборотной стороне зеркала в центре имеется петелька, поле оборотной стороны украшено циркульным орнаментом, край зеркала, видимо, был орнаментирован рядом насечек (1 экз.) (рис. 1, 7).

V. На оборотной стороне петелька в центре и орнамент из концентрических окружностей (2 экз.) (рис. 1, 9, 10).

VI. Эта группа зеркал представлена только ручками в виде стержня, оканчивающегося головками животных. Ручки крепились к зеркалу двумя опорами (4 экз.) (рис. 1, 1—3).

VII. Фрагмент зеркала с петлей в виде фигурки льва (рис. 2).

Почти все зеркала найдены в составе твердо датированных комплексов. Ниже приводим соответствующие данные.

Группа	Шифр	Диаметр	Объект	Место находки	Основания для датировки
I	T-II-58 III-36	4,3 см	III	Пом. 112, глубина 0,35 м ниже репера	Пом. 112 входит в один комплекс с пом. 111, 113, 114. Здесь найдены монеты Вархумана, Бидяна, Гурека II типа, монеты пенджикентской царицы ¹ .
	T-II-58 VI-33	5 см	VI	Пом. 42, в завале, в 2 м над полом	Пом. 42 входит в восьмой комплекс, который по монетам Тургара II типа, найденным на полу, датируется серединой VIII в.
II	T-II-59 VI-37	7,3 см	VI	Пом. 57, в зольнике, на полу	В этом помещении найдены монеты Тургара и бухарское подражание драхмам Варахрана V типа, № 13 по каталогу О. И. Смирновой ² .

¹ Монеты из раскопок Пенджикента с 1947 по 1963 г. включительно определены О. И. Смирновой.

² О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963.

Группа	Шифр	Диаметр	Объект	Место находки	Основания для датировки
III	T-II-48 ³ I-216	5,3 см	I	Пом. 7, на глубине 3,35 м ³	
IV	T-II-54 IX-65	7,5 см	IX	Пом. 18, в завале на глубине 2,90 м	В пом. 18 найдены фельсы ⁴ .
V	T-II-61 XVI-65	9,5 см	XVI	Пом. 11, в завале	Найдена монета Мاستан-Навайяна.
	T-II-54 VI-202	10,2 см	VI	Пом. 26, в завале, на глубине 1,5 м	В завале помещения найдены фельсы Ма'бада ⁵ .
VI	T-II-48 ⁶ I-216		I	Пом. 2а	
	T-II-61 XVI-63		XVI	Пом. 16, в завале, на глубине 1,3 м	Пом. 16 входит в один комплекс с пом. 15, 17. В помещениях этого комплекса найдены монеты Тархуна, Бидяна, Гурека II типа, монеты пенджикентской царицы.
	T-II-62 VII-23		VII	Пом. 22, на полу	На полу пом. найдены монеты Бидяна, Гурека II типа, пенджикентской царицы.
	T-II-48 ⁷ I-214		I	Пом. 2а, под восточной стеной	
VII	T-II-65 III-83		III	Пом. 151, в завале, на глубине 0,5 м	На полу найдены монеты Тургара II типа и Ихрида, дикхана Кеша.
Обломки зеркал					
	T-II-56 XIII-49	6 см	XIII	Пом. 8, под деревянным полом	В завале найдена монета Бидяна, на полу помещений соседних комплексов — монеты Тургара II типа.
	T-II-57 XIII-44	?	XIII	Пом. 2, в завале у прохода в пом. 12	В завале пом. найден фельс ал-Ашаса ⁸ .
	T-II-63 XIX-32	7 см	XIX	Пом. 1, на нижнем полу	На нижнем полу помещений комплекса, в который входит пом. 1, найдены монеты Тургара II типа и Ихрида, дикхана Кеша.
	T-II-61 XVI-64	7 см	XVI	Пом. 7, в зеленом слое, на высоте 0,3—0,4 м над полом	На полу помещений, входящих в тот же жилой комплекс, что и пом. 8, найдены монеты Тургара II типа.
	T-II-63 XVI-47	7 см	XVI	Пом. 38, в завале, на высоте 0,3 м над уровнем верхнего пола	В надпольном слое этого пом. найден фельс Дауда ибн Гураза.
	T-II-68 XXII-6	?	XXII	Пом. 9, в завале, на глубине 0,70 м	Обломок зеркала найден вместе с фельсами.

Коллекция пенджикентских зеркал важна потому, что зеркала VII—VIII вв. в отличие от более древних, известных по находкам в курганах, очень плохо изучены. Зеркала же из раннесредневековых слоев других городищ Средней Азии, за исключением Ак-Бешима, пока не опубликованы.

Пенджикентские зеркала группы I очень просты по форме. Зеркала такой формы встречаются в комплексах различных культур и эпох⁹. В Пенджикенте такие зеркала найдены в слоях первой четверти и середины VIII в. и, возможно, третьей четверти VIII в., если допустить, что к той же группе относятся и зеркала, найденные в обломках.

Зеркало группы II найдено в слое середины VIII в.

Зеркало группы III найдено в слое, точную дату которого указать затруднительно. Оно очень похоже, как уже отмечал Л. Р. Кызласов, на зеркало, найденное в первом буддийском храме Ак-Бешима¹⁰. Ак-бешимское зеркало отличается от пенджикентского только наличием загнутого бортика. Генетически этот тип зеркал родственен X (шиповскому) типу сарматских зеркал по классификации А. М. Хазанова¹¹. В IV—IX вв. зеркала с петлей были распространены на обширной территории, включая Среднюю Азию.

Зеркало группы IV найдено в слое третьей четверти VIII в. Циркульный орнамент этого зеркала, так же как и зеркало группы II, видимо, был нанесен на восковой модели. Циркульный орнамент в VII—VIII вв. известен на вещах главным образом из кости. Вероятно, к раннему средневековью относится бронзовая фигурка, найденная при раскопках Калаи-Нофин к юго-востоку от Пенджикента. Одежда этой фигурки обрамлена циркульным орнаментом¹². Для изделий из металла этот орнамент становится характерным в более позднее время, когда им стали украшать бронзовую посуду.

Одно зеркало группы V (рис. 1, 10) найдено в слое, который можно отнести к первой четверти VIII в., а другое — в слое третьей четверти VIII в.

Зеркала группы VI представлены в Пенджикенте ручками, принадлежность которых зеркалам установил А. М. Беленицкий.

Ручка, найденная при раскопках помещения 2а храма, имеет посередине утолщение (рис. 1, 3). К этому месту, видимо, подходил канал, по которому лили бронзу. Головки на концах стержня представляют собой скульптурно выполненные головы коней. Отмечены глаза и ноздри, грива передана рядом насечек. Головы коней по трактовке близки к терракотовым статуэткам.

Остальные ручки зеркал группы VI отличаются от описанной тем, что головки коней переданы схематичнее. Сделаны они небрежно, литейные швы не заглажены. Остатки литейных швов свидетельствуют о том, что ручки были отлиты в разъемных литейных формах, а первая, вероятно, была изготовлена по восковой модели.

Две ручки зеркал этой группы в Пенджикенте найдены в слоях первой четверти VIII в. (рис. 1, 1, 2), а две другие, происходящие из

⁹ Например, зеркала этой формы господствуют в сусловской культуре: А. М. Хазанова. Генезис сарматских бронзовых зеркал. СА, 1963, № 4, стр. 58, 59, 62, 64; О. И. Смирнова. Указ. соч., № 917, 923, 935 и др.
¹⁰ О. И. Смирнова. Указ. соч., № 906, 907.
¹¹ А. Ю. Якубовский. Итоги работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг. МИА, № 15, 1950, стр. 52, табл. 53, 2; Э. Гуллова, Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский, В. А. Ранов. Археологические коллекции Института истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР. Сталинабад, 1956, табл. 7, 10.
¹² Там же, табл. 7, 9; А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 52.
¹³ О. И. Смирнова. Указ. соч., № 890.

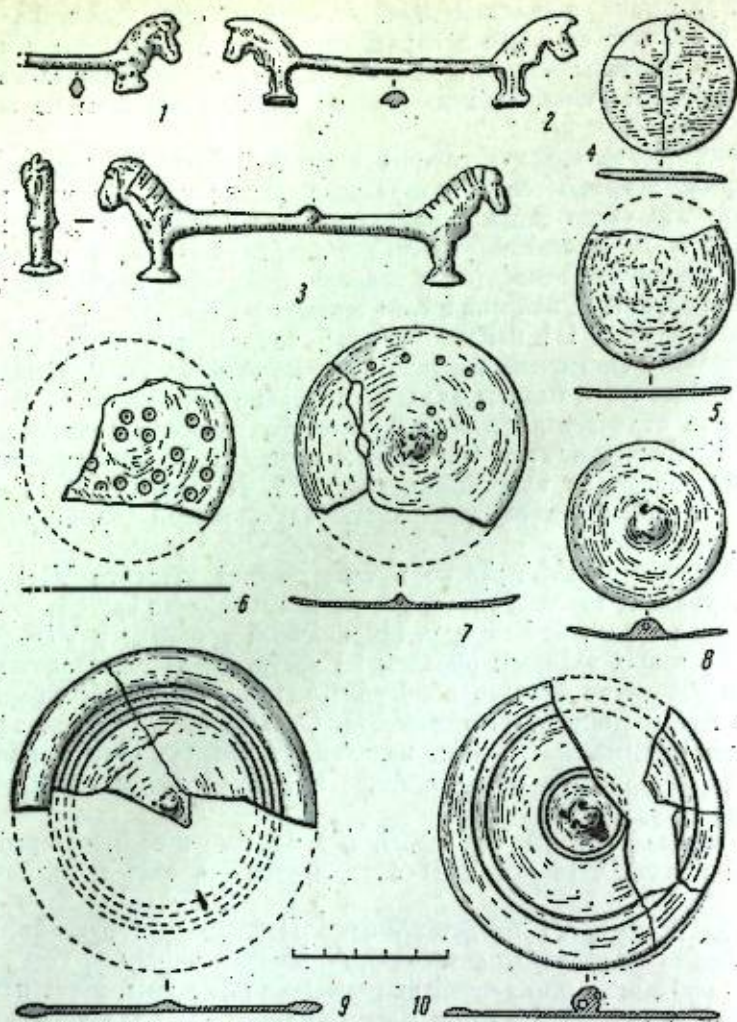

Рис. 1. Зеркала из Пенджикента

1-3 — ручки от зеркал VI группы; 4-5 — зеркала I группы; 6 — зеркало II группы; 7 — зеркало IV группы; 8 — зеркало III группы; 9-10 — зеркала V группы

храма, в слое, дату которого трудно установить. Такая же ручка от зеркала была найдена А. И. Тереножкиным во время раскопок на Афрасиабе в 1948 г.¹³ В зеркалах этого типа ощущается отголосок очень старых традиций. К VIII—VII вв. до н. э. исследователи относят зеркало из Луристана с ручкой, оканчивающейся изображением крылатых львов.¹⁴ В Иране традиция изготовления таких зеркал удерживается и в более позднее время. Например, к рубежу II—III вв. н. э. относится найденное в Иране зеркало с ручкой, оканчивающейся протомами гри-

¹³ А. М. Беленицкий. Указ. соч., стр. 31.

¹⁴ Y. et A. Godard. Bronzes du Luristan. Collection E. Graeffe. La Haye, 1954, N 345; R. Ghirshman. Perse, Proto-iraniens, Médes, Achéménides, Paris, 1963, p. 76; fig. 100; L. Van den Berghe. Het archeologisch onderzoek naar de bronscultuur van Luristan. Opgravingen in Pusht-i-Kuh I Kalwali en war Kabud (1965 en 1966). Brussel, 1968, p. 20, 47, fig. 10, 9.

фонов.¹⁵ Следы древней передневожочной традиции прослеживаются и в других видах матеральной культуры. Тогда VII—VIII вв. — в архитектуре, керамике, торевтике.¹⁶ А. М. Хазапов отмечает большую роль передневожочных прототипов в истории сарматских зеркал, предполагая при этом посредническую роль Средней Азии.¹⁷

Зеркала с ручками на двух опорах, расположенными по диаметру зеркала, были широко распространены. В Средней Азии местные и привозные зеркала такой конструкции относятся к первым векам н. э.¹⁸

Рис. 2. Фрагмент зеркала с петлей в виде фигурки льва

Фрагмент зеркала с петлей в виде фигурки льва в Пенджикенте найден в слое середины VIII в. (рис. 2). Это зеркало относится к хорошо известной группе танских зеркал.¹⁹ Импортные зеркала этой группы известны по другим находкам на территории Средней Азии.²⁰ Фигурка льва на фрагменте зеркала из Пенджикента очень похожа на петлю свадебного зеркала, хранящегося в Бостонском музее изящных искусств,²¹ а также сходна с фигуркой льва на зеркале из Восточного Казахстана, опубликованном А. Н. Бернштамом.²²

Таким образом, коллекция бронзовых зеркал из Пенджикента, несмотря на свою малочисленность, разнообразна по составу и дает дополнительные сведения о культурных и торговых связях Согда VII—VIII вв. с соседними странами.

¹⁵ Хранится в музее Метрополитен в Нью-Йорке. Пользуюсь случаем выразить свою признательность хранителю ближневосточных древностей музея Метрополитен П. О. Харпер за присылку фотографии этого зеркала.

¹⁶ Б. И. Маршак, Я. К. Крикис. Чилекские чаши. Тр. Гос. Эрмитажа, т. X, Л., 1969, стр. 76.

¹⁷ А. М. Хазапов. Указ. соч., стр. 60, 64—65.

¹⁸ Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Археологические памятники Баткепа и Ляйляка. Фрунзе, 1962, табл. XV, 1; Ю. Д. Баруздин. Кара-Булакский могильник. «Труды Института истории АН Кирг. ССР», Фрунзе, 1956, вып. II, стр. 68—69, рис. 11; Ю. Д. Баруздин и А. Г. Подольский. Бронзовая женская статуэтка из Кара-Булакского могильника. КСИА, вып. 85, 1961, стр. 127—129.

¹⁹ S. Sattarp. The Lion and Grape Patterns on Chinese Bronze Mirrors. «Artibus Asiae», XVI, 4, 1953, p. 265—281; Bo Gyllensvärd. F and Gold and silver. Stockholm, 1957, p. 163—165, 167—169, 173—175, 181—182.

²⁰ К. В. Тревер. Золотая статуэтка из селения Хаит (Таджикистан). Тр. Гос. Эрмитажа, т. II, 1958, стр. 130—131, рис. 5; А. Н. Бернштам. Новые эпиграфические находки из Семиречья. ЭВ, II, 1948, стр. 108—110, рис. 3.

²¹ S. Sattarp. Указ. соч., fig. 5.

²² А. Н. Бернштам. Указ. соч., рис. 3.

А. П. РУНИЧ, А. А. ФОРМОЗОВ

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ
В РАЙОНЕ КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД

Археологические исследования в районе Кавказских Минеральных Вод ведутся уже около ста лет. За это время раскопано большое число памятников, преимущественно погребений эпохи бронзы, начала железного века и периода средневековья. Гораздо хуже освещены предшествующие этапы истории. Можно отметить лишь находки кремневых орудий верхнепалеолитических типов в пещерах под Кисловодском, сделанные С. Н. Замятинным¹, и майкопский комплекс из кургана у ст. Горячеводской².

За последние годы открыт ряд новых энеолитических памятников. В 1963—1965 гг. А. П. Рунич вскрыл 100 м² на поселении близ так называемого «Замка коварства и любви» на речке Аликоновке у Кисловодска³. Оно содержало материал, чрезвычайно близкий к находкам в верхнем слое стоянки Мешоко в Прикубанье. Легкие каменные браслеты с четырехугольным сечением сочетаются здесь с керамикой, украшенной жемчужным орнаментом, и подвесками из зубов животных, такими же, как в курганах Новосвободной. Совпадают по типу с находками в Мешоко каменные клиновидные топоры, скребки, наконечники стрел. Некоторые особенности коллекции с Аликоновки позволяют думать, что это поселение немного моложе Мешоко. Тут нет обильно представленных в Мешоко кремневых сегментов, но есть фрагменты сосудов с слочным орнаментом, с сосцевидными налестками и вертикальными расчесами поверхности, что характерно для стоянки Хаджох, т. е. уже не для II, а для III группы майкопских поселений по периодизации А. А. Формозова⁴. Сосуды с жемчужным орнаментом, спускающимся от венчика на тулово «полотенцами», так же, как и на медных котлах Новосвободной, говорят о вероятной синхронности стоянки с этими погребениями, а не с предшествующим временем. Костные остатки поселения на Аликоновке, где мелкий рогатый скот преобладает над крупным, ближе по составу к спискам фауны поздних, а не ранних майкопских поселений. Из других деталей упомянем о не вошедшей в публикацию А. П. Рунича находке глиняного колесика от модели повозки.

Исследование поселения на Аликоновке стало возможным благодаря оживлению краеведческой работы на Кавказских минеральных водах.

¹ С. Н. Замятин. О первоначальном заселении пещер. КСИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 57.

² А. А. Иессен. К хронологии Больших кубанских курганов, СА, XII, 1950, стр. 163.

³ А. П. Рунич. Энеолитическое поселение близ Кисловодска, СА, 1967, № 1, стр. 228—233.

⁴ А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 74—84.

Походы школьников из клуба «Кавказ» на ст. Минеральные Воды (руководитель И. Л. Осипов), охранные раскопки Пятигорского музея (Г. Я. Симакин) и археологической секции в Кисловодске (руководитель Н. Н. Михайлов) увенчались новыми находками памятников первобытной культуры.

В 1966—1968 гг. Г. Я. Симакин раскопал курган высотой до 12 м на территории госпиталя в Пятигорске. В насыпи с кромехом и каменной наброской было два впускных погребения северокавказской культуры. Основное захоронение было совершено в яме размером 4,8×5,8 м, выстланной камышом и перекрытой деревом. В ней стояло 8 сосудов, типичных для майкопской культуры, частью круглодонных, частью с уплощенным дном. На одном из них — неглубокий прочерченный орнамент из заштрихованных треугольников, аналогичных орнаменту сосуда из Соломенского кургана в Кабардино-Балкарии⁵. Полную аналогию сосудам Долинского поселения в г. Нальчике представляет высокий узкогорлый трехручный сосуд красного цвета, привезенный в Пятигорский музей из карьера у с. Солдато-Александровского близ Георгиевска⁶. Очевидно, Кавказские Минеральные Воды не менее богаты памятниками майкопского круга, чем Кабардино-Балкария и Прикубанье.

Это подтверждают и новые находки поселений. В 1966 г. участник археологического кружка Ю. Харюбин нашел в 2,3 км к югу от Кисловодска четыре каменных топора. Тогда же место находки осмотрел А. П. Рунич, пришедший к выводу, что мы имеем дело с кладом на площади древнего поселения. В 1969 г. памятник обследовал А. А. Формозов, заложивший здесь небольшой раскоп. Находки связаны с полукруглым мысом плато, вытянутым с востока на запад на 200 м и шириной до 95 м. К востоку от него расположена Кабардинская балка — каньон глубиной до 150 м, пропиленный притоком р. Ольховки. С юга и запада над мысом поднимается водораздельная гряда, разделяющая речки Кабардинку и Березовку. В целом по топографии стоянка похожа на кубанские поселения Мешоко, хутор Веселый и др. В 350 м к северу от мыса стоят дома карачаевского поселка Индустрия, а через самый мыс проходит грунтовая дорога из Кисловодска в Долину нарзанов. В промоине вдоль старой колеи дороги на глубине 60—70 см и были обнаружены каменные орудия. Зачистка обреза дороги показала, что под тонким растительным слоем лежит пласт желтоватого суглинки, прикрывающий доломитизированные известняки. Верхняя часть суглинки гумусирована и насыщена культурными остатками — раздробленными костями животных, черепками, глиняной обмазкой, прослойками золы. Наибольшая толщина культурных отложений — 70 см.

Все находки относятся к одному времени. Обломки сосудов дают представление о крупных толстостенных горшках красно-охристого цвета, нередко с мажущейся поверхностью, столь характерной для майкопской керамики. Встречаются фрагменты верхних частей сосудов с коротким венчиком, резко вздутыми плечами и широкими ленточными ручками. Среди четырехсот черепков нет ни одного орнаментированного. Все эти особенности керамики с Кабардинской балки очень напоминают посуду Долинского поселения. Кроме черепков, из слоя извлечены четыре обломка глиняных кирпичей-конусов, зернотерки, терочные камни и небольшое число кремневых и обсидиановых отщепов. Немногочисленность их заметно отличает поселение на Кабардинской балке от стоянки на Аликоновке. Показательно и полное отсутствие каменных браслетов. Все эти признаки и прежде всего облик керамики не оставляют сомнений

⁵ А. П. Кружлов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА, № 3, 1941, табл. XI, 1.

⁶ Там же, табл. VI.

в принадлежности памятника к поздней, третьей группе майкопских поселений.

Четыре найденных вместе каменных топора входят, очевидно, в тот же комплекс. Они сделаны из серого гранита и представляют собою скорее долота, чем собственно топоры. Сечение орудий округлое, тело их сильно вытянуто, клиновидная рабочая часть прекрасно заточена и отполирована. По размеру орудия варьируют, образуя единый ряд от 19,2 до 14 см в длину и от 5,2 до 4,2 см в ширину (рис. 1). Судя по тому, что рабочая часть всех топоров не имеет никаких следов употребления, вещи были зарыты на стоянке сразу же после изготовления и в дальнейшем никогда не использовались. Тип этих изделий знаком нам по случайным находкам около горы Беш-тау, близ с. Константиновского в Ставропольском крае и в трех пунктах у Нальчика⁷. Существенно, что

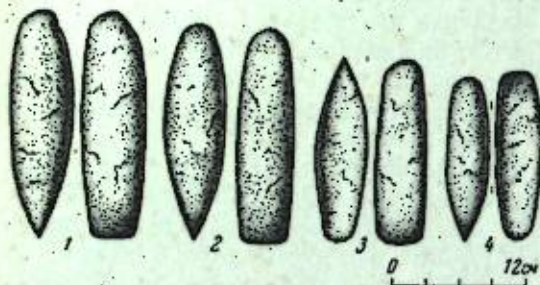

Рис. 1. Каменные долотовидные орудия со стоянки на Кабардинской балке

на северо-западе Кавказа такие орудия не известны ни по случайным находкам, ни по раскопкам стоянок, давших, подобно Мешоко, сотни плоских треугольных топоров.

По-видимому, в конце энеолита различия в материальной культуре отдельных майкопских племен, заселявших Северный Кавказ, возросли. Если весь комплекс поселения на Аликоновке тождествен материалам Мешоко, Ясеновой Поляны и других поселений II хронологической группы в Прикубанье, то находки в Долинском и на Кабардинской балке не во всем совпадают с коллекцией из Хаджуха. В Прикубанье жемчужная орнаментация керамики сохраняется и на III этапе развития майкопской культуры. В центральных районах Северного Кавказа эта орнаментация исчезает (есть только на одном черепке Долинского). Долотовидные каменные орудия из Кабардино-Балкарии и района Минвод, теперь твердо увязанные с позднемайкопским временем, не находят аналогий на западе.

На поселении у Кабардинской балки следует провести широкие раскопки. Попутно нужно будет осмотреть и другие мысы плато. Находки кремневых и обсидиановых отщепов сделаны краеведами на левом берегу балки и выше, вдоль той же дороги, на четвертом, шестом, восьмом и двенадцатом километрах от Кисловодска в сторону аула Кичи-балык.

Материал майкопского времени собран также на территории бывшей станции Кисловодской в урочище Решинка на мысу при впадении р. Березовки в Подкумок. Стоянка совершенно разрушена кладбищем станции, а затем сооружением опорной вышки электропередачи. Но находка здесь, помимо кремневых и обсидиановых отщепов, обломка каменного браслета говорит о близости памятника к поселению на Аликоновке.

Обломок каменного браслета был найден еще до войны Н. М. Егоровым и в районе станции Змейка. Сейчас эту местность обследует со

школьниками И. Л. Осипов. На распаханных участках собрано порядочно каменных изделий. Среди них привлекает внимание большой плоский сработанный с одной стороны обсидиановый нуклеус. Форма его типична для кавказского неолита. Другой плоский нуклеус поднят на Константиновском плато у с. Бородиновка. Отсюда же происходит обломок полированного топора с ушками — орудия весьма характерного для неолита Сибири и Европейского Севера, но только один раз обнаруженного на Кавказе⁸.

Наконец, И. Л. Осипов систематически собирает подъемный материал у пещеры на восточном скате Селитряных скал — отрога горы Развалка над Железноводском. В небольшом гроте, лежащем на высоте 600 м, закладывали шурф Н. К. Верещагин и А. П. Рунич. Они выявили слои с аланской керамикой и с кремневыми и обсидиановыми отщепами⁹. Основные находки кремня и обсидиана связаны со склоном под пещерой, высотой 20 м, и естественной площадкой у его подножья, размером 30×50 м, размещенной над хорошим родником. Тут найдены маленький клиновидный полированный топорик и обсидиановый скребок. Вероятно, у родника располагалась небольшая неолитическая или энеолитическая стоянка.

Перечисленные находки показывают, что в районе Кавказских Минеральных Вод есть немало памятников энеолитического, а, может быть, и более раннего времени, заслуживающих тщательного исследования.

⁷ В. И. Марковин и Р. М. Мунчаев. О двух типах каменных орудий Северного Кавказа. КСИА АН СССР, вып. 84, 1961, рис. 6, 1—5.

⁸ Коллекция из сборов А. П. Краснова в Сочинском музее.

⁹ Н. К. Верещагин. Млекопитающие Кавказа. М.—Л., 1955, стр. 181—187.

В. И. МАРКОВИЧ

ДОЛЬМЕНЫ СОЛОХ-АУЛА

Солох-аульская дольменная группа¹ из 12 дольменов находится близ г. Сочи. Она расположена в бассейне р. Шахе, в 7,5 км к северу от сел. Солох-аул, на склоне горы Ауль, по левому берегу р. Козыхин в окрестностях так называемых «балаганов» (старых охотничьих построек) и несколько выше урочища «Три дуба». Дольмены находятся на высоте 996 м от уровня моря среди густого каштанового леса и зарослей рододендрона. Дольмены расположены близ перевалов через горы Хуко, Бзыш, Оштен, ведущих в современное сел. Гузерипль и далее к ст. Даховской и Баговской, где известны крупнейшие дольменные группы (на Дегуакской поляне более ста дольменов, в бассейне р. Кизинки 564 дольмена). Дольмены Солох-аула занимают небольшую площадку (1350 × 1000 м), верхняя часть которой покрыта скалами светло-желтого песчаника. Этот камень являлся материалом для постройки плиточных дольменов. Отдельные скалы также служили монолитами, в которых высекали дольменные камеры (корытообразные сооружения). Сейчас в солох-аульской группе можно видеть 8 корытообразных и 4 плиточных дольмена. Они образуют два скопления (№ 1—4 и 5—12), между которыми находятся упомянутые скалы песчаника и отдельные камни с чашечными углублениями. Ниже дано краткое описание местных дольменов и приведены итоги их исследования².

Дольмен 1 — плиточного типа (рис. 2, 1). Плиты, из которых он сложен, слегка обработаны с наружной стороны, внутри камеры они тщательно оббиты пунктирными ударами узкого зубила. Передняя и задняя плиты сооружения входят в пазы, высеченные в боковых камнях. Передняя северная плита округлой, подушкообразной формы снабжена коническим отверстием (диаметр его 0,42—0,36 м, снаружи оно украшено углубленным бордюром). С этой стороны дольмен был декорирован порталом — двумя вертикально стоящими плитами, которые примыкали к его боковым стенам. Сверху порталные камни некогда перекрывал крупный блок песчаника, задняя сторона которого покоилась на специальном уступе крупной покровной плиты, прикрывающей камеру. Для прочности

все стены дольмена слегка наклонены внутрь сооружения, давая и в плане, и в разрезах трапециевидные очертания. Длина с порталным выступом 3,40 м, ширина (с перекрытием) — 3,15 м. Перед входом в дольмен некогда была устроена площадка округлой формы, окруженная вертикально стоящими камнями (зафиксировано 15 камней).

Все сооружение точно ориентировано с севера на юг. Раскопки внутри дольмена и в его порталной части позволили установить, что под все плиты, кроме задней, подложены опорные камни. Внутри камеры (ее величина: 1,85—1,70 × 1,41 × 1,30 м) найдено большое количество костного остроугольным зигзагообразным узором, небольшое четырехгранное шило. Перед входом обнаружены челюсть лошади и отдельные скопления угольков. Возле восточной порталной плиты найдено сланцевое орудие в виде плитки со следами сглаживания (21 × 6 × 3,5 см). Им подшлифовывались детали сооружения.

Дольмен 2 (плиточный) разрушен. Сооружение было ориентировано не очень точно с запада на восток, с какой его стороны находился вход — сказать трудно.

Дольмен 3 принадлежит к типу корытообразных. Сделан из скалы округлой формы, верхняя поверхность которой тщательно заглажена. В скале высечена камера овальной формы, вытянутая с запада на восток (фасад). В передней стене пробито отверстие правильной цилиндрической формы (диаметр его 0,38 м). Перед ним устроено подобие портала — боковые выступы скалы смыкаются с небольшой площадкой. Камера была перекрыта плитой, от которой сохранились два обломка. Размеры камеры 1,65 × 1,20 м при высоте около 0,90 м, высота скалы с камерой 1,80 м.

Дольмен 4 представляет обломки корытообразного сооружения. Камера его имела прямоугольную в плане форму с закругленными углами. Дольмен вытянут с севера на юг, отверстием обращен к северу. Задняя стена дольмена украшена боковыми выступами.

Дольмен 5 — корытообразный (рис. 2, 2). Выбит в огромной скале и перекрыт массивной плитой. Камера устроена в северной половине скалы, отделяясь от остальной, необработанной ее части искусственно сделанным желобом шириной в 0,43 м (глубина его 0,09 м). Помещение дольмена имеет в плане трапециевидную форму (1,57—1,35 × 1,40 м) с закругленными углами. Расширяющаяся часть камеры обращена к выходу (на восток). Пол дольмена покат, он возвышается у задней стены, которая легким подбоем углублена в скалу. Боковые стены камеры слегка наклонены внутрь. Высота камеры возле отверстия — 1,14 м, у задней стены — 0,90 м.

Входное отверстие имеет неправильную овальную форму (0,37 × 0,32 м) и с внешней стороны обрамлено углубленным бордюром. Снаружи передняя часть дольмена украшена несколько наклонными порталными выступами и закругленной площадкой.

Приостренные края стен дольмена входят в специальные пазы перекрытия, которое сильно нависает над входом (размеры перекрытия: 3,15 × 2,30 × 0,50—0,35 м).

Дольмен 6 также является корытообразным (рис. 3, 1). Ориентирован очень точно с востока на запад (фасад). Камера дольмена в плане трапециевидна (1,74—1,45 × 1,42 м), высота у входа — 1,30 м, у задней стены — 1,05 м (стены ее горизонтальны, углы закруглены). Фасад дольмена украшен порталными выступами, которые упираются в выровненную скальную площадку с двумя искусственными ступеньками.

Портальные выступы несколько наклонены, в верхней части дольмена они закругляются и суживаются. Между выступами находится отверстие

¹ Упоминание об этой группе см.: «Туристская карта-схема Туапсе—Сочи—Хоста—Адлер». Составитель С. Р. Крайнюк. Тбилиси, 1959; «Учебная карта Краснодарского края (масштаб 1:600 000)». Консультанты В. И. Борисов, Н. В. Анфимов. М., 1967; А. И. Лавров. Дольмены Северо-Западного Кавказа. «Труды Абхазского ИЯЛИ», т. XXXI. Сухуми, 1960, стр. 161, №№ 1083—1095. Под «обычными» дольменами автор понимает сложенные из плит; «составные» у него — сложенные из каменных блоков в несколько рядов (стр. 102). В нашем описании термин «плиточные дольмены» равносложен термину А. И. Лаврова — «обычные дольмены».

² В работах у Солох-аула 1967, 1968 гг. принимали участие П. У. Аулаев, В. В. Бжания, В. И. Козенкова, М. П. Севостьянов, Ю. Ю. Пиотровский и группа студентов. Зарисовки дольменов сделаны автором.

неправильной овальной формы (0,36×0,34 м) с параллельными стенками.

Покровная плита имеет трапециевидную форму (2,80×2,65×0,25 м) и чашевидно изогнута. В передней части она приподнята и соединена пазом со стеной фасада. Возле дольмена найден обломок грибообразной каменной втулки, покрытой желобками (рис. 3, 1а).

Дольмен 7 — корытообразный, архитектурными особенностями напоминает предыдущее сооружение. Ориентирован с юго-запада на северо-восток (фасад). Камера дольмена в плане прямоугольна, кверху несколько суживается (1,70×1,63 м, высота в передней части около 1,50 м). Фасад украшен порталными выступами со слегка покатою площадкой, которая снабжена двумя невысокими ступеньками. В верхней части площадки выбита продолговатая лунка (0,26×0,9×0,03 м). Она находится напротив аркообразного отверстия (0,34×0,29 м), ведущего в дольмен. От покровной плиты сохранились отдельные обломки.

Дольмен 8 — корытообразный, ориентирован как и предыдущий. Перекрыт огромной плитой (толщина ее 0,42 м), которая уходит в склон горы. Камера дольмена имеет в плане форму неправильного полуовала (1,90×1,90 м); высота ее в передней части 1,30 м, в задней — 1,15 м, где она завершается плавно опускающимся подбоем. Портальные выступы фасада слегка огранены, кверху расстояние между ними суживается. Отверстие фасада цилиндрической формы (диаметр 0,45 м).

Дольмен 9 — плиточный, расположен на склоне. Возможно, дольмен не был собран, так как все блоки его почти не обработаны. Ориентирован с севера на юг (фасад). Покровная плита трапециевидной формы (2,30×2,30—1,60×0,35 м), широкой частью обращена к фасаду. Она покоится на трех камнях, образующих боковые и заднюю стены (длина блоков: 2,35; 1,85; 1,25 м, высота 1—0,70 м). По краям западной боковой плиты выдолблены вертикальные пазы, — в них должны были входить торцы передней и задней плит. Пазы имеются и на внутренней поверхности перекрытия, они образуют четырехугольник, но стены дольмена не совпадают с ним. Ясно, что дольменную крышу пытались подогнать к масштабам камней. Судя по внутренним контурам пазов, камера могла иметь размеры: 1,42×1,15 м.

Передняя плита лежит, она не обработана, чрезмерно высока по отношению к размерам других плит (длина 1,40 м, высота — 1,50 м), снабжена закругленными уступами, которые могли служить для закрепления ее в материке. В плите проделано овальное отверстие (рис. 3, 2).

Дольмен 10 сделан в виде корыта из огромного тщательно обработанного блока песчаника, который стоит на скальной основе. Сооружение расположено на склоне, ориентировано с запада на восток (фасад). Перекрытие точно подогнано к камере, а в передней части в нем сделан уступ, плотно прилегающий к стене камеры. Дольмен поврежден проломами. Камера имеет трапециевидную форму (2,30×2,04×1,50 м), углы ее закруглены, пол камеры покато, тонкие стены слегка наклонены (высота камеры в передней части — 1,23 м, в задней — 1,18 м, толщина стен до 0,16 м). Фасад украшен слегка наклоненными порталными выступами. Отверстия, обычного для фасада, здесь нет, оно пробито в задней части северной боковой стены, отверстие цилиндрическое, диаметром в 0,40 м. Внутри дольмена обнаружены следы обработки его орудием типа зубила с закругленной рабочей частью шириной в 1—1,7 см (рис. 4, 1).

Дольмен 11 — корытообразный. Камера сооружения трапециевидной формы с закругленными углами (2,15×1,65—1,33 м, высота более 1,30 м), ориентирована с северо-запада на юго-восток (фасад обращен к склону). Внутренняя часть камеры заполнена обломками перекрытия. Передняя стена украшена слегка наклоненными порталными выступами. Над цилиндрическим отверстием (диаметр его — 0,35 м) выбито круглое

Рис. 1. Солох-аул. Расположение дольменов на горе Ауль

1 — дольмены; 2 — камни с чашечными углублениями; 3 — «баллавы»; 4 — скалы песчаника; 5 — родник

Рис. 2. Дольмены у сел. Солох-аул

1 — плиточный дольмен 1; 2 — корытообразный дольмен 5

Рис. 3. Дольмены у сел. Солох-аул

1 — корытообразный дольмен 6; а — обломок каменной втулки из дольмена 6; 2 — составной плиточный дольмен 9

Рис. 4. Дольмены у сел. Солох-аул

1 — корытообразный дольмен № 10; 2 — плиточный дольмен 12; 3 — петроглифы на скале, стоящей возле дольмена 12 (стрелкой указана плоскость скалы, на которую нанесен рисунок)

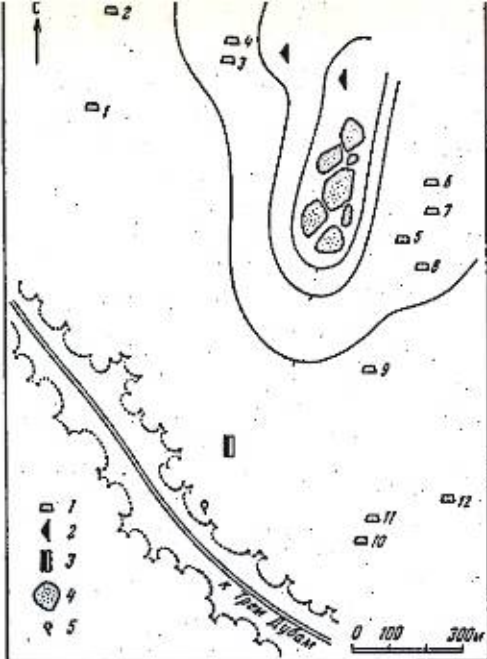

Рис. 1

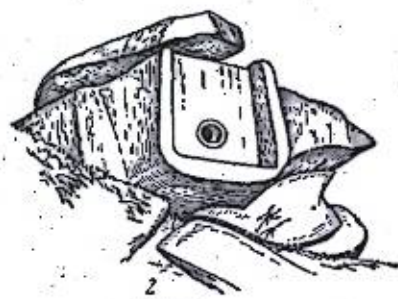
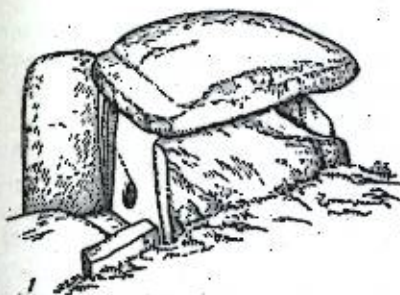

Рис. 2

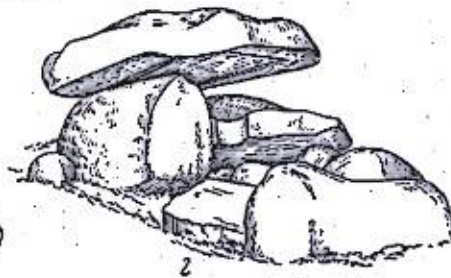
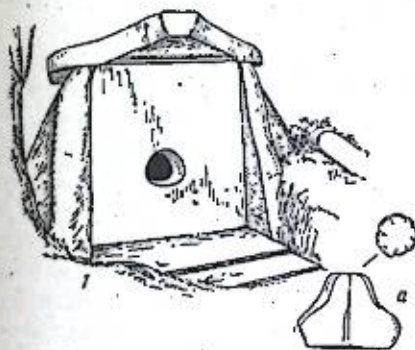
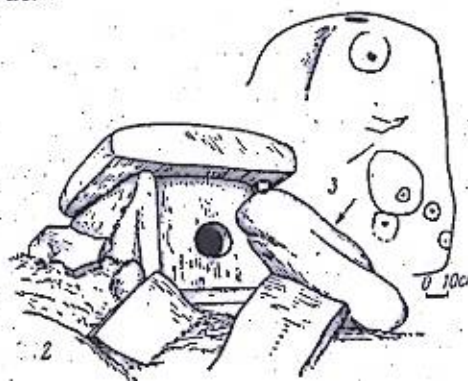
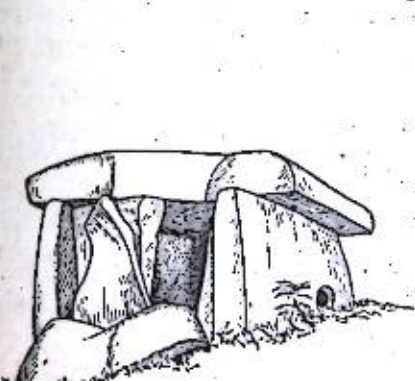

Рис. 3

чашечное углубление (0,08×0,03 м). Перед входом, в 6 метрах юго-западнее, можно видеть еще одно круглое чашечное углубление (0,22×0,13 м), сделанное в скале близ подножия дольмена.

Дольмен 12 обнаружен под каменным завалом площадью в 6×3,60 м. Завал так же, как и скрываемый им плиточный дольмен, ориентирован с северо-запада на юго-восток (фасад). Гробница сделана очень тщательно: передняя и задняя плиты входят в пазы боковых. Перекрытие округлой формы (1,18×2,17 м) также снабжено пазами, в которые входили передняя и боковые плиты (для задней плиты не было специального паза), пазами снабжены и пяточные камни, положенные в основание дольмена. Плиты, слагающие камеру дольмена, имеют трапециевидную форму, в силу этого такую же форму имеют план и сечения дольмена. Размеры камеры: 1,08×1,17—1,05 м при высоте 0,90 м в передней части и 0,80 м в задней (перекрытие приподнято). Отверстие овальной формы (0,35×0,31 м), имеет почти параллельные стенки. Края боковых плит слегка выдаются, по бокам они укреплены камнями (рис. 4, 2). В результате раскопок перед входом в дольмен обнаружены плиты и камни, а на расстоянии 0,30 м — обломок скалы, в верхней части которой имеется чашечное углубление (0,12×0,045 м), а по ровной плоскости выбиты пунктирными ударами солярные знаки в виде кругов (рис. 4, 3). В самом дольмене погребения не оказалось, найдены лишь угольки, возможно, сооружение служило кенотафом; возле скалы лежало днище сосуда с небольшим поддоном.

Раскопки одной из каменных набросок, довольно многочисленных в местном лесу, позволили обнаружить под камнями смытые культурные остатки в виде угольков и керамики. Очевидно, во время сооружения дольменов их строители жили поблизости от места работ.

Изучение конструкции солох-аульских дольменов и немногочисленных материалов раскопок позволяют относить их использование ко времени около первой четверти—середины II тыс. до н. э. Так, собранная нами керамика близка керамике дольменов сел. Эшери в Абхазии, дольменов и поселений близ г. Геленджика³.

Предложенная дата указывает на наиболее реальное время использования изучаемых гробниц. Возможно, некоторые из них были построены несколько раньше.

Остановимся на некоторых выводах.

1. Существует мнение, что дольмены возникли в силу бытования традиции, по которой покойников необходимо было погребать в пещерах⁴. Естественно, согласно этой теории корытообразные дольмены должны быть типологически более близки пещерам, чем плиточные гробницы. Если это так, то дольмены, высеченные в скалах, являются более древними. Однако изученные дольмены опровергают такое мнение. Портальные выступы, которые в плиточных дольменах фактически являются продолжением боковых плит, в корытообразных гробницах лишь имитируют такие выступы. В них эти боковые выступы конструктивно не связаны с формой камеры (камера может быть различной формы), они выполняют в них декоративные, а, возможно, и ритуальные задачи, находя свои более ранние формы в логически осмысленных конструкциях дольменов, сложенных из крупных плит.

³ Гос. музей Грузии. Материалы Б. А. Куфтина, 1946; Б. В. Лукин, Дольмены Черноморья. «Материалы по археологии Юго-Востока России», кн. 1, вып. 1, Ростов-на-Дону, 1924, стр. 26, рис. 4; О. М. Джапаридзе, Дольменная культура Грузии. «Труды Тбилисского гос. университета», вып. 77, Тбилиси, 1959, стр. 109—114, рис. 10, 18; Краеведческий музей г. Геленджика. Материалы И. И. Аханова, 1958, лив. № 801.

⁴ М. М. Иващенко, Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. «Известия Научно-исследовательского института кавказоведения», вып. 3, Тифлис, 1935, стр. 9.

Портальные выступы корытообразных дольменов в верхней части сближаются. В них эта деталь носит традиционный характер, она ничем конструктивно не обоснована.

В плиточных дольменах, построенных по принципу распора, такой трапециевидный разрез сооружения продиктован наклоном боковых плит, которые только таким образом могут плотно зажать переднюю и заднюю стены гробницы. Ясно, что и эта деталь перенесена из конструкции плиточных дольменов в декор корытообразных. Можно сказать, что корытообразные дольмены Солох-аула были построены с учетом большого традиционного опыта в строительстве дольменов из плит. Это позволяет предполагать более сложные пути создания первых дольменных построек.

2. Дольменные группы Солох-аула немногочисленны, но они расположены очень компактно возле скал песчаника, в той части, где обнаружены две каменные глыбы с чашечными углублениями. Одна (высота ее 1,95, ширина основания 2,15 м) с шестью чашами (по три с каждой стороны) диаметрами в 20—6 см при глубине от 12 до 1 см, и другая — с одной (высота скалы — 1,60 м, ширина — 2,60 м, размеры чаши — 32—28×14 см). Чаши скал расположены не горизонтально, а вертикально⁵. Как видно, возле скал производились какие-то ритуальные действия. Описанные нами дольмены следуют тремя рядами, направленными с юга на север. Все это позволяет думать, что строители дольменов ставили гробницы независимо от их конструкции, но подчиняясь известной традиции и считаясь с правилами ритуала.

3. А. Ф. Лещенко чашечные углубления на перекрытиях дольменов считает своеобразными «склянками с водой», связывая их с культом воды⁶. Сейчас, когда найдена серия чаш, расположенных не только горизонтально, но и в наклонном положении, следует, пожалуй, пересмотреть их связь с культом воды. Возможно более сложное их осмысление. Так, П. У. Аутлев, один из знатоков дольменов Адыгеи, считает такие углубления «свидетельствующими о первобытно-космических представлениях дольменостроителей»⁷. На это указывает и группа солярных знаков, найденная возле дольмена 12.

4. Мы уже упоминали, что дольмены Солох-аула расположены возле перевальных путей, ведущих от Черного моря в горы Адыгеи. Несомненно, указанные пути использовали строители дольменов. Упомянутые нами солярные знаки и чаши находят прямые аналогии в петроглифах Уруштена⁸ — района, примыкающего к местонахождению дольменов у сел. Гузерипль, т. е. по другую, северную сторону Кавказского хребта.

5. Изучение деталей в конструкциях дольменов позволит выявить местные, специфические черты. Так, в глубинах Абхазии до сих пор не найдены корытообразные дольмены⁹; в бассейне р. Кизинки (Прикубанье, ст. Баговская) такие дольмены известны, но они не имеют отверстий (работы автора в 1968 г.). Полное сопоставление указанных особенностей несомненно даст материал для выделения локальных (этнических) групп в кавказской дольменной культуре.

⁵ В районе «балаганов» Солох-аула известны еще два места с чашечными камнями: возле дороги, не доходя балагана (две чаши размерами 6×3 см и 6×1 см), и к западу от балагана, в лесу, через дорогу (две чаши — 20×8 см и 20×7 см).

⁶ А. Лещенко, Материалы до орнаментики дольменов на північнозахідному Кавказі. «Антропологія», вып. IV, Київ, 1931, стр. 154, 255.

⁷ П. У. Аутлев, Вести из мира древностей. Газета «Адыгейская правда» от 10 января 1968 г.

⁸ П. У. Аутлев, П. А. Дитлер, «Камни-писаницы» Уруштена, Тезисы докладов-секции археологии Кавказа. (Пленум ИА АН СССР 1966 г.), М., 1966, стр. 3.

⁹ В. В. Бжания, История археологического изучения памятников энеолита и ранней бронзы в Абхазии. «Материалы по археологии Абхазии», Тбилиси, 1967, стр. 107—110.

М. Х. БАГАЕВ, В. Б. ВИНОГРАДОВ

РАСКОПКИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО МОГИЛЬНИКА
У СЕЛ. ХАРАЧОЙ

Летом 1967 г. первый отряд Северокавказской археологической экспедиции Института археологии АН СССР и Чечено-Ингушского научно-исследовательского института¹ продолжал раскопки раннесредневекового могильника, открытого в 1966 г. у сел. Харачой в горной Чечне². Могильник постоянно разрушается горным потоком, большая часть захоронения дошла до нас в сильно потревоженном виде, что затрудняет возможность изучения деталей похоронного ритуала. Пять исследованных захоронений, в отличие от погребений в каменных ящиках, раскопанных в 1966 г., представляют собою грунтовые ямы (глубиной от 0,6 до 1,5 м). В них находились одиночные захоронения, вытянутые на спине, головою к западу (в двух случаях с небольшим отклонением к северу). Покойников сопровождали богатые наборы вещей.

В разрушенной детской могиле (по общей полевой нумерации № 7³) оказался богатый инвентарь (рис. 1, 1—18). Два бронзовых браслета из круглой проволоки с утолщенными концами (рис. 1, 1, 2). Третий — овальный в сечении с расплюснутыми концами (рис. 1, 3). Четвертый — пластинчатый (рис. 1, 4). Треугольная пряжка с подвижным язычком; ее поверхность покрыта узорами (рис. 1, 6). В богатое ожерелье погребенной входили подвески в виде литых бараньих головок (рис. 1, 7, 8), бронзовая моделька ложки с отверстием в дне (рис. 1, 5), разнообразные по форме и материалу бусы (халцедон, стекловидная паста, яшма, стекло) (рис. 1, 11—18).

В погребениях 8, 9, сильно разрушенных рекой, вместе с фрагментами сероглиняных гончарных сосудов (рис. 1, 19, 21, 22, 24) и железными ножами (рис. 1, 25) найдены зеркало из белого сплава (диаметр 6,5 см) с петлей и солярным орнаментом на тыльной части (рис. 1, 20) и бронзовая подвеска в виде колеса с фигурой стоящего человека внутри (рис. 1, 23).

Чрезвычайно интересны материалы из могилы 10 (комплекс вещей см. на рис. 2, 3, 4, 1—2), в которой была погребена старая женщина (рис. 2, 1). Костяк лежал вытянуто, на спине с обычной для могильника западной ориентацией. Левая рука вытянута вдоль туловища, кисть правой покоилась на бедренной кости.

Справа от скелета, у локтя, стоял сероглиняный гончарный кувшинчик, украшенный тремя рядами горизонтальных вдавлений и тремя маленькими сосцевидными выпуклинами на боках (рис. 2, 5). У черепа — две бронзовые серьги из круглого прута с 14-гранниками на концах (рис. 2, 2, 3). На шее — бронзовая витая гривна с загнутыми концами (рис. 2, 6). Тут же ожерелье из стеклянных, пастовых, агатовых бус (рис. 2, 12—20). В области пояса бронзовая пряжка (рис. 2, 4); на правой руке — два толстопроволочных браслета (рис. 2, 10, 11); на левой — два массивных бронзовых браслета с утолщением в центральной части и концами, оформленными в виде стилизованных змеиных головок (рис. 2, 7, 8). Значительное число находок сосредоточено у левого бедра погребенной (по-видимому, на поясе у нее висел мешочек или сумка, с разнообразными вещами религиозно-магического характера). У локтя левой руки лежала фигурная бронзовая фибула, возможно, запиравшая сумочку (рис. 3, 3). Ниже фибулы — остальные предметы.

Треугольная пряжка из оловянного сплава украшена на концах стилизованными изображениями излюбленного в раннем средневековье мотива: уха и рогов горного козла (рис. 3, 4). Обломок бронзового зеркала (рис. 4, 1) лежал рядом с каким-то сильно окислившимся железным предметом, назначение которого определить невозможно (амулет?) (рис. 4, 2).

Самыми ценными в сумочке оказались два ожерелья. Одно состояло из разнообразных бус (рис. 3, 1): 33 бочковидные стеклянные бусины с внутренней позолотой вперемешку с восемью овальными гранеными бусинами из горного хрусталя; в центре — 3 крупные голубовато-белые халцедоновые бусины.

Другое ожерелье представляет собой замечательный набор металлических подвесок и амулетов (рис. 3, 2), в который входят две литые подвески в виде медвежьих морд, одна — морды волка, одна — быка. Интересно отметить, что петля крупной подвески в виде медвежьей морды совершенно перетерта, что свидетельствует о долгом использовании этого амулета. В центре ожерелья находились две уникальные подвески: верхняя из белого сплава с зубцами, нижняя бронзовая биконическая, ложновитая, с петлей в верхней части и четырьмя изображениями птичек по бокам. В нижней части полой подвески имеется отверстие.

Очень выразительны и материалы из погребения 11 (рис. 4, 3—16), совершенного в соответствии с характерными чертами местного обряда (грунтовые могилы). Слева от скелета молодой женщины находилось скопление коровьих ребер, ниже которых лежал мужской череп. Возможно, здесь мы впервые в памятниках раннего средневековья встречаемся со случаем ритуального убийства раба или военнопленного.

На лучевых костях рук женщины находились бронзовые браслеты из круглого прута с утолщениями на концах (рис. 4, 5). У запястья рук и в области шеи — стеклянные и пастовые бусы с узорами (рис. 4, 8, 10—12, 14—16), раковина каури (рис. 4, 7). У черепа — малая бронзовая серьга с 14-гранником (рис. 4, 6). В области пояса — бронзовая четырехугольная пряжка (рис. 4, 4), бронзовая (рис. 4, 9) и железная (рис. 4, 13) арбалетовидные фибулы.

Новые раскопки Харачоевского могильника еще раз подтвердили научную ценность этого могильника. В горной Чечне известно еще два подобных памятника у селений Рагета⁴ и Верхний Дай,⁵ однако они почти не раскопаны.

¹ Начальник экспедиции доктор исторических наук Е. И. Крупнов, начальник отряда кандидат исторических наук В. Б. Виноградов.

² В. Б. Виноградов. Полный научный отчет СКАЭ за 1966 г. Архив ИА АН СССР, ф. 1, 3293, стр. 168.

³ Описание погребений № 1—6 см. там же, стр. 168—172.

⁴ В. Б. Виноградов. Археологические разведки в Чечено-Ингушетии в 1965 году. АЭС, т. II. Грозный, 1968, стр. 208—209, рис. 2.

⁵ С. У. Умаров. Полный научный отчет СКАЭ за 1967 г. Архив ИА АН СССР, ф. 1, № 3450, стр. 49—56.

Рис. 1. Могильник у сел. Харачой

1—18 — вещи из погребения 7; 19—25 — вещи из погребений 8, 9

Материалы из раскопок могильника у сел. Харачой, полученные в 1967 г., во многом схожи с находками 1966 г.⁶, однако набор вещей оказался еще более разнообразным. В отличие от материалов 1966 г., датированных V—VIII вв., комплексы погребений, раскопанные в 1967 г., относятся к концу этого периода, очевидно к VII—VIII вв.

Набор арбалетовидных фибул и поясных пряжек, типичных для этого периода, находит много аналогий⁷. Бронзовые браслеты⁸, серьги, височ-

⁶ В. Б. Виноградов. Полный научный отчет СКАЭ за 1966 г., альбом к отчету № 32936, рис. 8—11; он же. Полный научный отчет СКАЭ за 1967 г., альбом к отчету № 3450а, рис. 36—39.
⁷ А. К. Амброва. Фибулы юга Европейской части СССР. САИ, вып. Д1—30, 1966, табл. 16; П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. VIII, М., 1900; В. Б. Деоник. Классификация и хронология аланских украшений. МИА, № 114, 1963; Д. М. Атаев. Галлинский могильник — памятник средневековой Аварии (Серира). УЗДАГИИЯЛ, т. 6. Махачкала, 1959.
⁸ Д. М. Атаев. Некоторые средневековые могильники Аварии. МАД, т. I, Махачкала, 1961; Н. Д. Пугинцева. Верхнечирюртовский могильник. МАД, т. I, Махачкала, 1961; В. Г. Котович, Р. М. Мунчаев, Н. Д. Пугинцева. Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана. МАД, т. I, 1961, рис. 4 и др.

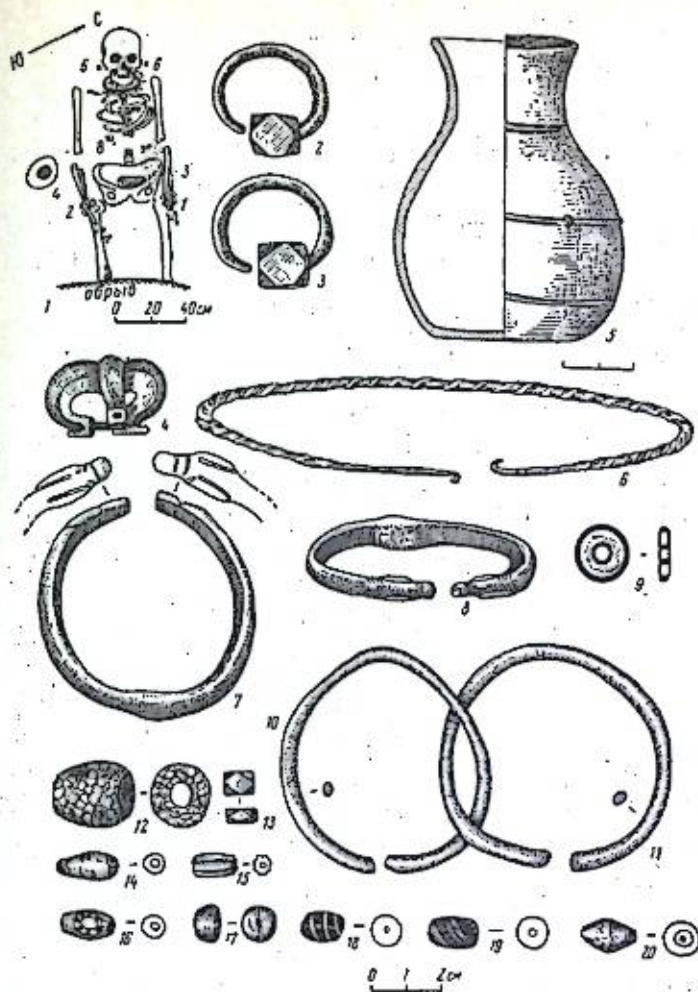

Рис. 2. Могильник у сел. Харачой. Вещи из погребения 10

ные подвески⁹, зеркала¹⁰, подвески-амулеты в виде морд животных¹¹, шейная гривна¹², бронзовая ложка¹³ — весьма характерные предметы для памятников VI—VIII вв. н. э. Этой дате соответствует и состав ожерелий из различных бус¹⁴.

Из обычного набора предметов в памятниках раннего средневековья Северо-Восточного Кавказа выделяются: подвеска с фигурой человека и браслеты со змеиными головками (рис. 2, 7, 8). Это пока единственные вещи указанной эпохи для территории Чечни. Подлинно уникальны и не находят себе аналогий некоторые металлические подвески из ожерелья в погребении 10 (рис. 3, нижнее ожерелье в центре).

⁹ В. Б. Деоник. Указ. соч., стр. 131—132.
¹⁰ В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, № 106, 1962; П. С. Уварова. Указ. соч., табл. 23 и сл.
¹¹ М. П. Абрамова. О пережитках культа двойной секиры в раннесредневековом Дагестане. «Археологический сборник». — «Труды ГИМ», вып. 40; Д. М. Атаев. Некоторые средневековые могильники. ... рис. 8; В. Б. Виноградов. Полный научный отчет СКАЭ за 1967 г., рис. 36—39.
¹² В. Б. Виноградов. Там же, рис. 37, 6.
¹³ П. С. Уварова. Указ. соч., табл. 53, 16; Д. М. Атаев. Некоторые средневековые могильники. ... рис. 25. В. Б. Виноградов. Полный научный отчет СКАЭ за 1967 г., рис. 36, 5.
¹⁴ В. Б. Деоник. Указ. соч., стр. 135—147.

Рис. 3. Могильник у сел. Харачой. Вещи из погребения 10

Состав находок из погребений Харачоевского могильника, раскопанных в 1967 г., доказывает их близость аланским древностям равнинного Предкавказья¹⁵ и могильникам горного Дагестана¹⁶. Вместе с тем харачоевские материалы весьма схожи с наборами вещей из могильников VI—IX вв. н. э., открытых в Чечено-Ингушетии (Верхнеалакунские, Бейнийские, Дуба-юртовские катакомбы), грунтовых могильников у селений Рагета, Верхний Дай. Исследованный могильник несомненно оставлен местным горским племенем. Об этом прежде всего свидетельствует погребальный обряд (неглубокие грунтовые ямы, а среди захоронений, открытых в 1966 г., — каменные ящики и случаи скорченного положения костяков). Кроме того, значительная группа бронзовых изделий, широко распространенных на территории гор и степей Северного Кавказа, ведет свое происхождение от характерных предметов исконно кавказской кобанской культуры. Так, подвески в виде голов животных, браслеты со змеиными головками, витая шейная гривна, бронзовые наконечники напоминают подобные предметы из памятников раннего железного века¹⁷. Некоторое сходство с биконическими височными подвесками раннего железного века

¹⁵ В. А. Кузнецов. Указ. соч., табл. 3 и сл.

¹⁶ Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963.

¹⁷ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

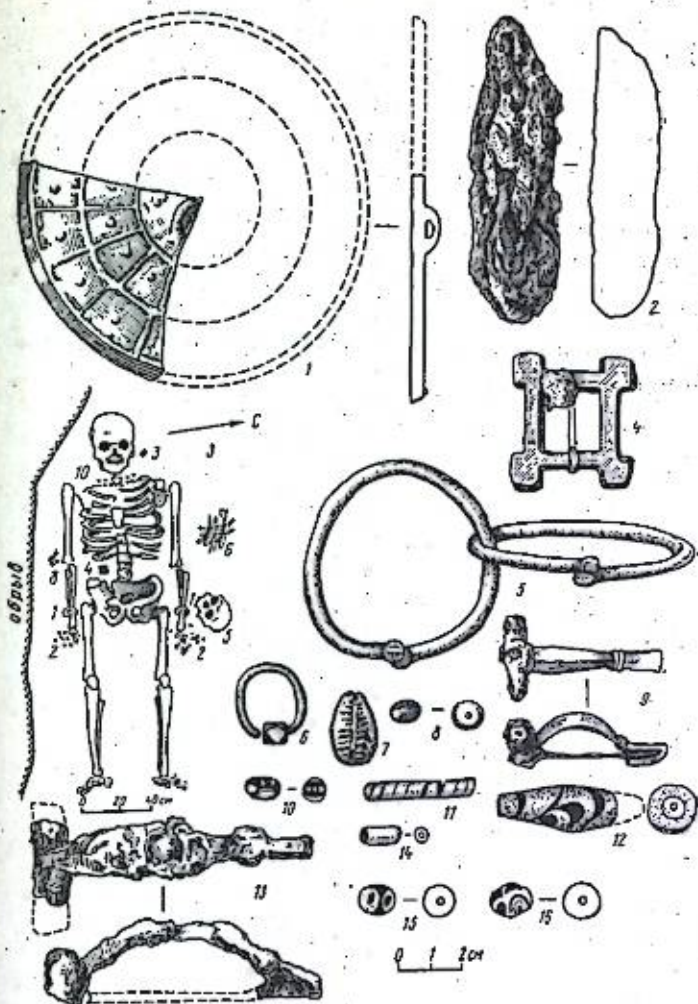

Рис. 4. Могильник у сел. Харачой

1—2—вещи из погребения 10; 3—16—из погребения 11

(могильники Луговой, Каррас, Шалушка и др.) обнаруживает по форме и уникальная подвеска из захоронения 10.

Из погребений, изученных в 1967 г., следует отметить, что наиболее богатый инвентарь был в могилах 10 и 11. Могила 10, очевидно, была усыпальницей жрицы, о чем говорят богатство погребального инвентаря и его культовый характер (обилие амулетов, разнообразных бус, наличие специального мешочка или сумки для хранения культовых предметов).

Судя по расположению исследованной площади (примерно 200×150 м). Весьма важно и то, что в непосредственной близости к могильнику находится и поселение (около 0,5 м) с насыщенным культурным слоем. В. И. Маркопоселение датировал его XII—XIV вв.¹⁸ Но полное тождество керамических находок могильника и поселения позволяют думать, что оно одновременно могильнику, т. е. относится к V—VIII вв. Оба эти памятника распо-

¹⁸ В. И. Марковин. Материалы по археологии горной части Восточной Чечни. АЭС. Грозный, 1966, стр. 134—135; В. Б. Виноградов, В. И. Марковин. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966, стр. 36.

гаются у древней перевальной дороги, связывающей Чечню с Дагестаном (Аварией) через Андийский хребет. Близость их одновременным археологическим памятникам нагорного Дагестана и плоскостного Предкавказья заставляет вспомнить о тех тесных связях, которые существовали в раннем средневековье между аланами и царством «Серир». Связи эти, судя по сообщениям арабских авторов (Масуди, Ибн-Русте), осуществлялись через посредство горных районов нынешней Юго-Восточной Чечни (Ичкерни). Вполне возможно, что горский этнический коллектив, оставивший нам Харачоевские поселение и могильник V—VIII вв. н. э., непосредственно участвовал в установлении и поддержании этих контактов.

Дальнейшее исследование раннесредневековых памятников у Харачоя важно для освещения слабо изученного периода истории вайнахов и их ближайших соседей.

В. С. БОЧКАРЕВ

НОВЫЙ КЛАД ПРИКУБАНСКИХ БРОНЗ
ИЗ РОСТОВСКОЙ ОБЛ.

Летом 1963 г. житель поселка Самарского Ростовской области М. П. Королев при копке глины наткнулся на клад медно-бронзовых вещей. Вещи эти были своевременно собраны и переданы в областной музей. Тогда же заместитель директора Ростовского музея С. М. Марков и автор настоящей статьи обследовали место находки. Было установлено, что клад найден на глубине 1,5—2 м от современной поверхности, на правом высоком берегу р. Кагальник, на южной окраине поселка Самарского. Никаких остатков культурного слоя или следов погребения здесь обнаружено не было, лишь при шурфовке на месте находки был подобран еще один фрагмент серпа. Итак, всего в кладе оказалось 14 вещей: 9 топоров и их обломков, 4 фрагмента серпов и небольшой обломок медного слитка.

Топоры клада подразделяются на 3 типа. Первый из них представлен двумя целыми и двумя фрагментированными образцами (табл. 1, 7—10). Эти топоры имеют более или менее вислый обух, скошенный впереди, довольно узкое, слегка изогнутое тело и полукруглое лезвие. По деталям оформления тела и обуха топоры различаются между собой. Самый крупный топор первого типа имеет сильно развитую обушную часть с глубоким скосом впереди, слабо изогнутое тело и лезвие, скошенное назад (табл. 1, 7). У другого топора при почти таком же обухе — более узкое и изящное тело, которое переходит в полукруглое лезвие, равномерно расширяющееся в обе стороны (табл. 1, 10). Два фрагментированных топора имеют более простую форму и очень напоминают вислобушные топоры эпохи средней бронзы (табл. 1, 8, 9). У трех топоров первого типа обух смят с боков, так что проушина приобрела почти прямоугольные очертания, у четвертого топора проушина — круглая (табл. 1, 9).

Для топоров второго типа характерно наличие по сторонам втулки трех валиков и промежуточных между ними желобков (табл. 1, 4). Верхняя грань топора примерно посередине имеет заметный перегиб, что придает телу топора изогнутое очертание. Обух топора смят с боков и проушина приобрела прямоугольную конфигурацию. Возможно, ко второму типу относится и другой самарский топор, у которого отсутствует часть обуха. Проушина у этого топора была круглой (табл. 1, 5).

Третий тип представлен лишь одним массивным топором, который имеет короткое, широкое тело, поставленное под углом к обуху, и полукруглое слегка вытянутое назад лезвие. Верхняя грань топора при переходе от тела к обуху обрывается широким уступом. Обух топора ornamentирован валиками, но совсем в иной манере, чем у топоров второго типа. Проушина у этого топора — круглая (табл. 1, 6).

В состав Самарского клада входят еще четыре фрагмента от трех серпов. От одного из них сохранилась только рукояточная часть, к тому же

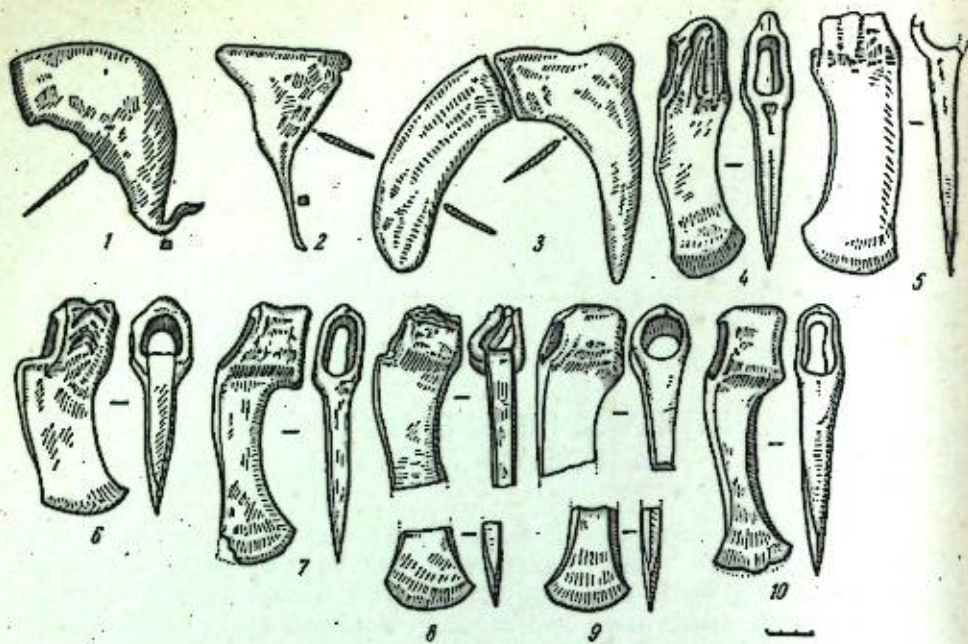

Рис. 1. Самарский клад¹

1-3 — серпы; 4-5 — топоры второго типа; 6 — топор третьего типа; 7-10 — топоры первого типа

сильно раскованная и приспособленная для вторичного использования в качестве сечки (?) (табл. 1, 2). От второго серпа сохранилось все, кроме стержня рукоятки. Он имеет сильно изогнутую спинку, но без резкого перегиба. На спинке сохранился не до конца удаленный литник (табл. 1, 3). У последнего, третьего серпа (табл. 1, 1) отсутствует часть лезвия, но тип можно представить достаточно четко: это серп с равномерно изогнутой спинкой (II группа по А. А. Иессену)¹. В целом описанные серпы близки к вариации прикубанских серпов, что и позволяет датировать Самарский клад эпохой поздней бронзы.

Наиболее полные аналогии самарские топоры находят в топорах Бериславского клада на Украине², а также в депортированной коллекции Краснодарского музея³. По мнению А. А. Иессена, эти топоры составляют среди прикубанских бронз архаичную группу, которая несколько предшествовала или развивалась параллельно топорам верхнекубанской группы⁴. Решение вопроса о возможной хронологической градации между обеими группами А. А. Иессен ставил в зависимость от выяснения их географического распространения. Сейчас, как и 20 лет назад, такой карты нет, что, однако, не помешало А. М. Лескову, который опирается на типологию серпов, удревнить комплексы с этими топорами. Анализируя серпы Бериславского и Коблевского кладов, А. М. Лесков пришел к выводу, что в типологическом и хронологическом отношении они занимают промежуточное положение между костромскими серпами и коленчатыми серпами из верхней Кубани⁵. Не вдаваясь в разбор схемы

¹ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, № 23, 1951, стр. 110, рис. 48.

² А. Добровольский. Бериславский скарб бронзовой доби. «Археологія», т. II. Київ, 1948, стр. 152—163, табл. 1.

³ А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 96—97 рис. 25, 26.

⁴ А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 106.

⁵ А. М. Лесков. О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы. «Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР». Киев, 1967, стр. 171.

А. М. Лескова, отметим, что действительно серпы Бериславского, Коблевского и Самарского кладов своеобразны. Наряду с серпами второй группы (по А. А. Иессену) среди них встречаются коленчатые серпы, что от верхнекубанских серпов. Это обстоятельство приобретает особое значение, поскольку дает возможность наметить две группы комплексов, отличных между собой как по набору топоров, так и серпов.

Конечно, предложенная группировка имеет только предварительный характер и требует проверки через новые комплексы. Вместе с тем следует иметь в виду, что ни один из двенадцати прикубанских кладов с серпами и топорами не дает сочетания типов обеих групп.

Что касается территориальных и хронологических взаимоотношений обеих групп, то этот вопрос по-прежнему остается открытым. Маловероятно только, что 1) обе группы синхронны и распространены на одной и той же территории; 2) комплексы с вислообушными топорами (I группа) моложе комплексов с верхнекубанскими топорами (II группа).

Остаются недоказанными еще две возможности: 1) обе группы распространены на одной и той же территории и разновременны; 2) группы распространены на разных территориях и синхронны; 3) обе группы распространены на разных территориях и разновременны или одновременны.

Ни одной из этих версий нельзя отдать предпочтение по типологическим соображениям, а других данных мы пока не имеем. Можно только предполагать, что хронологический разрыв между группами был небольшим, так как обе группы содержат близкие типы серпов, а вислообушные топоры имеют явные «кобанские» элементы⁶.

Самарский клад пополняет наши сведения и о характере северных связей прикубанского очага металлургии и металлообработки. Так же как и другие прикубанские клады эпохи поздней бронзы, найденные в северопричерноморских степях, он является кладом сырья. В эпоху средней бронзы и на рубеже бронзового и железного веков кавказский импорт в степи имел другой характер: ввозилась готовая продукция и полуфабрикаты, но не сырье.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ САМАРСКОГО КЛАДА

Самарский клад, представленный топорами (4 целых и 5 обломков), серпами (4 обломка) и одним слитком, имел общий вес 6 кг. По химическому составу все предметы (кроме слитка) представляли собой мышьяковистую бронзу, содержащую, кроме основного металла (меди), до 5% мышьяка (см. табл.). При этом различий в составах топоров и серпов не наблюдалось. По своей характеристике сплавы, из которых были выполнены предметы клада, были близки составу предметов так называемой северокавказской культуры, кубанской группы⁷.

Топоры по соотношению сурьмы, мышьяка и никеля в составе металла можно разбить на две группы. Первая группа — два топора (№ 1 и № 2 в таблице химического состава), которые отличались от остальных содержанием сурьмы (1 и 2%) и более высокой концентрацией никеля (0,4%). Топор подобного состава встречался среди предметов кубанской группы⁸. Остальные топоры (анализы № 3—9) вошли во вторую

⁶ А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 106.

⁷ Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы. МИА, № 132. М., 1966, стр. 40—50, 104—107.

⁸ Е. Н. Черных. Указ. соч., стр. 107, анализ № 116.

Шифр лабораторий	Наименование предмета, шифр или инвентарный №, рис.	Cu	Sa	Pb	Zn	Bi	Sb	As	Ag	Au	Ni	Co	Fe	In
1	Топор СК-63 $\frac{2}{7}$, 7	92	0,02	0,4	0,05	0,02	1	5	Следы	—	0,4	0,1	0,1	Следы
2	Топор СК-63 $\frac{5}{5}$, 5	93	0,02	0,2	0,05	0,01	2	4	Следы	—	0,4	—	0,02	Следы
3	Топор СК-63 $\frac{1}{1}$, 6	94	Следы	0,01	0,05	Следы	0,05	5	Следы	—	0,06	—	Следы	—
4	Топор СК-63 $\frac{3}{3}$, 4	99	Следы	0,02	0,01?	Следы	0,03	0,75	Следы	—	0,02	Следы	0,05	—
5	Топор СК-63 $\frac{4}{4}$, 10	96	Следы	0,05	0,01?	Следы	0,02	3	Следы	—	0,08	—	0,01	—
6	Обломок топора СК-63 $\frac{6}{6}$, 9	95	0,02	0,15	—	0,01	0,07	4	Следы	—	0,06	—	Следы	—
7	Обломок топора СК-63 $\frac{7}{7}$, 8	97	Следы	0,25	—	0,02	0,02	2	Следы	Следы	0,06	—	Следы	Следы
8	Обломок топора СК-63 $\frac{8}{8}$, 9	94	Следы	Следы	—	Следы	0,03	5	Следы	—	0,08	—	Следы	—
9	Обломок топора СК-63 $\frac{9}{9}$, 8	94	Следы	Следы	0,01?	Следы	0,07	5	Следы	—	0,06	—	Следы	—
10	Обломок серпа СК-63 $\frac{10}{10}$, 1	95	0,02	0,3	—	0,02	0,03	4	Следы	Следы	0,08	—	Следы	—
11	Обломок серпа СК-63 $\frac{12}{12}$, 2	95	Следы	0,05	—	0,02	0,07	4	Следы	Следы	0,1	—	Следы	—
12	Обломок серпа СК-63 $\frac{11}{11}$, 3	96	Следы	0,2	—	0,03	0,3	3	Следы	Следы	0,08	—	Следы	—
13	Обломок серпа СК-63 $\frac{13}{13}$, 3	96	0,05	0,3	—	0,03	0,3	3	Следы	Следы	0,1	—	Следы	—
14	Слиток СК-63 $\frac{14}{14}$	99	—	Следы	0,03	Следы	—	—	Следы	—	0,04	0,02	0,1	Следы

группу. Сурьма в металле этой группы содержалась в сотых долях процента, а никель количественно не превышал 0,1%. Среди проанализированных обломков топоров были два, принадлежащие обушной части (№ 6, 7), и два — лезвию (№ 8, 9). Оба обломка лезвий в равной степени могли принадлежать любому из двух обломков обушной части. Химическим составом эти обломки почти не отличались, а незначительное изменение в составе металла можно объяснить тем, что металл для анализа брался из диаметрально противоположных частей. Так, различие металла в меди. И если учесть, что отливка топоров производилась через более массивную обушную часть и что свинец тяжелее меди, то при заполнении литейной формы расплавленным металлом в первую очередь оформлялась лезвийная часть, обедненная свинцом, и затем уже обушная часть, в которую попадал свинец, сконцентрировавшийся в расплавленной меди в придонной части тигля.

Серпы. Четыре обломка серпов (анализы № 10—13) химически не отличались от состава топоров второй группы. Два обломка (№ 12 и 13) бесспорно относятся к одному серпу, так как по линии разлома они совпадают. Это подтверждается и полным совпадением химического состава. Таким образом, тринадцать металлических предметов Самарского клада принадлежат семи топорам и трем серпам.

Высокое содержание мышьяка в меди (до 5%) и общий характер распределения остальных примесей указывают на рудную базу Кавказа, а некоторые колебания в содержании мышьяка, сурьмы, никеля и других компонентов не могут изменить взгляда на источник.

Анализ слитка показал, что он состоит из чистой меди с незначительными примесями других элементов, в числе которых отсутствуют мышьяк (анализ № 14). Это обстоятельство может служить доказательством специального добавления мышьяка при выплавке металлических изделий исследованного клада.

Д. В. Наумов, С. С. Миняев

Х. Х. БИДЖНЕВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ У ИСТОКОВ КУБАНИ

Памятники материальной культуры карачаевцев XIV—XVIII вв. почти не подвергались археологическому изучению.

В 1969 г. горный отряд Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института приступил к изучению позднесредневековой материальной культуры карачаевцев. Отряд вел раскопки на левом берегу Кубани, против с. Карт-Джурт, на могильнике 1.

В центре могильника находятся три подземных склепа и десятки полусклепов, называемых карачаевцами «кешене». Последние имеют много общих черт с аналогичными сооружениями, распространенными у других народов Северного Кавказа. Как и в других районах края, они располагаются в горной зоне, обычно на древних кладбищах.

Карт-Джуртские склепы имеют форму прямоугольника. Размеры их такие: 3,4×3,85 м; 4,14×4,07 м. Высота стен от 1,25 до 2 м; толщина их от 0,5 до 0,7 м. Крыши двускатные, высотой от 1,5 до 1,8 м. Они имеют с восточной или с южной сторон окошки размером 0,54×0,8 м; 0,6×0,9 м. Сложены они регулярной кладкой на известковом растворе из отесанных камней; снаружи и внутри оштукатурены и выбелены.

Наибольший интерес представляет самый большой двухэтажный склеп, называемый местным населением «Гошаяк бийчени кешенеси», т. е. «склеп княгини Гошаяк». Это единственный склеп подобной конструкции на территории Карачая. По архитектуре он ничем не отличается от других склепов. В плане он имеет прямоугольную форму размерами 3,89×5,1 м; высота стен 2,46 м, толщина стен 0,68 м. На стыке стены с крышей имеется карниз. Первый этаж от второго отделяется двускатным перекрытием, сложенным из камней, которые держатся на деревянных балках. Второй этаж имеет форму узкой камеры. Длина камеры — 3,25 м, ширина — 0,85 м, высота — 1 м. К сожалению, расчистка камер находок не дала, за исключением истлевшего дерева и человеческих костей (рис. 1).

Относительно датировки данных склепов существует ряд мнений, по которым подобные усыпальницы датируются временем от XV в. до XVIII в.¹ По нашему мнению, в настоящее время нельзя установить точно нижнюю дату постройки склепов, а что же касается верхней даты,

можно уверенно сказать, что они сооружались до самого конца XVIII в., т. е. до принятия карачаевцами ислама. В пользу этого говорят резуль-
таты и наших раскопок. Дело в том, что склепы со всех сторон очень
плотно окружены обычными грунтовыми погребениями. В частности, на-
шим отрядом вскрыто три погребения у западной и южной стены двух-
этажного склепа. Они представляют собою грунтовые могилы, целиком
или частично заваленные булыжными камнями. Покойники лежали на
глубине 1—1,5 м, вытянуто на спине, головами на запад, в деревянных
гробах. Положение рук погребенных неустойчиво: кисти рук скрещены
и лежат на тазовых костях, или правая вытянута, а кисть левой руки
лежит у тазовых костей. Могильный инвентарь составляют: железный
нож, серебряная пластинка, точильный брусок, серебряный браслет и
кусочек парчевой ткани. В инвентаре точно датирующих предметов нет.
Но здесь важно то, что покойники лежали на спине в деревянных гробах
и сопровождалась инвентарем, т. е. они погребены не по мусульманскому
обряду, а по языческому. Следовательно, эти могилы сооружены до конца
XVIII в., ибо ислам, который начал проникать в Карачай еще раньше,

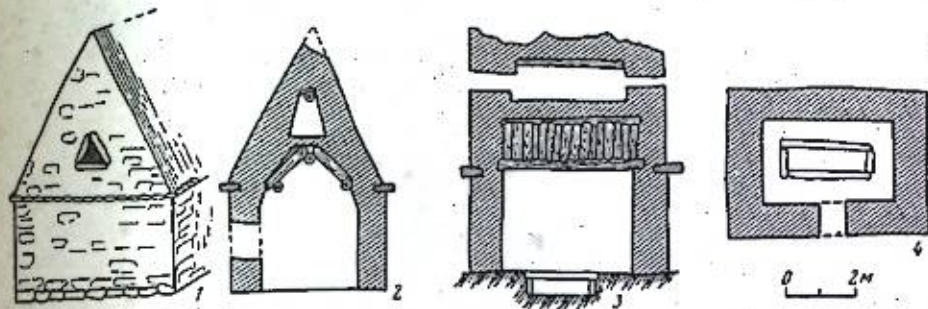

Рис. 1. Двухэтажный склеп у с. Карт-Джурт

1 — вид восточной стены; 2 — поперечный разрез; 3 — продольный разрез; 4 — план

к концу XVIII в. вытеснил все другие верования и стал господствующей религией. Об этом говорят письменные источники и предания. Так, если Шарден в 1672—1673 гг. утверждал о верованиях карачаевцев и ряда других народов Кавказа, что они «не имеют понятия ни о сущности религии, ни об ее обрядах и не соблюдают никаких законов»², то И. А. Гильденштедт в 1773 г. писал уже о карачаевцах, что «они с принятием ислама постепенно становятся мухамеданами, но не имеют ни мечетей, ни мулл»³.

А в 1808 г. Ю. Клапрот писал уже об окончательной победе ислама в Карачае и Балкарии⁴.

Таким образом, домусульманские погребения, окружающие склепы, возникли, судя по инвентарю и по данным письменных источников, в XVII—XVIII вв. Следовательно, можно утверждать, что склепы были построены до совершения описанных грунтовых захоронений. Допустить, что склепы построены после них, невозможно, ибо в таком тесном окружении вряд ли можно было соорудить склеп, не разрушив могилы. В пользу того, что склепы возникли здесь до появления ислама, говорит и то,

¹ Х. О. Лайпанов. К вопросу происхождения карачаевцев и балкарцев. Сб. «О происхождении балкарцев и карачаевцев». Нальчик, 1960, стр. 78; Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. Черкесск, 1963, стр. 49; И. М. Мизиев. Средневековая материальная культура Балкарии и Карачая. XII—XVII вв., стр. 197 (диссертация). Архив Института археологии АН СССР, р. 2, л. 1991; А. И. Лавров. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. «Кавказский этнографический сборник», вып. IV, М., 1969, стр. 115.

² Шарден Жан. Путешествие кавалера Шардена по Закавказью в 1672—1673 гг. «Кавказский вестник истории», 1900, стр. 99—100.

³ И. А. Гильденштедт. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809, кн. VIII, стр. 384.

⁴ U. Klapproth. Reise in den Kaukasus und nach Georgien, B. 1. Halle und Berlin, 1812, s. 512.

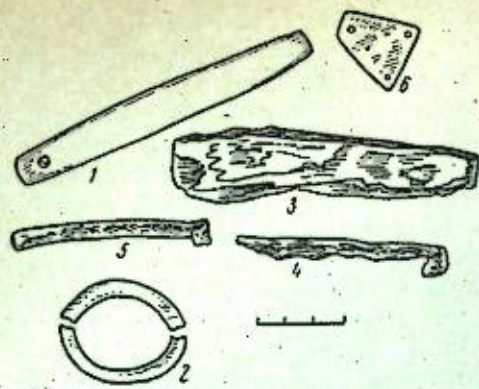

Рис. 2. Находки из Карт-Джуртского могильника у левой стороны Кубани

1 — брусок; 2 — браслет; 3 — нож; 4—5 — железные гвозди; 6 — серебряная пластинка (погребение 2)

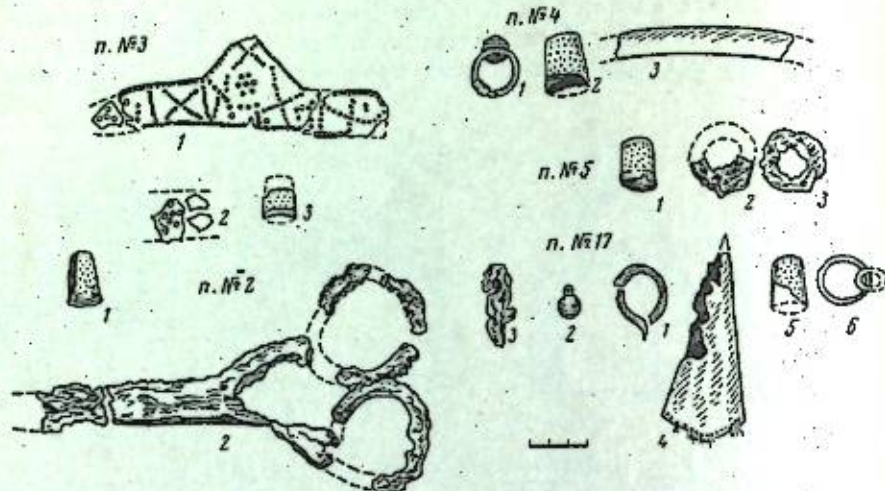

Рис. 3. Находки из могильника XV—XVII вв. у южной окраины с. Карт-Джурт

1 — наперсток; 2 — ножницы (погребение 2); 1 — диадема; 2 — фрагменты серебряной пластинки; 3 — наперсток (погребение 3); 1 — перстень; 2 — наперсток; 3 — пластинка (погребение 4); 1 — наперсток; 2 — пряжка; 3 — железное кольцо (погребение 5); 1 — серебряная серьга; 2 — бубенчик; 3 — железный предмет; 4 — пластинка; 5 — наперсток; 6 — кольцо (погребение 17)

что покойники в них лежали в деревянных гробах⁵, являющихся не характерными для мусульманского обряда погребения.

Значительно больший интерес представляет другой могильник (№ 2), расположенный на южной окраине селения Карт-Джурт. Он состоит из грунтовых могил, целиком или частично заваленных булыжными камнями. По форме наземных признаков они делятся на три группы. Погребения первой и второй групп обозначены на поверхности овальными или прямоугольными выкладками из крупных камней. В третью группу входят могилы с курганообразными возвышенностями, состоящими из камней различного размера.

В могильнике 2 вскрыто 18 погребений. Погребенные лежали на спине вытянуто, головой на запад, положение рук неустойчивое. Все костяки покоятся в деревянных колодах, закрепленных железными скобами. В большинстве могил встречается древесный уголь; чаще всего он находится в изголовье и у ног, а в отдельных случаях и по всей могиле, в виде подстилки.

При мужских костяках найдены ножи, а в женских могилах — медные наперстки, серебряная серьга, бронзовые и серебряные пластинки, диадема, кольца, пряжка, железное кольцо, ножницы, фрагмент женского головного убора «окъа берк», куски парчевой ткани, кожа и т. д.

⁵ «Материалы по археологии Кавказа», вып. IX. М., стр. 154.

Рис. 4. Вид булыжников, которыми завалены погребения

Особый интерес представляют в этом могильнике погребения 3, 17. На характеристике их мы остановимся подробнее.

Погребение 3. В плане могила имела прямоугольную форму и была обложена вокруг крупными камнями. Длина ее — 3 м, ширина — 1,8 м. Могильная яма до глубины 85 см (до колоды) была завалена камнями. Костяк, лежавший в колоде на спине, головой на запад, с вытянутыми руками, сохранился плохо. В изголовье и у ног костяка хорошо прослеживался древесный уголь.

В могиле найдены три пластинки и кусочек парчевой ткани. Большой интерес представляет одна из пластинок (диадема), украшенная орнаментом из штампованных точек, образующих ломаные и пересекающиеся линии. На обоих концах имеется два отверстия, посредством которых диадема пришивалась к женскому головному убору «окъа берк», широко бытовавшему в Карачае и Балкарии вплоть до начала XX в. (рис. 3, 1).

Погребение 17. Могила отличалась такой же овальной формой (длина 2,5 м, ширина 1,6 м) и была завалена булыжными камнями. Костяк находился в деревянной колоде. Судя по сохранившимся костям, он лежал на спине. В северной стороне от черепа найдена бронзовая пластинка (рис. 3, 4). Она также, видимо, от женского головного убора. На одном конце она имеет множество отверстий, посредством которых она пришивалась к головному убору.

У правой ключицы найден наперсток, в области пояса кольцо и бронзовая застежка — бубенчик и железный предмет неизвестного назначения. Наиболее ценной находкой в этой могиле является серебряная серьга, обнаруженная в области черепа. Конец серьги обломан (рис. 3, п. 17, 1).

Описанный могильник 2 на южной окраине Карт-Джурта Е. П. Алексеева на основе аналогии с инвентарем игушских и осетинских склепов датировала XVII—XVIII вв.⁶ Нам представляется, что анализ инвентаря из погребений позволяет дать иную датировку. Инвентарь этого памятника имеет много общего с находками в памятниках Северного Кавказа несколько более раннего времени. Укажем, что наиболее близкие вещи найдены И. М. Мизневым в балкарских погребениях, с которыми карачаевцы связаны не только общностью происхождения, языка, но и единством материальной и духовной культуры. Серебряные пластинки:

⁶ Е. П. Алексеева. Указ. соч., стр. 48.

и диадемы, аналогичные карт-джуртским, найдены И. М. Мизиевым в Ташлы-Талинском могильнике XIV—XVIII вв.⁷ Как было отмечено, в погребении 17 обнаружена серебряная серьга (рис. 3, 1), конец которой обломлен. Судя по форме, серьга относится к типу серег в виде вопросительного знака с виноградной гроздью на конце. Аналогичные серьги довольно хорошо известны из памятников Северного Кавказа. Они найдены И. М. Мизиевым в Курноятском могильнике XIII—XIV вв.⁸, В. А. Кузнецовым в Архызском могильнике XI—XIV вв.⁹ и В. И. Марковичем в погребениях Чечено-Ингушетии, датируемых золотоордынскими монетами XIV в.¹⁰

Наиболее близкими карт-джуртским погребениям памятниками по обряду захоронения являются Курноятский могильник XIII—XVI вв.¹¹ и Ново-Кувинский могильник XIII—XV вв., исследованный Т. И. Минаевой¹². В этих могильниках, как и в Карт-Джуртском, покойники лежат вытянуто на спине, головами на запад, положение рук неустойчивое.

На основании приведенных данных аналогий Карт-Джуртский могильник может быть датирован XV—XVIII вв., с допуском, что здесь могут быть погребения и XIV в.

⁷ И. М. Мизиев. Указ. соч., рис. 61, 1; 89, 1; 114, 1.

⁸ Там же, стр. 28.

⁹ В. А. Кузнецов. Археологические исследования в верховьях Кубани. КСИА, 1963, стр. 87, рис. 26, 12, 13.

¹⁰ В. И. Маркович. Пещеры — родовые усыпальницы в Шатоевской котловине. КСИА, № 86, 1961.

¹¹ И. М. Мизиев. Указ. соч.

¹² Т. И. Минаева. Археологические памятники Черкессии. Тр. ЧНИИ, вып. 2. Черкесск, 1954, стр. 291—296.

Г. А. БРЫКИНА

ЗООМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ КЕРАМИКЕ ФЕРГАНЫ

В огромном многообразии орнаментальных сюжетов средневековой керамики Средней Азии X—XII вв. особое место принадлежит зооморфным изображениям.

Поливная и неполивная посуда с изображениями животных обнаружена в Средней Азии почти повсеместно. По количеству находок первое место принадлежит Мерву, где найдены не только сосуды, но и формы, использовавшиеся для изготовления штампованной посуды с зооморфными сюжетами¹. Затем следуют находки из средневековых памятников Хорезма² и Семиречья³, а также из Самарканда⁴.

Фергана, где традиция изображения животных на керамике имеет глубокую древность, не стоит в этом плане изолированно⁵. Нам известны сосуды с реалистичными и стилизованными изображениями живых существ из 7 пунктов Ферганы. Причем из Карабулака происходят семь предметов, из Андижана — 1, из Хилля-Арика (близ Андижана) — 1, из Узгена — 3⁶, из Ана Кызыла — 2, Кызыл-Октябрь — 1⁷.

В Куве, по сообщению И. Ахрарова, также находили посуду с изображениями птиц, животных и даже человека⁸.

Ферганскую керамику с зооморфными изображениями можно разделить по способу исполнения на три группы: 1) керамика с рисованными изображениями (роспись, гравировка); керамика с изображениями,

¹ С. Б. Лунина. Зооморфные сюжеты в керамике со штампованной орнаментацией из гончарной мастерской XII—начала XIII в. в квартале керамистов Старого Мерва. ТТГУ, вып. 172. Ташкент, 1960; она же. Гончарное производство в Мерве X—начала XIII в. (по материалам раскопок в западной части рабада). ТЮТАКЭ, т. X. Ашхабад, 1962.

² Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). ТХАЭЭ, т. IV. М., 1959.

³ А. Н. Бернштам. Чуйская долина. МИА, № 14. М., 1950.

⁴ Ш. С. Ташходжаев. Художественная поливная керамика Самарканда. Ташкент, 1967.

⁵ Сосуды с изображениями баранов на ручках найдены на ряде памятников первых вв. н. э.: Гайрат-тепе (см.: В. И. Коленкова. Гайрат-тепе. СА, 1964, № 3, стр. 232), и. э.: в могильнике Тура-Таш (в кн.: Ю. А. Баруздин, Г. А. Брыкина. Археологические памятники Баткена и Ляйляка, Фрунзе, 1962, стр. 21, рис. 4). На поселениях в Керкидонском оазисе, на Аштских поселениях (см.: Е. Д. Салтовская. Раскопки на Тудан-Калон в 1961 г. АРТ, вып. IX. Душанбе, 1964). Исследователи склонны связывать распространение подобной посуды с влиянием, которое Фергана претерпевала со стороны населения средней Сырдарьи.

⁶ Ю. А. Заднепровский. Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 г. Тр. КАЭЭ, т. IV. М., 1960.

⁷ Городище расположено на левом берегу р. Яссы, в 12 км к ю-з от Узгена. Раскопки проводились Ю. А. Заднепровским в 1964 г.

⁸ И. Ахраров. Керамика Ферганы IX—XII вв. Автореферат. Ташкент, 1966.

выполненными штампом; 3) керамика со скульптурными изображениями (налепы, сливы и сосуды в форме животных).

К первой группе относятся два блюда с изображениями фазанов. Одно из них (плоское с невысоким бортиком) найдено в Карабулаке, в слое, хорошо датированном монетами и всем комплексом находок второй половиной XII в.⁹ Изображение фазана занимает все дно сосуда и выполнено в обычной для карабулакской керамики манере: контур рисунка дан гравировкой, которая подчеркнута пятнистой росписью. Гравировкой и пятнистой росписью прорисованы перья и крыло. Глаз изображен точкой, оконтуренной черной линией. Длинный утоньшенный к концу хвост изогнут. Фазан изображен в плавном медленном движении (рис. 1, 1).

Другое изображение фазана на дне блюда выполнено росписью¹⁰. Контур рисунка дан черной краской. Черной же краской обозначен глаз.

Рис. 1. Зооморфные изображения на керамике

1 — блюдо из Карабулака с изображением фазана; 2 — дно блюда из Андижана

от которого длинная полоса отходит к шее, рассеченной двумя близко расположенными параллельными линиями. Утолщенный клюв изображен двумя неправильными овалами. На голове высокий утоньшенный кверху хохолок. Левое крыло изображено контуром и подчеркнута точками. Нога передана очень схематично (рис. 1, 2).

Вторая группа представлена четырьмя предметами, происходящими из Карабулака. Один из них является частью тонкостенной пластины, а три — пятками светильников. Пластина выпуклыми бороздками разбита на квадраты, заполненные изображениями идущих животных кошачьей породы (рис. 2, 1).

На пятке одного из светильников изображен бегущий заяц. Его голова с открытым ртом слегка откинута назад. Длинные уши почти параллельны туловищу, задняя часть которого и ноги трактованы неясно.

⁹ Описание раскопок см. в работах: Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Указ. соч.; Г. А. Брыкина. Раскопки на Карабулакском городище в 1961—1962 гг. КСИА, вып. 98, М., 1964.

¹⁰ Найдено в Андижане при строительных работах с материалом XI—XII вв. Хранится в Андижанском областном краеведческом музее.

Очевидно, передние ноги вытянуты вперед, а задние — назад, как это бывает при беге (рис. 2, 2)¹¹.

На пятке другого светильника очень схематично изображены две уточки, идущие в разные стороны. Верхнюю часть пятки занимают вписанные друг в друга четырехугольники с разомкнутыми концами. Нижняя часть внешнего четырехугольника вытянута, образуя петлю, разделяющую птиц (рис. 2, 3). На третьем предмете изображен идущий фазан с длинной изогнутой шеей и раскрытыми крыльями. Над птицей и по обеим сторонам расположены цветущие побеги. Фазан как бы пробирается сквозь их заросли (рис. 2, 4).

К третьей группе относятся восемь сливов и один целый сосуд в форме утки. Прием трактовки сливов сосудов в виде голов животных — явление, широко распространенное в керамической продукции Средней Азии. Чаще всего он отмечен на сосудах-водолеях. В Карабулаке найдены два слива,

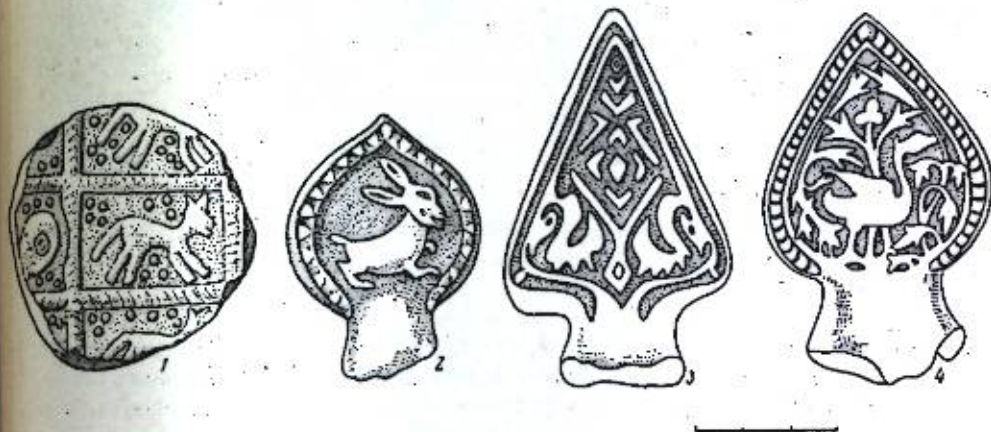

Рис. 2. Зооморфные изображения на керамике

1 — пластина керамическая с изображением животного кошачьей породы; 2 — пятка светильника с изображением зайца; 3 — пятка светильника с изображением двух птиц; 4 — пятка светильника с изображением фазана

очень схематично передающие изображения головы быка. Один из них принадлежал водолею. Он имеет вытянутую вверх и слегка утоньшенную к концу трубку, имитирующую морду быка (рис. 3, 1). Второй слив, судя по тесту, из которого изготовлен сосуд, был на котле открытой формы. Слив имеет форму цилиндрической трубки, слегка уплощенной сверху. По обеим сторонам к ней прикреплены полукруглые налепы со сквозными отверстиями, имитирующие уши. Глаза и нос трактованы круглыми отверстиями одинакового диаметра (рис. 3, 2).

Два других слива от водолеев происходят из Ана-Кызыла. Один из них, видимо, имитировал голову собаки. Цилиндрическая трубка — горло — в верхней части сплющено и завершается треугольными выступами, изображающими уши. Сам слив не сохранился (рис. 3, 3). На Кызыл-Октябрьском городище найден слив, довольно реалистично имити-

¹¹ Помимо Карабулака изображения зайцев есть на поливных блюдах из Ирана (SPA, London—New York, v. V, 1938, табл. 598, 718). В Мерве изображения зайцев отмечены не только на готовых изделиях, но и на формах, в которых штамповались сосуды (С. Б. Лунина. Зооморфные сюжеты... стр. 92). Из Данданакана происходит сосуд с семнадцатью бегущими зайцами (Е. Атагарриса. Немеркнущая красота. ПТ, вып. 2. Ашхабад, 1966, стр. 26).

Не пытаюсь решать сложный и довольно запутанный вопрос о зооморфных сюжетах в средневековом изобразительном искусстве, отмечу только, что мне представляется убедительной та связь, которую устанавливает Г. П. Снесарев между изображениями животных домусульманской Средней Азии и современными религиозными верованиями.

Г. П. Снесарев отмечает, что среди изображений на сосудах и в терракоте фигурируют те животные и птицы, с которыми у современных народов Средней Азии связаны всевозможные религиозные представления²⁶.

Видимо, и изображения живых существ на керамике X—XII вв. следует связывать с реликтами домусульманских религиозных представлений у средневекового населения Средней Азии.

III. ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

К. Х. КУШНАРЕВА

АРХЕОЛОГИЯ АРМЕНИИ

(обзор литературы, вышедшей в Армении с 1943 по 1970 г.)

РАЗДЕЛ I — ОТ КАМЕННОГО ВЕКА ДО УРАРТСКОГО ПЕРИОДА

Археологическое изучение Армении имеет более чем столетнюю историю. Вместе с тем планомерное исследование далекого прошлого страны, пришедшее на смену случайным раскопкам любителей древностей, началось лишь со времени установления Советской власти в республике¹. Открытые вскоре же первые государственные и научные учреждения — Исторический музей (1921 г.) и Комитет по охране археологических памятников (1923 г.)² — взяли на себя организацию систематического и планомерного изучения древней и средневековой истории Армении. Важным центром проведения археологических работ в республике явился сектор археологии Института истории учрежденной в 1943 г. Академии наук Арм. ССР, выделившийся в 1959 г. в специальный институт археологии и этнографии³. Подавляющее большинство исследований по археологии выпускает издательство Академии наук⁴, имеющее в области общественных наук следующие периодические издания — ежемесячный журнал «Известия АН Арм. ССР», который с 1966 г. выходит под названием «Вестник АН Арм. ССР», и ежеквартальный «Историко-филологический журнал» (с 1958 г.). Археологическая жизнь республики получает постоянное освещение в статьях хроникального характера, регулярно появляющихся на страницах периодической печати Армении⁵.

¹ К. Г. Кафадарян. Археологические работы в Армении после установления Советской власти. Тр. ГИМ, т. I. Ереван, 1948, стр. 9—65 (на арм. яз.); он же. Археологические работы в Армении за годы Советской власти. ИФЖ, 1970, № 3, стр. 3—19 (на арм. яз.); Б. Н. Аракелян, А. А. Мартиросян. Археологическое изучение Армении за годы Советской власти. СА, 1967, № 4, стр. 26—47.

² См.: ИФЖ, 1962, № 2, стр. 207—215 (на арм. яз.); ИФЖ, 1969, № 3, стр. 280—283 (на арм. яз.).

³ ИФЖ, 1959, № 2—3, стр. 398 (на арм. яз.); ИФЖ, 1970, № 1, стр. 250—253 (на арм. яз.).

⁴ ИФЖ, 1961, № 1, стр. 208—212 (на арм. яз.).

⁵ Изв. АН Арм. ССР, 1957, № 1, стр. 107—126; 1957, № 5, стр. 129—133 (на арм. яз.); 1958, № 8, стр. 96—107 (на арм. яз.); № 9, стр. 99—102 (на арм. яз.); 1962, № 2, стр. 85—86 (на арм. яз.); ИФЖ, 1960, № 2, стр. 220—224 (на арм. яз.); ИФЖ, 1961, № 3—4, стр. 351—361 (на арм. яз.); 1960, № 2, стр. 225—227 (на арм. яз.); 1964, № 1, стр. 283—288 (на арм. яз.); 1962, № 2, стр. 73—80 (на арм. яз.); 1964, № 4, стр. 264—265 (на арм. яз.); 1965, № 1, стр. 125—136 (на арм. яз.); 1965, стр. 330—332 (на арм. яз.).

Предлагаемая статья представляет собой обзор археологической литературы в изданиях АН Арм. ССР, т. е. начиная с 1943 г. до настоящего времени⁶. Изложение ведется в хронологической последовательности, работы же, посвященные разновременным памятникам, выделены в особую группу.

Дореволюционный, почти 50-летний период изучения памятников каменного века Кавказа, отмеченный в Армении открытиями Жаком Морганом ряда стоянок на склонах горы Арагац, оказался мало результативным. Сведения о нижнем палеолите отсутствовали полностью. Совершенно иную картину в этом плане представляет следующее пятидесятилетие. Достаточно сказать, что за этот период на Кавказе в целом открыто свыше 220 пунктов нижнего палеолита, что составляет более половины известных сегодня в СССР памятников этого времени⁷.

Первые поиски палеолита в Армении начались в 30-е годы; с ними связано имя геолога А. П. Демехина, открывшего ряд интересных местонахождений. Особенно интенсивные работы по изучению каменного века развернулись в 40-х годах. Благодаря сборам А. П. Демехина, а также обследованиям С. Н. Замятина и М. З. Паничкиной были открыты такие получившие всеобщую известность стоянки и мастерские нижнего палеолита, как Сатани-дар, Артин, Арзни, Аширабад и более поздние — Нурнус и др. Подробные описания памятников мы находим в серии статей упомянутых исследователей⁸. Ряд важных местонахождений нижнего палеолита (Сатани-дар, Артин, Еркара-блур, Арзни) был зарегистрирован в 40-х и 50-х годах С. А. Сардаряном. Результаты его работ изложены в двух монографиях⁹, не лишенных, к сожалению, больших недостатков и подвергшихся вследствие этого серьезной критике в печати¹⁰.

Исследования по палеолиту Армении были пополнены сборами отряда Кавказской экспедиции Института географии АН СССР, участниками которой, В. П. Любиным и С. И. Бальяном, в 1958 г. были открыты и геологически обоснованы такие памятники каменного века, как верхнеашельская мастерская Джрабер, местонахождения Кайлик, Верин Талий, Кекдураси и др.¹¹ Позднеашельским или мустьерским временем датируется стоянка Гилик в Ноемберянском районе¹². Примерно в эти же годы геологическую интерпретацию получила группа важных находок Ленинанканской котловины¹³.

⁶ В случае необходимости по ходу изложения будут упомянуты также работы, вышедшие в других издательствах.

⁷ В. П. Любин. Изучение нижнего палеолита Кавказа. КСИА, вып. 118, 1969, стр. 13—19; он же. Ранний палеолит Кавказа. «Природа и развитие первобытного общества». Москва, 1969, стр. 154—168.

⁸ С. Н. Замятин. Находки нижнего палеолита в Армении. Изв. АН Арм. ССР, 1947, № 1, стр. 55—60; М. З. Паничкина. Находки каменных орудий на Арагаце. Изв. АН Арм. ССР, 1946, № 5; она же. К вопросу о верхнем палеолите в Армении. Изв. АН Арм. ССР, 1948, № 7, стр. 67—79; она же. Палеолит Армении. Л., 1950; А. П. Демехин. Арзни. Гидрологический очерк. «Вопросы геологии и гидрогеологии Арм. ССР». Изв. Арм. ССР. Ереван, 1956.

⁹ С. А. Сардарян. Палеолит в Армении. Ереван, 1954; он же. Первобытное общество в Армении. Ереван, 1967, стр. 7—93 (на арм. яз. и англ. резюме).

¹⁰ А. А. Формозов (рец.). СА, XXVII, 1957, стр. 307—309; А. А. Мартиросян, Р. М. Мунчаев (рец.). Сардарян. Первобытное общество в Армении. Ереван, 1967. СА, 1968, № 3, стр. 155—162; С. К. Междумян. О некотором методе использования палеозоологического материала в книге С. А. Сардаряна «Первобытное общество в Армении». — «Биологический журнал Армении», т. XXI, № 3, 1968, стр. 99.

¹¹ В. П. Любин, С. П. Бальян. Новые находки культуры палеолита на вулканическом нагорье Армянской ССР. ДАН Арм. ССР, 1961, т. 33.

¹² Л. А. Барсемян. Палеолитическая стоянка на севере Армении. ИФЖ, 1959, № 3, стр. 396—398 (на арм. яз.); Б. Г. Ерицян. Открытие новых палеолитических стоянок в Ноемберянском районе. ВАН Арм. ССР, 1970, № 5, стр. 84—90 (на арм. яз.).

¹³ А. Т. Асланян. Об открытии нижнего палеолита в Ленинанканской котловине и его геологическом значении. Изв. АН Арм. ССР. Ереван, 1956.

Позднее, в 1967 г., Академией наук Арм. ССР была организована специальная комплексная экспедиция с целью систематического изучения каменного века в республике; в ней помимо археологов работают геологи, биологи, палеонтологи. Такое содружество уже принесло серьезные успехи; экспедицией около Еревана открыто новое Ераблурское местонахождение мустьерского времени¹⁴. С самого начала предпринимались поиски пещерных стоянок, где в отличие от известных прежде местонахождений открытого типа культурные остатки древнего человека сохраняются, как правило, в непотревоженном виде. Разведки увенчались успехом, в результате открыты пещеры «Ереван I» и «Ереван II», опубликованные пока предварительно, а также стоянки Гилик и Ацунт в Ноемберянском районе¹⁵.

Изучение памятников каменного века в Армении позволяет археологам подвести важные итоги. Так, обилие памятников и их древность говорят о том, что Кавказ в целом с его благоприятными климатическими условиями надо рассматривать как древнейший центр расселения раннего человечества на территории СССР; заселение же этой области, приуроченное специалистами к ашельскому времени, происходило, по-видимому, с юга, со стороны исходной территории становления и обитания первобытного человека. Эти выводы в полной мере относятся к Армении.

Современный уровень знаний по палеолиту Армении дает основание для реконструкции характера последовательного развития ее древнейшей культуры, а также позволяет обрисовать место последней в ряду синхронных культур смежных территорий¹⁶.

Неолитические памятники, известные ранее лишь по небольшим сборам О. Потапова в районе Эчмиадзина, значительно пополнились в послевоенные годы. Сначала разведки С. А. Сардаряна на западном склоне г. Арагац, а позднее открытие С. Н. Замятиним и М. З. Паничкиной крупной мастерской раннеолитического времени у горы Богутлу явились существенным материалом для суждения о специфике этого периода в Армении. Как правило, стоянки располагались в районах палеолитических местонахождений, продолжая тем самым традицию предшествующей культуры. Серия стоянок, открытая позднее С. А. Сардаряном в юго-западной части горы Арагац (Артин) и в Араратской равнине (Кхзьяк-блур, Маштоц-блур и др.), опубликована в его книге «Первобытное общество в Армении»¹⁷. Однако интерпретация последних как неолитических представляется слабо обоснованной. Такие стоянки, как Маштоц-блур, Кхзьяк-блур, Тертери-дзор и др., с их светлой с налепными украшениями керамикой, тяготеющей к широкой по ареалу южнокавказской группе керамических изделий, сопровождаемых в поселениях уже первыми медными поделками, скорее укладываются в рамки энеолита и могут быть датированы V—IV тыс. В целом исследование неолита, как наиболее слабо известного на этой территории периода, остается первоочередной проблемой, стоящей перед археологами Армении.

Еще сравнительно недавно поселения и могильник так называемой куро-аракской культуры III тыс. до н. э., получившей широкую извест-

¹⁴ К. И. Карапетян, Б. Г. Ерицян. Новое Ераблурское мустьерское местонахождение в Армении. ИФЖ, 1969, № 2, стр. 171—176.

¹⁵ Б. Г. Ерицян. Указ. соч.; он же. Новая палеолитическая пещерная стоянка Ереван II. «Археологические открытия 1969 г.». М., 1970, стр. 385; А. А. Мартиросян. Археологические открытия в Армении. «Археологические открытия 1967 г.». М., 1968, стр. 312; он же. Новые памятники первобытной культуры Армении. ИФЖ, 1969, № 3, стр. 191—208 (на арм. яз.).

¹⁶ В. П. Любин. Палеолит Турции и проблема раннего расселения человечества. СА, XXVII, 1957, стр. 71—91.

¹⁷ С. А. Сардарян. Первобытное общество в Армении, стр. 123—158.

ность благодаря исследованиям Б. А. Куфтина, считались принадлежащими наиболее ранней на Южном Кавказе оседло-земледельческой культуре поры энеолита. Обнаружение под «куро-аракскими» слоями некоторых южнокавказских поселений мощных отложений предшествующего периода со стационарными домами и явными признаками металла явилось сигналом к усиленному поиску на территории трех закавказских республик собственно энеолитических памятников. В Армении они обнаружены уже в достаточном количестве, хотя раскопкам подверглась пока лишь незначительная часть. Зарегистрированные поселения локализируются в пределах Араратской равнины. Это преимущественно искусственные холмы-тепе, образовавшиеся в результате длительной хозяйственной деятельности человека. Энеолитические слои оказываются здесь иногда перекрытыми наслоениями позднейших эпох. Группа таких поселений зафиксирована в районе Эчмиадзина; это Техут, Махал-тапа, Хатунарх, нижние слои Кюль-тапы (арм. Мохраблур). Изученное на значительной площади Техутское поселение, исследованное и изданное Р. М. Торосяном, дало картину длительной оседлости его обитателей¹⁸. Здесь строились крупные дома-полужемлянки из сырцового кирпича с очагами и хозяйственными пристройками. Мотивы из кости, зернотерки, серпы документируют высокий уровень развития земледелия. Скотоводство и подсобная охота также играли существенную роль в хозяйстве. Разнообразная в том числе и привозная расписная посуда, находящаяся в прямых параллелях в керамике халафско-обейдского круга, а также общий облик культуры, выявленной этими комплексами, указывают на тяготение южноармянских памятников к высокоразвитым культурам Переднего Востока¹⁹. Это подтверждается и находками первых изделий из металла. Эчмиадзинские поселения не одиноки. Бесспорно к этому же историческому пласту должны быть отнесены древний (1) слой известного еще по раскопкам Е. А. Байбуртяна Шенгавитского поселения, поселения Маштоц-блур, Кхзьяк-блур, Тертери-дзор и др.²⁰

Целевые поиски последних лет энеолита на Южном Кавказе позволяют говорить о наличии его следов фактически повсюду. Поселения этого времени известны в Азербайджане, в Грузии, а южнее — в Северо-Западном Иране и в Восточной Анатолии. В целом они представляют достаточно развитую ступень оседлоземледельческой культуры с использованием примитивного орошения, зачатками металлургии, домашних промыслов и широкими контактами и связями с переднеазиатским миром²¹. А. А. Мартиросян эту культуру этнически связывает с хуррито-субарскими племенами²².

Период ранней бронзы в Армении представлен значительно большим количеством памятников; число их доходит в настоящее время до сотни. Известные еще по довоенным раскопкам Е. А. Байбуртяна в Шенгавите²³ и Е. А. Лалаяна в Эларе, они до определенного времени не находили своего правильного культурно-хронологического места. Исследованием этого периода в Армении вот уже много лет подряд занимается Э. В. Ханзадян. Его опубликована серия работ, посвященных таким памятникам,

¹⁸ Р. М. Торосян. Раскопки Техутского поселения. ИФЖ, 1968, № 1. Ереван, стр. 291 (на арм. яз.).

¹⁹ А. А. Мартиросян и Р. М. Торосян. К вопросу об интерпретации энеолитической культуры Армении. ВОН АН Арм. ССР, Ереван, 1967, № 3, стр. 52—63 (на арм. яз.); Р. М. Торосян, И. Р. Селимханов. К определению «энеолита» Закавказья по данным анализа металлических предметов. ИФЖ, 1966, № 1. Ереван.

²⁰ С. А. Сардарян. Первобытное общество в Армении, стр. 138.

²¹ К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили. Древние культуры Южного Кавказа V—III тыс. до н. э. А., 1970, стр. 21—59 (рис. 1, карта).

²² А. А. Мартиросян. Новые памятники...

²³ Б. Б. Пиотровский. Поселения медного века в Армении. СА, XI, 1949, стр. 171—185.

как поселения Гарни, Коси-Чотер, Аревик²⁴, а также дважды предприняты успешные попытки монографического осмысления известного материала в масштабе всего Армянского нагорья²⁵. Здесь, помимо публикаций свежих материалов, автор специально останавливается на таких разделах, как гончарство, керамика, металлургия, ткачество, хозяйство, а также дает характеристику культуры ранней бронзы в целом. К сожалению, материалы узлового многослойного поселения Араратской равнины — Шенгавитского, изданные С. А. Сардаряном, отражены в его книге весьма суммарно²⁶. Тем не менее характер материальной культуры этого памятника может быть все же прослежен в динамике, в отличие от однослойных недолговечных поселений. Антрополог Т. Азиян, исследовавший черепа Шенгавитского могильника, приходит к выводу, что они дольхокраниые и принадлежат к смягченному европеоидному типу²⁷.

Опубликованные материалы уже позволяют выявить некоторые закономерности. Так, поселения периода ранней бронзы занимали удобные места, недалеко от воды — на небольших холмах, мысах и террасах рек. Часть из них обосновалась на местах старых энеолитических поселков (Шенгавит, Джраховит, Мохраблур). По всей Армении зафиксированы десятки поселений — больших и малых, часто окруженных оборонительными стенами, с круглыми лепящимися друг к другу домами. Большая их концентрация наблюдается в плодороднейшей Араратской равнине, где число поселений доходит по крайней мере до 30. Известны, правда, в меньшем количестве, и могильники этого периода (Шенгавит, Элар, Джуджеван и др.)²⁸.

Связанная крепкими традициями с предшествующим периодом, культура III тыс. до н. э. на Армянском нагорье отражает следующую, более высокую ступень развития местных племен. Как показал в специальных статьях Б. Б. Пиотровский, земледельческое хозяйство здесь находится уже на высоком уровне; скотоводство, развиваясь в условиях гор и предгорий, проявляет тенденцию к переходу к отгонной форме²⁹. Значительно прогрессируют ремесла и в первую очередь металлообработка и гончарство, усложняются идеологические представления³⁰.

В монографии А. А. Мартиросяна «Армения в эпоху бронзы и раннего железа» (Ереван, 1964) мы находим характеристику второго, завершающего этапа периода ранней бронзы. Последний, по его мнению, начинается лишь с середины III тыс. до н. э. К финалу этого периода автор относит группу погребений Арагаца, своеобразный керамический комплекс которых несет в себе черты старых традиций периода ранней бронзы и элементы уже новой «моды».

²⁴ Э. В. Ханзадян. Гарни IV. Результаты раскопок 1949—1966 гг. Ереван, 1969 (на арм. яз. с русск. резюме); она же. Раскопки в окрестностях Кировакана. Изв. АН Арм. ССР, 1962, № 10, стр. 75—92 (на арм. яз.); она же. Раннебронзовое поселение близ сел. Аревик. СА, 1969, № 4, стр. 157—171.

²⁵ Э. В. Ханзадян. Культура Армянского нагорья в III тыс. до н. э. Ереван, 1967 (на арм. яз. с русск. резюме); она же. Гарни IV.

²⁶ С. А. Сардарян. Первобытное общество в Армении.

²⁷ Т. Азиян. О черепах из энеолитических погребений в районе Шенгавита. ИФЖ, 1963, № 3, стр. 327—332.

²⁸ С. Чилингарян. Памятники древней бронзы Джуджеванского могильного поля. ИФЖ, 1970, № 1, стр. 253—257 (на арм. яз.).

²⁹ Б. Б. Пиотровский. Основные этапы древнейшего земледелия в Армении. ИФЖ, 1961, № 3—4, стр. 108—121; он же. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. СА, XXIII, 1955, стр. 5.

³⁰ Э. В. Ханзадян. Первые факты обработки металлов на территории Армянского нагорья в эпоху древней бронзы. ИФЖ, 1963, № 3, стр. 297—307 (на арм. яз.); она же. О металлургии древнебронзовой эпохи в Армении. СА, 1964, № 2; А. Л. Карапетян. Формы и орнаментация энеолитической керамики Армении. Изв. АН Арм. ССР, 1964, № 6, стр. 73—81; Э. В. Ханзадян. Керамика Шреши-блур и Кюль-тапы и ее искусство. ИФЖ, 1964, № 3, стр. 219—228 (на арм. яз.).

Армянское нагорье, расположенное на периферии Древнего Востока, являло собой в III тыс. до н. э. мощный очаг земледельческо-скотоводческой культуры. Освоение древним человеком к этому времени определенной части залежей меди создало прочную базу для роста местной металлургии. Заимствуя на первых порах достижения своих южных соседей, металлообрабатывающее ремесло Армении в дальнейшем становится самостоятельным и начинает вырабатывать самобытную продукцию. Богатство Армении металлом определило характер контактов и связей с другими областями Кавказа и Передней Азии. Проблемам металлургии и металлообработки в Армении посвящена не одна работа. Наиболее значительной из них является сводка по раннему металлу А. А. Мартиросяна³¹. Большой интерес с точки зрения методики изучения рудных источников Кавказа представляет специальное исследование Е. Н. Черных³².

Последующий период — первая половина II тыс. до н. э. — в Армении изучен значительно хуже. Характеристика его может быть установлена лишь при учете материала в масштабе всего Южного Кавказа в целом.

Однако и в этих широких границах период средней бронзы представлен, к сожалению, главным образом могильными памятниками. В Армении этот период известен по серии находок в разных районах, причем значительная их часть обнаружена при случайных обстоятельствах³³.

А. А. Мартиросян, датируя период средней бронзы в целом первой половиной второго тысячелетия, разделил известный сегодня археологический материал на три хронологические группы. В раннюю (XX—XVIII вв. до н. э.), с его точки зрения, должны быть отнесены погребения Тазакенда, Гарни, Еревана (Кирза), находки в Нор-Баязете и др.³⁴, в среднюю (XVII в. до н. э.) — Апаранское погребение, Лчашенский курган 6, уникальный сосуд из Геташена, находки в Арзни и др.³⁵ Центральным памятником поздней группы (XVI—XV вв. до н. э.) является известное богатое погребение в Кироваканском кургане, обследованном в свое время Б. Б. Пиотровским, а также могильник Еревана и др.³⁶

Итак, к началу II тыс. до н. э. в связи с ростом производительных сил происходят значительные изменения в обществе. На первый план выдвигаются предгорные и горные районы, где складывается отгонная форма скотоводства. Теперь скот становится основным богатством, причиной, порождающей начавшееся расслоение общества. Все это хорошо иллюстрируется появлением богатых захоронений родо-племенной знати (Кировакан, Узунлар, Триалети) и скромных могил представителей рядового населения (Тазакенд, Лчашен и др.).

³¹ А. А. Мартиросян. К предистории древнейших этапов культуры Армении. ИФЖ, 1961, № 1, стр. 91—109; он же. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 24.

³² Е. Н. Черных. О некоторых методах установления рудных источников для древнейшего металла. Изв. АН Арм. ССР, 1965, № 3—4, стр. 111—126.

³³ Сведения по памятникам этого периода см. в кн.: А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы... стр. 47—73 и Э. В. Ханвалян. Гарни IV, стр. 83.

³⁴ К. Х. Кушарова. Тазакендский могильник. СА, 1960, № 1, стр. 137—148; С. Амриян. Новая археологическая находка на территории Еревана. ИФЖ, 1969, № 3, стр. 268—275.

³⁵ Т. С. Хачатрян, С. А. Есян. Археологические находки в сел. Апаран. СА, 1958, № 4, стр. 195; Э. В. Ханвалян. Лчашенский курган № 6. Изв. АН Арм. ССР, 1960, № 2, стр. 65 (на арм. яз.); А. А. Калантарян, Ж. Д. Хачатрян. Уникальная находка из бассейна оз. Севан. ВОН АН Арм. ССР, 1969, № 4, стр. 75—77 (на арм. яз.); Л. А. Карапетян. Новый памятник бронзового и раннежелезного веков в бассейне р. Раздан. ИФЖ, 1969, № 4, стр. 278—283 (на арм. яз.).

³⁶ С. А. Есян, Л. А. Карапетян. Новонайденное могильное поле у Еревана. ИЖФ, 1965, № 4, стр. 281—285 (на арм. яз.).

Этот период знаменуется также новыми проявлениями в материальной культуре: в гончарстве — заменой некоторых форм сосудов, появлением росписи, инкрустации, гребенчатого штампа³⁷; в металлургии — выработкой прототипов всех ведущих видов металлических изделий, характерных для эпохи поздней бронзы. Выделившееся из металлургии ювелирное дело достигает небывалого расцвета, его наиболее яркие образцы несут на себе бесспорное влияние хеттского искусства³⁸. Все эти глубокие сдвиги способствовали формированию на базе предшествующих достижений яркой и своеобразной культуры, тесно связанной с малоазийским кругом памятников, с культурой страны Хайяса-Аззи.

Фактически уже с XIII в. до н. э., после короткого промежутка времени (конец XV—XIV в. до н. э.) — так называемого переходного периода, который представлен единичными погребениями Норатуса, Лчашена, Кеопри Кеопи с их элементами предшествующей и последующей культур, наступает период поздней бронзы. В Армении он зафиксирован сотнями памятников самого разнообразного характера — различными типами поселений, крепостями, курганами, кромлехами, каменными ящиками, грунтовыми могилами, сооружениями культового назначения. Об этом периоде существует обширная литература. Однако далеко еще не все открытые памятники получили отражение в печати. Именно в этом плане особую важность приобретает упоминавшаяся уже монография А. А. Мартиросяна³⁹, в которой автор, привлекая широкий круг источников, делает попытку воссоздания картины развития материальной культуры Армении периода поздней бронзы и раннего железа. Вторая недавно вышедшая его книга, имея несколько иной характер, успешно дополняет первую; она является своего рода атласом-корпусом, где сведены воедино все известные комплексы периода поздней бронзы⁴⁰.

Один из мощных очагов культуры этого периода в Армении существовал в Севанском бассейне. Его археологические памятники до определенного времени были известны лишь по довоенным раскопкам Е. А. Лалаяна⁴¹. Блестящий материал для понимания генезиса позднебронзовой культуры этого района дали раскопки, проводимые ежегодно, начиная с 1956 г. экспедицией Исторического музея, а позднее Института археологии АН СССР под руководством А. О. Мнацаканяна. Здесь, на осушенной площади северо-западного берега озера, рядом с сел. Лчашен неожиданно были обнаружены десятки погребальных памятников — курганов и кромлехов⁴². Благодаря консервирующим свойствам воды и последую-

³⁷ Л. А. Карапетян. Формы и орнаментация расписной керамики Армении. ИФЖ, 1964, № 3, стр. 212—219 (на арм. яз.).

³⁸ С. Г. Деведжян. Некоторые золотые и серебряные предметы из Ташир-Дзорагета. ВОН АН Арм. ССР, 1966, № 12, стр. 100—109 (на арм. яз.).

³⁹ А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы... См. также: К. Х. Кушарова (рец.). А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, ИФЖ, 1965, № 4.

⁴⁰ А. А. Мартиросян. Поселения и могильники эпохи поздней бронзы. «Археологические памятники Армении», т. 2. Памятники эпохи бронзы, вып. II, Ереван, 1969.

⁴¹ Е. А. Лалаян. Раскопки курганов Советской Армении. Ереван, 1931 (на арм. яз.); А. О. Мнацаканян. Бронзовая культура Севанского бассейна. Автореферат. Ереван, 1940.

⁴² А. О. Мнацаканян. Раскопки курганов на побережье оз. Севан в 1956 г. СА, 1957, № 2, стр. 146; он же. О двухцветной керамике Лушена. Изв. АН Арм. ССР, 1957, № 5, стр. 107—116; он же. Новые раскопки в осушенном Севанском бассейне. «Советская Армения», 1954, № 5, Ереван; он же. Скотоводство Севанского бассейна в эпоху бронзы. МИСХКА, сб. АН Арм. ССР, т. I, Ереван; С. К. Межлумян. К вопросу о систематическом положении свиньи из погребений Лчашена. «Биологический журнал АН Арм. ССР», 1967, № 11; она же. Крупный рогатый скот из поселения Шенгавит и погребений эпохи бронзы Лчашена. Изв. АН Арм. ССР, 1965, № 3; С. К. Давы. Череп примитивного домашнего быка ранней бронзы в Джарджарисе. Тр. ГИМ Арм. ССР, т. 5, 1959, стр. 133—141.

щей химической обработке деревянные предметы⁴³, как правило, бесследно исчезающие, здесь великолепно сохранились. Сенсационным событием было открытие разнообразных повозок и колесниц, заменивших погребальное ложе знатным покойникам⁴⁴. Неподалеку от могильника раскинулось огромное поселение (55 га) с мощной оборонительной системой, занимавшее ключевые позиции в период отражения урартской экспансии.

Лчашенские памятники фиксируют картину непрерывной деятельности человека в Севанском районе начиная с III тыс. до н. э., однако большинство их относится к XIII—VIII вв. до н. э.⁴⁵. Подавляющая часть лчашенского комплекса отражает характер хозяйственной, политической и духовной жизни родо-племенной верхушки, возвысившейся к этому периоду над основной массой рядового населения. Исследования археологов помогли восстановить сложный обряд захоронения отдельных ее представителей. Труп вождя ввозился в просторную погребальную камеру на деревянной колеснице, стены камеры, обложенные каменными глыбами и бревнами, были затянуты тканями; в могилы помещались насильственно убитые люди, животные, принесенные в жертву, великолепное оружие, разнообразные орудия труда, посуда с инкрустацией, бронзовые модели колесниц, фигурки животных и уникальные образцы ювелирного искусства.

К сожалению, накопленный за 15 лет материал из лчашенских памятников до сих пор опубликован очень фрагментарно, в виде разбросанных по разным изданиям отдельных статей. Отсутствие монографического исследования этих памятников является серьезным пробелом.

Значительно лучше обстоит дело с публикацией другого, не менее значительного памятника эпохи бронзы — знаменитого Артикского могильника, открытого в 1959 г. на западном склоне горы Арагац. С этого времени здесь ежегодно работает экспедиция Исторического музея Армении под руководством Т. С. Хачатряна. В его монографии «Материальная культура древнего Артика» (Ереван, 1963) обобщены результаты работ 1959—1963 гг.; вторая книга — «Артикский могильник» — в настоящее время готовится к печати. Добытый материал автор исследует, привлекая синхронные памятники Кавказа в целом, а также некоторые археологические данные Передней Азии. Такой метод работы позволил ему определить историко-хронологическое место памятника.

Количество могил этого огромного некрополя доходит до нескольких сотен; сегодня раскопано 640 погребений. Уникальная конструкция могил представляет собой выдолбленную в туфовой породе вертикальную шахту, плотно прикрытую вставленной в нее туфовой же пробкой, и небольшую овальную погребальную камеру. Помещенные в камеру одиночные захоронения сопровождалось большим числом сосудов, оружием и орудиями труда; среди последних обнаружены неизвестные для Кавказа

⁴³ Е. Румянцев. Применение синтетических смол для закрепления и консервации древних предметов при археологических работах. Тр. ГИМ АН Арм. ССР, т. V, Ереван, 1959, стр. 159—200; В. А. Лаланджян. Бронзовые головки книжалов с деревянной инкрустацией из раскопок бассейна оз. Севан. Изв. АН Арм. ССР, № 7, стр. 89—92; он же. Деревянные повозки из раскопок у сел. Лчашен Севанского района Арм. ССР. Тр. ГИМ АН Арм. ССР, т. V, 1959, стр. 259—269; С. А. Туманян. О некоторых деревянных изделиях, хранящихся в Историческом музее. Изв. АН Арм. ССР, 1955, № 7, стр. 85—88.

⁴⁴ А. О. Мнацаканян. Древние повозки из курганов бронзового века на побережье оз. Севан. СА, 1960, № 2, стр. 139—152; С. А. Есаян. Об одной неправильной реконструкции. Тр. ГИМ АН Арм. ССР, т. V, 1959, стр. 95—103; В. Б. Бляк. Памятники декоративно-прикладного искусства из Лчашена, ИФЖ, 1968, № 3, стр. 149—156.

⁴⁵ А. О. Мнацаканян. Основные этапы развития материальной культуры Лчашена. ИФЖ, 1965, № 2, стр. 95—114 (на арм. яз.).

формы. Особый интерес представляют погребение литейщика и погребение плотника со всеми их рабочими инструментами, являющиеся ярким показателем выделения специалистов из общего числа общинников уже в этот период. Все погребения Артикского могильника Т. С. Хачатрян подразделяет на две хронологические группы: старшую — XIII—XII вв. до н. э. — и младшую — XI—X вв. до н. э.

Район Арагаца с его благоприятными климатическими условиями богат всевозможными археологическими памятниками. Примерно тем же периодом, что и Артикский могильник, датируются такие соседние комплексы, как могильник в Вардакаре, древняя группа кромехов и циклопическая крепость Гагарота, а также, к сожалению, депортированные, но очень выразительные вещи из могильника Такиа (Агвесадохор)⁴⁶. Названные, а также многие другие памятники дают достаточно представление о специфике хозяйства и культуры поздней бронзы Арагаца, базирующихся на скотоводстве, земледелии и различных отраслях ремесел — металлообработке, гончарстве, деревообделочном и кожевенном деле⁴⁷.

Археологом С. А. Есаяном в последние годы ведутся разведки и раскопки памятников Иджеванского и Шамшадинского районов. Им опубликовано большое число статей, освещающих ряд комплексов периода поздней бронзы — раннего железа. Это — Астхилурский могильник (первая половина I тыс. до н. э.) с его богатым погребением 14, содержащим великолепный бронзовый пояс со сложносюжетной орнаментацией, могильник Иджевана (VI—V вв. до н. э.), серия циклопических крепостей Шамшадина и Красносельска (XIII—VI вв. до н. э.), а также очень интересные, случайно найденные предметы из сел. Кирза⁴⁸. В результате археологическая карта этих районов, почти сплошь состоявшая из «белых пятен», наполняется большим и конкретным содержанием.

Сотни археологических памятников — поселений, могильников, циклопических крепостей — документируют густую заселенность Армении в эпоху бронзы. К сожалению, и до настоящего времени подавляющее большинство изученных памятников эпохи бронзы — это разнообразные могильники, поднимающие значительно меньший круг проблем, нежели хозяйственные комплексы-поселения. Наиболее древние из них — могильники Степанавана, Кировакана, Дилижана, Арзин, Айриванка, района р. Дебед, Ноемберяна, Цамакаберта, Мухана — получили отражение в серии публикаций⁴⁹. Чрезвычайно полезной оказалась работа Г. А. Ар-

⁴⁶ Т. С. Хачатрян. Комплекс бронзовых предметов из сел. Вардакар (Артикский район). Изв. АН Арм. ССР, 1961, № 3, стр. 55—70; А. А. Мартиросян, Т. С. Хачатрян. Комплекс изделий из могильника Такиа (Агвесадохор). Изв. АН Арм. ССР, 1969, № 11, стр. 87—96.

⁴⁷ Т. С. Хачатрян. Материальная культура древнего Артика, стр. 139.

⁴⁸ С. А. Есаян. Астхилурский могильник. ВАН АН Арм. ССР, 1968, № 6, стр. 82—97; он же. Погребение № 14 Астхилурского могильника. ИФЖ, 1967, № 1, стр. 221—226; он же. Археологические находки близ поселка Иджеван. Изв. АН Арм. ССР, 1961, № 4, стр. 73—83; С. А. Есаян, К. Кафадарян. О некоторых циклопических крепостях Шамшадина. Изв. АН Арм. ССР, 1965, № 11, стр. 80—89 (на арм. яз.); С. А. Есаян, Г. А. Микаелян. О циклопических крепостях Шамшадина и Красносельска. ИФЖ, 1968, № 3, стр. 289—296 (на арм. яз.); С. А. Есаян. О некоторых бронзовых сосудах древней Армении. ВОН АН Арм. ССР, 1966, № 8, стр. 90—95.

⁴⁹ Т. С. Хачатрян. Каменные ящики Степанавана. Тр. ГИМ Арм. ССР, 1959, т. 5, сер. 105—112; К. Г. Кафадарян. Раскопки погребений в Кировакане. Изв. АН Арм. ССР, 1941, № 3—4; А. А. Карапетян, А. Н. Шагинян. Археологические находки в Дилижане. Изв. АН Арм. ССР, 1961, № 12, стр. 69—77 (на арм. яз.); А. А. Карапетян. Новый памятник...; Т. С. Хачатрян. Раскопки в Айриванке. Изв. АН Арм. ССР, 1957, № 12, стр. 93—101; Г. А. Арешян. Новые археологические находки в бассейне реки Дебед. ИФЖ, 1969, № 1, стр. 269—275 (на арм. яз.); С. С. Чилингарян. Могильники «Арнакарских земель». ВОН АН Арм. ССР, 1969, № 10, стр. 69—82 (на арм. яз.); он же. Орнаментированный кувшин, найденный в Ноемберяне. ИФЖ, 1968, № 2, стр. 231—232 (на арм. яз.); А. О. Мнацаканян.

шня, собравшего воедино «дважды найденную» коллекцию известного Тазакендского могильника около г. Еревана⁵⁰. Автор дает вполне убедительное историко-хронологическое осмысление этого узлового для Армении памятника, привлекающего вот уже три четверти века внимание исследователей.

Специального внимания заслуживает комплекс памятников в ущелье Хртаюц и в сел. Головино, монографически изданных А. А. Мартиросяном⁵¹. Производившиеся здесь дважды (1929, 1950 гг.) археологические работы вскрыли разновременные могильные памятники-кромлехи и каменные ящики, датировка которых имеет широкий хронологический диапазон — от начала освоения железа вплоть до первых вв. н. э. Однако подавляющее большинство относится к VII—VI вв. до н. э. и выходит фактически за рамки нашей темы. Захоронения в могилах сопровождались богатым и разнообразным инвентарем, включающим предметы самого различного назначения (вооружение, снаряжение, украшения, посуда). Материалы этих могильников документируют тесные связи местных южнокавказских племен и урартской культуры, с одной стороны, и скифского мира, — с другой.

Неизмеримо более значительными для изучения палеоэкономики представляются древние поселения. В Армении поселений периода поздней бронзы — раннего железа известно большое количество, однако планомерное изучение этих важных комплексов началось фактически лишь в последние 10—15 лет. Несомненные достижения в этой области исследований способствуют воссозданию социально-экономической истории финального периода первобытнообщинного строя в Армении. Именно такими систематически исследующимися поселениями являются Кармир-блурское и Мецаморское поселения Араратской равнины. Первое из них, изученное А. А. Мартиросяном и В. С. Сорокиным, перекрыто урартским городом Тейшебанин и имеет площадь 30—40 га⁵². В пределах этой огромной территории находились жилые, хозяйственные, производственные и культовые комплексы, залегавшие в четырех стратиграфических горизонтах, датирующихся XII—VIII вв. до н. э. В самом нижнем из них открыта мастерская бронзолитейщика, который одновременно занимался и железообрабатывающим ремеслом. Это в настоящий момент наиболее ранняя документация местной обработки железа на территории Армянского нагорья. Совершенно новые принципы прослежены и в архитектуре поселения. Здесь большие глинобитные сооружения, делящиеся на отдельные жилые комплексы, оказываются перекрытыми единой крышей. Эти крупные дома, по мнению А. А. Мартиросяна, принадлежали большим патриархальным

Древнейшее могильное поле сел. Цамакаберт. Изв. АН Арм. ССР, 1954, № 5, стр. 85—94 (на арм. яз.); А. О. Мнацаканян. Археологические раскопки на осушенной территории Севанского бассейна у сел. Мухан. Изв. АН Арм. ССР, 1952, № 8, стр. 99 (на арм. яз.).

⁵⁰ Г. А. Арешян. Материалы из раскопок Кармирбердского (Тазакендского) могильника в музее Грузии. ВЕУ, 1970, № 1, стр. 239—247.

⁵¹ А. А. Мартиросян. Раскопки в Головино. Результаты работ 1929 и 1950 гг. Ереван, 1954; А. О. Мнацаканян. Раскопки могильников в сел. Головино. Тр. ГИМ Арм. ССР, 1959, т. 5, стр. 5—62 (на арм. яз.); С. Даль. Костный материал из погребений X—VIII и VII вв. до н. э. окрестностей сел. Головино. Тр. ГИМ Арм. ССР, 1959, т. 5, стр. 143—147.

⁵² А. А. Мартиросян. К характеристике города Тейшебанин. Изв. АН Арм. ССР, 1957, № 8, стр. 83—99; он же. Идолы из раскопок Кармир-блур. ИФЖ, 1958, № 2, стр. 114—139; он же. Город Тейшебанин. Ереван, 1961, стр. 7—91; он же. Новые данные по истории города Тейшебанин. ИФЖ, 1963, № 3, стр. 221—233; он же. Армения в эпоху бронзы...; С. К. Межлумян. К исследованию позвоночных животных из доурартских культурных слоев Тейшебанин. Изв. АН Арм. ССР, 1964, № 3; В. С. Сорокин. Древние идолы города Тейшебанин. Изв. АН Арм. ССР, 1951, № 5, стр. 82; он же. Следы древнейшего поселения у Кармир-блур. СА, 1958, № 2, стр. 151.

семьям, состоявшим из малых семей, каждая из которых занимала отдельную жилую ячейку. Истоки архитектурных особенностей кармирблурского поселения автор находит в памятниках Араратской равнины IV—III тыс. до н. э.

Более широкий хронологический диапазон имеет Мецаморское поселение, ежегодные раскопки на котором с 1965 г. ведутся специальной геолого-археологической экспедицией АН Арм. ССР (Э. В. Ханзадян, К. А. Мкртчян)⁵³. Прекрасные климатические условия микрорайона привлекали сюда поселенцев уже в III тыс. до н. э. Однако большая часть остатков связана с эпохой поздней бронзы — раннего железа (XIII—VIII вв. до н. э.). Здесь на территории в 4 га раскинулись бесчисленные производственные, жилые и религиозно-культурные сооружения. На северо-восточном склоне холма вскрыт комплекс производственных помещений, в которых сооружены массивные печи сложных систем; путем экстраполяции удалось определить, что всего на территории поселения было сконцентрировано около 200 таких печей. По мнению С. Гогиняна, здесь устанавливаются крупные масштабы, а также высокая степень дифференциации и специализации металлургического производства, в котором преобладало изготовление медно-мышьяковисто-оловянистой бронзы и различных других сплавов — в зависимости от необходимости получения того или иного вида металла. На южном склоне располагалось огромное святилище с алтарями, идолами и культовыми очагами, остающееся пока уникальным. Этот великолепно сохранившийся памятник ярко характеризует сложную систему религиозных представлений и их обрядовую сторону, являющихся основой мировоззрения, рожденного земледельческой средой.

Значительно менее масштабные раскопки были произведены на других древних поселениях — около Лениакана, в г. Камо⁵⁴ и в ряде других мест.

Особую, специфическую отрасль археологии Кавказа представляют исследования так называемых циклопических крепостей — памятников в своем роде уникальных. Количество таких крепостей на Южном Кавказе сейчас доходит до 150. Изучение их выходит за пределы компетенции археологов и требует, как правило, привлечения архитекторов, лингвистов; последние привлекаются для прочтения и интерпретации урартских лапидарных надписей, упоминающих не одну завоеванную крепость на территории Армении. Циклопическим крепостям Армении посвящена серия статей⁵⁵, однако наиболее обобщающий сводкой в этой области является недавно вышедшая монография Г. А. Микаеляна «Циклопические крепости Севанского бассейна»⁵⁶. Автор подробно знакомит читателя с историей изучения этих своеобразных памятников, дает их характеристику, а также классифицирует все известные крепости на че-

⁵³ А. А. Мартиросян. Поселения и могильник эпохи поздней бронзы, стр. 45—46; «Путеводитель экскурсий Международного симпозиума по истории геологии». Ереван, 1967, стр. 59—66.

⁵⁴ А. А. Мартиросян. О древнем поселении около Лениакана. Изв. АН Арм. ССР, 1952, № 10, стр. 87—97; он же. Поселения и могильник эпохи поздней бронзы, стр. 47.

⁵⁵ Г. А. Микаелян. Центральная циклопическая крепость страны Уеликухи. ИФЖ, 1964, № 1, стр. 119—132 (на арм. яз.); он же. Комплекс Лчашенской циклопической крепости. ИФЖ, 1965, № 1, стр. 284—290 (на арм. яз.); он же. Циклопические крепости Мартунинского района. ИФЖ, 1966, № 3, стр. 234—247 (на арм. яз.); С. А. Есаян, К. К. Кафадарян. О некоторых циклопических крепостях Шамшадина; С. А. Есаян, Г. А. Микаелян. О циклопических крепостях Шамшадина и Красносельска; С. С. Чилингарян. Циклопические постройки Ноемберянского района. ИФЖ, 1968, № 1, стр. 221—231 (на арм. яз.).

⁵⁶ Г. А. Микаелян. Циклопические крепости Севанского бассейна. «Археологические памятники Армении», т. I. «Памятники эпохи бронзы», вып. 2. Ереван, 1968 (на арм. яз.).

тыре хронологические группы: 1) V—середина III тыс. до н. э.; 2) вторая половина III тыс. до н. э.—IX в. до н. э.; 3) IV—VI вв. до н. э.; 4) VI в. до н. э.—вплоть до средневековья. Ценность исследования Г. И. Микаеляна заключается также в большом количестве приводимых планов и фотографий памятников, многие из которых публикуются впервые.

Памятники Армении эпохи бронзы исследуются в разных аспектах. Богатство рудными залежами, которые использовались древним человеком уже в IV тыс. до н. э., с одной стороны, влияние переднеазиатских стран с их высоким уровнем материальной и духовной культуры, с другой, — превратило эту страну в яркий очаг металлургии и металлообработки. Однако ремеслу металлообработки в работах армянских археологов уделяется еще недостаточное место⁵⁷. Особенно не хватает металлографических анализов, столь необходимых при изучении проблемы металла. Специальные работы посвящены особенностям керамики эпохи поздней бронзы, а также орудиям труда этого периода⁵⁸.

Неисчерпаемым источником наших знаний при разработке проблемы становления, сложных путей развития, хозяйственной базы и идеологических представлений древнего общества Кавказа являются различные памятники искусства. В Армении среди них в последние годы на первый план выдвигаются наскальные изображения системы г. Арагац, Гегамских, Ваденисских, Арегунийских гор вокруг Севанского озера, Сиснана и др. Это неповторимые картинные галереи с тысячами изображений людей, животных и сложными композициями, воссоздающими сцены охоты, ловли зверей, приручения и заклинания животных, почитания предков и др. Датировка их укладывается в пределы VI тыс. до н. э.—конца II—начала I тыс. до н. э. Однако особого размаха это искусство достигает в эпоху бронзы. К тому же периоду надо отнести серию первоклассных памятников неменьшей культовой значимости — знаменитые «вишапы», охраняющие горные родники и реки, различные идолы, бронзовые пояса со сложно-сюжетными композициями, включающими астральную символику, магические сцены охоты и многие другие памятники искусства первобытного человека. Ключом к прочтению и интерпретации этих сложных изображений оказались данные этнографии, фольклора, мифологии армян и народов Древнего Востока. Разработке перечисленных проблем посвящены книга Г. А. Капанцяна⁵⁹ и ряд статей других авторов⁶⁰. Культурам и верованиям в Армении в эпоху бронзы посвя-

щена успешно защищенная недавно диссертация А. Р. Исраелян⁶¹. В ближайшее время выйдут монографические издания наскальных изображений Сюника и Гегамских гор⁶².

В заключение нам остается упомянуть работы, затрагивающие некоторые как бы сквозные проблемы и темы по археологии Армении. Это прежде всего статьи Б. Б. Пиотровского, которые вместе с изданным им в 1949 г. учебником «Археология Закавказья» содержат научное осмысление всего накопившегося по ранним периодам к 40-м годам археологического материала, а также впервые предпринятую характеристику древнейших этапов развития местной южнокавказской культуры⁶³. Значение этих работ трудно переоценить. Именно они послужили отправной точкой для многих последующих исследований. Предложенная Б. Б. Пиотровским периодизация памятников с четкими и яркими характеристиками каждого этапа до сих пор не потеряла ценности. Накопленный за последние 20 лет материал внес лишь некоторые коррективы в предложенную им схему. Такими же важными явились упомянутые выше его статьи о специфике развития земледелия и скотоводства на древнем Кавказе.

Важный вклад в археологию Закавказья вносит книга С. А. Есаяна «Оружие и военное дело древней Армении»⁶⁴. Здесь большой и умело подобранный материал распределяется в широких хронологических границах (III—I тыс. до н. э.). Этой же теме автор касается и в некоторых своих статьях⁶⁵. Среди публикаций по археологии мы находим классификацию большой разновременной коллекции бронзовых Исторического музея Армении⁶⁶, а также исследование древних музыкальных инструментов⁶⁷.

Наконец, в последние годы все чаще и чаще археологический материал становится предметом изучения этнографов, что значительно раздвигает хронологические рамки их исследований, позволяет проследить те или иные явления в динамике⁶⁸.

он же. Новые материалы по древнейшей истории искусства Армении. ИФЖ, 1966, № 3, стр. 147—166 (на арм. яз.); он же. «Вишапы» Гегамских гор. ИФЖ, 1967, № 4, стр. 181—188 (на арм. яз.); А. А. Барсеян, Ж. Д. Хачатрян, А. А. Каландарян. Новонайденные культовые стелы на Гегамских горах. Изв. АН Арм. ССР, 1964, № 8, стр. 85—88 (на арм. яз.); А. О. Мнацаканян. Следы солнцепоклонничества в древней Армении по раскопанным бронзовым предметам. Тр. ГИМ, т. I, 1948, стр. 67—95 (на арм. яз.).

⁵⁷ А. Р. Исраелян. Культ и верования в Армении в эпоху поздней бронзы (автореферат). Ереван, 1968.

⁵⁸ Г. О. Караханян, П. Г. Сафян. Наскальные изображения Сюника; А. А. Мартиросян, А. Р. Исраелян. Наскальные изображения Гегамских гор.

⁵⁹ Б. Б. Пиотровский. Новая страница древнейшей истории Кавказа. Изв. АН Арм. ССР, 1943, № 1, стр. 53—69; он же. Древнейшие этапы истории и культуры Армении. Изв. АН Арм. ССР, 1944, № 3—4, стр. 3—25 (на арм. яз.); он же. Археология Закавказья. Л., 1949.

⁶⁰ Ереван, 1966. См. также: К. Х. Кушнарера (рец.). ИФЖ, 1968, № 2, стр. 227—230 (на арм. яз.).

⁶¹ С. А. Есаян. Из истории колесного транспорта древней Армении. ИФЖ, 1960, № 3, стр. 141—151; он же. Защитное вооружение древней Армении (щиты, шлемы, панцири). ИФЖ, 1962, № 1, стр. 192—209; он же. К вопросу о вооружении и военной организации племен Армении. ИФЖ, 1965, № 1, стр. 277—283 (на арм. яз.).

⁶² С. А. Есаян. Бронзовые браслеты Госмузея Армении. Изв. АН Арм. ССР, 1964, № 2, стр. 83—94 (на арм. яз.).

⁶³ Э. В. Ханзадян. Древнеармянские музыкальные инструменты. Тр. ГИМ Арм. ССР, 1959, т. 5, стр. 63—93 (на арм. яз.).

⁶⁴ Э. Т. Карапетян, А. А. Мартиросян. Жилище большой семьи. ИФЖ, 1968, № 2; В. А. Бдоян. Армянские тесловидные мотыги. Изв. АН Арм. ССР, 1965, № 2; он же. Жатвенные орудия в Армении. ИФЖ, 1968, № 3; А. Н. Петросян. Страны из истории транспортных средств в Армении. ИФЖ, 1966, № 3; он же. Древнеармянские транспортные средства. ВОН АН Арм. ССР, 1968, № 9; Е. С. Сарисян. К изучению гончарного ручного круга армян. ВОН АН Арм. ССР, 1968, № 5.

⁵⁷ С. Готинян. К истории древней металлургии железа в Армении. ИФЖ, 1964, № 3, стр. 229—234; С. Г. Давалджян. Некоторые золотые и серебряные предметы бронзового века из Ташир-Дзаорагета. ВОН АН Арм. ССР, 1966, № 12, стр. 100—109 (на арм. яз.); он же. Некоторые вопросы металлообработки позднебронзового века в Ташир-Дзаорагете. ВОН АН Арм. ССР, 1968, № 8, стр. 72—83 (на арм. яз.); О. С. Хнкиян. Виды и способы изготовления бронзовых кинжалов Армении эпохи поздней бронзы. ИФЖ, 1969, № 1, стр. 227—237 (на арм. яз.).

⁵⁸ А. А. Карапетян. История гончарного производства древней Армении. Автореферат. Ереван, 1966; Е. А. Есаян. Новые данные о расписной керамике Армении начала I тыс. до н. э. ИФЖ, 1969, № 1, стр. 283—287; Т. С. Хачатрян. Орудия труда эпохи бронзы и раннего железа. ТГИМ Арм. ССР, 1959, т. 5, стр. 203—257; Г. Е. Арсиян. Орудия труда Арктикского могильника. ИФЖ, 1970, № 3, стр. 251—260.

⁵⁹ Г. А. Капанцяна. О каменных стелах на горах Армении. Ереван, 1952.

⁶⁰ А. А. Мартиросян. Новые памятники первобытной культуры Армении. ИФЖ, 1969, № 3, стр. 191 (на арм. яз.); А. Р. Исраелян. Охотничьи сцены бронзовых поясов Армении. ИФЖ, 1966, № 2, стр. 23—248 (на арм. яз.); она же. Следы культа солнца в Армении бронзового века. ВОН АН Арм. ССР, 1967, № 4 (на арм. яз.); она же. Небесные тела и светила в искусстве бронзового века. ВОН АН Арм. ССР, 1968, № 5, стр. 86—93 (на арм. яз.); Г. О. Караханян, П. Г. Сафян. Новонайденные памятники по древнейшей истории Армении. ИФЖ, 1969, № 1 (на арм. яз.); А. А. Барсеян. Некоторые новонайденные культовые памятники эпохи поздней бронзы. ИФЖ, 1962, № 3, стр. 285—260 (на арм. яз.);

Е. Е. КУЗЬМИНА

КУЛЬТУРА СВАТА И ЕЕ СВЯЗИ
С СЕВЕРНОЙ БАКТРИЕЙ

(обзор работ итальянской археологической миссии в Пакистане)

Среди проблем древней истории индийского субконтинента одной из наиболее важных является проблема расселения индо-арийских племен. В этой связи большой интерес представляют материалы, полученные за последние годы при раскопках в Северо-Западном Пакистане. Итальянская археологическая миссия, работающая под руководством Дж. Туччи, начиная с 1958 г. исследует ряд могильников в Свате (Кателай I, Баткара II, Лоэбанр)¹ и соседних долинах²: в Горбанде (Кхерай), Читрале (Бакармак, Ногормури, Бала-Хисар, Тамунак), Бунере (Тарике, Пуланр, Лалбатай, Согалай). Аналогичные могильники, Тхана и Тимаргарха, открыты экспедицией Пешаварского университета под руководством А. Дани при участии Ф. Дуррани и др.³

Могильники объединяются целым рядом общих признаков в обряде погребения и инвентаре. Они расположены в одинаковых топографических условиях, на холме, господствующем над речной долиной. Погребения, снаружи иногда обозначенные нечеткими каменными вкладками, совершены в грунтовых ямах с заплечиками, в подбоях и в катакомбах. Внутри погребальных камер часто впущены каменные ящики, составленные из плит на ребре, или цисты из горизонтально уложенных плит. Сверху и на уровне расширения заплечиков ямы перекрыты каменными плитками. Погребения, ориентированные на ЗЮЗ и на юг, совершены по обряду труположения и трупосожжения. Кости и пепел неполной кремации помещены в сосуды, среди которых есть лицевые урны. Покойники положены на правом или на левом боку. Встречены парные и коллективные захоронения. Посуда сделана от руки и на гончарном круге и имеет

¹ G. Tucci. Preliminary Report on an Archaeological Survey in Swat. EW, v. IX, 1958; D. Facenna. A Guide to the Excavations in Swat (Pakistan) (1956—1962). Roma, 1964; G. Tucci. The Tombs of the Asvakayana-Assakenoi. EW, 1963, v. 14, № 1—2; S. Antonini. Preliminary Notes on the Necropolises found in Western Pakistan. EW, v. 14, № 1—2, 1963, p. 13—27; E. Castaldi. La Necropoli di Katelai i nello Swat (W. Pakistan). Rapporto sullo scavo delle tombe 46—80. Roma, 1968; G. Stacul. Preliminary Report on the Pre-buddhist Necropolises in Swat (Pakistan). EW, v. 14, № 1—2, 1966, p. 39—68.
² G. Stacul. Discovery of Protohistoric Cemeteries in the Chitral Valley (W. Pakistan). EW, v. 19, № 1—2, 1969, p. 92—99; G. Stacul. Notes on the Discovery of a Necropolis near Kherai in the Gordand Valley (Swat W. Pakistan). EW, v. 16, 1966, p. 261—274; G. Stacul. Discovery of Four Pre Buddhist Cemeteries near Pacha in Buner (Swat w. Pakistan). EW, v. 17, № 3—4, 1967, p. 220—232.
³ A. H. Dani, F. A. Durrani. A new Grave complex in West Pakistan, Asian Perspectives. «The Bulletin of the Far-Eastern Prehistory Association», t. VIII, № 1, 1964. Hongkong; A. Dani, F. Durrani, A. Rahman, M. Sharif. Timargarha and Gandhara Grave Culture. Peshawar, 1968. «Ancient India», 1967, III.

серый, черно-серый или красный цвет поверхности. Формы ее весьма разнообразны. Почти вся она лишена декора, лишь в нескольких случаях встречен резной геометрический орнамент, иногда с инкрустацией белой пастой или обрамлением ямочными вдавлениями. Характерна гофрировка поверхности, особенно бокалов. Остальной инвентарь погребений содержит лишь плоские схематические женские статуэтки, бронзовые булавки, височные привески, кольца, бусы, немногочисленные орудия (листовидные ножи, бритвы, крючки), костяную стрелу, а также обломки железа и железные изделия.

В публикации погребений Каталая Э. Кастальди устанавливает хронологию могильника на основании широкого круга аналогий для каждой категории инвентаря. Однако хронологический диапазон сопоставимых материалов необычайно широк и включает тепе Гиссар III и Шах-тепе II, с одной стороны, и Марлик Хурвин, Хазанлу IV, Сналк VI, Тагискен, с другой. Представляется, что было бы целесообразно особо выделить те типы вещей, которые живут короткий диапазон времени и являются хронологическими реперами. Это особенно необходимо в связи с попыткой итальянских археологов выделить в погребениях Свата отдельные хронологические этапы. Эта задача сможет быть решена только после полной публикации всех материалов могильников и создания корреляционных таблиц, на которых удастся выявить группы, характеризующиеся устойчивым сочетанием сходных черт погребального обряда с определенным набором типов инвентаря, а затем хронологически распределить эти группы.

Первый опыт такого хронологического членения материалов проведен Дж. Стакулом. На основании нескольких случаев стратиграфии погребений и главным образом по иранским аналогиям инвентаря могил Д. Стакул выделил в могильниках Свата три последовательные хронологические группы⁴. В I период преобладает кремация, встречаются скорченные одиночные захоронения; керамика изготовлена от руки и имеет красный и серый цвет поверхности. II период характеризуется преобладанием скорченных (иногда парных) труположений, керамика изготовлена на круге и имеет серый цвет поверхности. В III периоде все погребения совершены по обряду труположения, керамика сделана на гончарном круге и имеет красный цвет поверхности. В могилах найдены железные вещи. Эти находки железа важны для определения возраста погребений. Terminus ante quem для могильников Свата является буддийский период, поскольку буддийские материалы перекрывают площадь могильника Буткара II⁵. Для разработки внутренней хронологии погребений большое значение имеют раскопки поселений Свата, среди которых наиболее полно исследован скальный навес Гхалиган, давший стратиграфическую колонку слоев от III тыс. до н. э. до исламской эпохи, в том числе слои 15—9 (периоды V—VII), синхронные могильникам⁶. По данным радиоуглеродного анализа, могильники Свата датируются второй половиной II—первой половиной I тыс. до н. э.⁷

⁴ G. Stacul. Preliminary Report... p. 66, fig. 8.

⁵ S. Antonini. Preliminary Notes, p. 16.

⁶ G. Stacul. Excavations in a Rock Shelter near ghaligai (Swat, W. Pakistan). EW, v. 17, № 3—4, 1967, p. 185—219; G. Stacul. Excavations near Chaligai (1968) and Chronological Sequence of Protohistoric Cultures in the Swat Valley. EW, v. 19, № 1—2, 1969, p. 62—64, 84.

⁷ Могильник Лоэбанр I, могила 61 — 1520±150 до н. э., могила 54 — 1030±150 до н. э. (G. Stacul. Excavations... p. 61, 84); могильник Тимаргарха — 3380±60 и 2805±60 (A. Dani. Timargarha... p. 37); могильник Буткара II — 2425±40 и 2405±40 (E. Castaldi. Op. cit., 5—34); 17 слой поселения Гхалиган — 3455±50 (M. Alesion, F. Bella, C. Cortesi, B. Turi. University of Rome carbon 14 Dates VII. «Radiocarbon», v. XI, № 2, 1969).

Большое сходство и специфика черт материальной культуры могильников северо-западного Пакистана дают все основания объединять их в особую археологическую культуру, как это делает Э. Кастальди⁸.

Вопрос о происхождении и этнической принадлежности этой культуры остается дискуссионным. При решении его итальянские археологи уделяют особое внимание соответствиям типам керамики могильников в разновременных культурах Ирана и Индии и на этом основании Дж. Стакул приходит к заключению, что в Свате происходит постоянная смена культур, отражающая прилив все новых волн миграций из Ирана, причем особое внимание он обращает на связи с памятниками конца II — начала I тыс. до н. э. Северо-Западного Ирана⁹ и, вслед за К. Йетмаром принимая гипотезу о кавказском, западном пути движения арийских племен, признает арийскую принадлежность носителей культуры Свата. Однако, во-первых, гипотеза о западном пути расселения арийцев отнюдь не является доказанной. Главное же, в Северо-Западный Иран ираноязычное население начинает проникать только в первой четверти I тыс. до н. э., а основную массу населения этих областей вплоть до ахеменидской эпохи составляют неиндоевропейские племена (манны, хурриты, лулубен, кадусии и др.)¹⁰. Таким образом, отмечаемые связи Свата с Северо-Западным Ираном не могут указывать на арийскую принадлежность населения.

Дж. Туччи еще в 1962 г. обратил внимание на перспективность поисков контактов и возможных истоков культуры Свата в Средней Азии¹¹. С. Антонини привела соответствия цилиндрикоконическим и другим сосудам Свата в культуре Яз II в Южном Туркменистане и предположила, что или эта керамика распространилась двумя волнами в Среднюю Азию и в Сват из единого центра ее происхождения — Тепе Гиссара, или она попала в Сват из Средней Азии, или, наконец, расселявшиеся иранские племена приносили ее с собой обоими путями¹².

Однако, во-первых, цилиндрико-коническая керамика представляет специфическую особенность культур не Ирана, а именно Средней Азии, где ее непрерывное развитие прослеживается от эпохи Намазга IV¹³. Во-вторых, генезис культуры должен определяться не только и не столько по типам сосудов, особенно гончарных, легко попадавших в сферу обмена и вызывавших подражания, сколько по погребальному обряду. Погребальный же обряд южнотуркменских земледельцев принципиально отличен от обряда скотоводов Свата.

Э. Кастальди также сопоставила керамику погребений Кателан не только с иранской, но и со среднеазиатской и подчеркнула сходство с тагискенской. С последней посуду Кателан роднит наличие геометрического орнамента с заполнением белой пастой и черное лощение поверхности, что характерно также для керамики тазабагыябско-андроновской. На основании этого сходства и распространения в Тагискене обряда трупосожжения Э. Кастальди высказала предположение, что носители культуры Свата могли двинуться в Северо-Западную Индию из Хорезма вдоль Каспийского моря в Иран, где в районе тепе Гиссара они смешались с потомками носителей культуры Гиссар III, также характеризующейся чер-

полощенной керамикой, и далее двинулись в Индостан, ассимилировав в Свате местное население.

Признавая генетическое родство тазабагыябско-андроновской, тагискенской и сакской культур, Э. Кастальди склонна считать население Свата иранцами¹⁴.

Что касается тагискенской культуры, то говорить о ее прямой генетической связи с тазабагыябско-андроновской трудно; по керамике и погребальному обряду она ближе к культуре Бегазы-Дандыбай; иранская принадлежность ее пока также не аргументирована. Более вероятно, хотя также гипотетично, родство позднеандроновской и сакской культур. Сходства Тагискена и Свата касаются не комплекса признаков, а лишь отдельных черт. Все это не позволяет говорить об этническом родстве двух этих культур и не дает оснований считать доказанной ираноязычность создателей могил Свата.

Первостепенное значение приобретают те соответствия материалам Свата, которые отмечаются в бишкентской культуре Северной Бактрии. Эта культура стала известна благодаря открытию А. М. Мандельштамом¹⁵ Тулхарского могильника в Таджикистане. Б. А. Литвинским были исследованы могильники Тигровая Балка и Ойкул¹⁶. Памятники этой культуры известны также по случайным находкам в окрестностях Душанбе¹⁷.

Если отмечаемые итальянскими археологами связи с Ираном касаются для каждого памятника лишь сходства отдельных керамических форм, то связи с бишкентской культурой касаются совокупности определяющих культуру признаков, четко отличающих ее от памятников других культур. Среди керамики могильников Свата целый ряд форм (причем не парадных импортных, а бытовых) находит полные аналоги в керамике Тулхарского могильника¹⁸. В Тулхарском могильнике отсутствуют кубки и вазы — одна из ведущих форм посуды Свата, — однако, близкие аналоги им могут быть отмечены в материалах земледельческого поселения Северной Бактрии — Сапал-тепе¹⁹, а также на поселениях Маргианы. Там же находят аналоги чайники с носиком и бутылки²⁰.

Особенно показательное сходство с тулхарским комплексом форм лепной керамики могильника Кхерай²¹, который Д. Стакул считает наиболее ранним, синхронным IV периоду поселения Кхалиган²². Таким

⁸ E. Castaldi. Op. cit., p. 6—10.

⁹ C. Stacul. Preliminary Report... p. 78; C. Stacul. Excavations... p. 85—87.

¹⁰ И. М. Дьяконов. История Мидии. М.—Л., 1956; он же. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968; И. Алиев. История Мидии. Баку, 1960 (восточный путь распространения иранцев); Э. А. Грантовский. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1969 (кавказский путь).

¹¹ S. Tucci. The Tombs of the Asvakayana — Assa Kenoi. EW, 1963, v. XIV, p. 28.

¹² S. Antonini. Swat and Central Asia. EW, v. 19, № 1, 1969, p. 100—115.

¹³ В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. ТЮТАКЭ, т. VII. Ашхабад, 1956, стр. 302—308, табл. XXX, X; Е. Е. Кузьмина. О некоторых аспектах проблемы культурных и этнических связей Средней Азии и Ирана. Сб. «Искусство и археология Ирана». М., 1971, стр. 171—183.

¹⁴ E. Castaldi. Op. cit., p. 610—616.

¹⁵ А. М. Мандельштам. Памятники «степного» круга эпохи бронзы на юге Средней Азии. В кн. «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы»; он же. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. МИА, № 145, 1968.

¹⁶ Б. А. Литвинский. Таджикистан и Индия. В кн. «Индия в древности». М., 1964; он же. Археологические открытия в Таджикистане за годы Советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии. ВДИ, 1967, № 4, стр. 122—126. Б. А. Литвинский относит исследованные им могильники к особой вахской культуре, от этого названия следует отказаться во избежание терминологической путаницы.

¹⁷ А. И. Тереножкин. Археологические находки в Таджикистане. КСИИМК, вып. XX, 1948, стр. 75—76, рис. 37, 38; Г. И. Смолчев. Погребения со скорченными костями в районе г. Сталинабада. Изв. Тадж. ФАН СССР, 1949, вып. 15; Е. Е. Кузьмина. Бактрийский мираж и археологическая действительность. ВДИ, 1972, № 1.

¹⁸ Ср.: А. М. Мандельштам. Памятники «степного» круга эпохи бронзы... табл. X, 2, 6, 7, 9; XI, 7; XII, 5, XIV, 7; XV, 1, 2, 5—7; А. И. Тереножкин. Указ. соч., рис. 38; E. Castaldi. Op. cit., fig. 19.

¹⁹ А. И. Альбаум. Памятники эпохи бронзы на территории Сурхандарьи. «Общественные науки в Узбекистане», 1969, № 5, стр. 46, рис. 2; В. Соснин. Один день в бронзовом веке. «Комсомолец Узбекистана», № 101 (6031) от 23.V—1969, фото.

²⁰ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, № 73. М.—Л., 1959, табл. I, 1—3, 15—18, 20, 21; II, 5, 7; III, 2, 5—7; VII, 1—5; IX, 3, 10.

²¹ Там же, табл. I, 5, 7; II, 1; IX, 2.

²² Ср.: А. А. Мандельштам. Памятники... табл. X, 2, 5, 7, 8; XV, 1, 2; А. И. Тереножкин. Указ. соч., рис. 38, 4, 5; C. Stacul. Notes... fig. 4, a, b, c, d, e, f.

образом, на юге Средней Азии представлены все ведущие типы керамики Свата. Металлические изделия Свата также находят некоторые аналоги на юге Средней Азии: листовидные и с параллельными лезвиями черешковые ножи-копья сходны с тулхарскими и намазгинскими²³, там же встречены аналоги бусам²⁴, булавки лопаточковидные аналогичны тулхарским, заманбабинским и намазгинским²⁵, в последней группе памятников встречаются соответствующие также булавки с бипирамидальной, шаровидной и гвоздевидной головкой²⁶. Наконец, плоские схематичные женские статуэтки Свата напоминают статуэтку из могильника Заман-баба²⁷. Особого внимания заслуживает сравнительный анализ погребального обряда могильников Свата и Южного Таджикистана, поскольку, как нам представляется, именно погребальный обряд, не зависящий непосредственно от производственной деятельности коллектива, наиболее консервативен и потому способен длительное время сохраняться даже в условиях миграции. Ни сооружение катакомб и подбоев, ни кремация для культур Ирана II—начала I тыс. до н. э. не характерны. Наоборот, в Таджикистане конструкция погребальных камер Свата находит полные аналоги в Тулхарском могильнике, где А. М. Мандельштам выделяет те же три типа, что и в Свате: яма с углублением, яма со спуском, катакомба с дромосом. В обеих областях в конструкции могил широко используется камень, из которого сооружаются выкладки на поверхности, перекрытия ям, ящики. Могильники биритуальны, встречаются парные и тройные захоронения.

Практикуется обряд ритуальных захоронений животных: в Тулхаре найдены кости овцы, в Кателан — овцы и лошадей²⁸.

Таким образом, между могильниками бишкентской культуры Таджикистана и могильниками Свата прослеживается совпадение большинства культурноопределяющих факторов: форм сосудов, украшений и деталей погребального обряда. Совокупность признаков могильников двух групп дает основание ставить вопрос об их культурном родстве²⁹, а это позволяет по-новому подойти к проблеме происхождения и этнической принадлежности носителей культуры могильников Свата.

Б. А. Литвинский высказал предположение, что генезис культуры могильников Таджикистана связан с мургабским вариантом культуры Намазга VI, поскольку в погребениях найдена посуда, по форме анало-

гичная мургабской³⁰. Эта гипотеза представляется недостаточно обоснованной, так как находка в могилах гончарных сосудов, вероятнее, отражает наличие обмена между скотоводами-бишкентцами и земледельцами — носителями бактрийского варианта культуры Намазга VI.

А. М. Мандельштам полагает, что бишкентская культура сформировалась в результате взаимодействия двух культурных традиций — андроновской, от которой бишкентская культура заимствовала некоторые типы металла, использование камня в конструкции могильных сооружений и обряд трупосожжения, а также заманбабинской, к которой восходят устройство катакомб, типы украшений (лопаточковидные булавки, бусы), некоторые типы сосудов (горшковидные, цилиндрические). В Свате с заманбабинской традицией могут быть связаны типы ритуальных сосудов с несколькими отделениями, женские статуэтки. Сравнительный анализ погребального обряда могильников бишкентской культуры и Свата дает основание высказать предположение, что в Средней Азии в результате скрещения двух групп скотоводческого населения — потомков заманбабинцев и андроновцев — сформировалась новая археологическая культура, носители которой поддерживали постоянные связи с земледельцами Намазга VI, от которых получали некоторые украшения и гончарную посуду цилиндрикоконических форм. Одна группа этих скотоводов осела в Северной Бактрии, другая двинулась в Индостан, где смешалась с аборигенным населением.

Подтверждением этой гипотезы как будто служит заключение антропологов, допускающих, что население Свата пришло из зоны между Каспийским и Аральским морями³¹. А. М. Мандельштамом проверено детальное сопоставление погребального обряда бишкентских могильников с ритуалом арнев, описанным в Риг-Веде³², на основании чего А. М. Мандельштам приходит к заключению, что носителей бишкентской культуры можно считать родственными ведическим ариям³³. Родство могильников Свата и бишкентских позволяет видеть и в носителях культуры Свата древних индийцев, пришедших в Индостан через Среднюю Азию. Этот вывод, полученный на основании археологических материалов, согласуется с данными лингвистов, предполагающих продвижение через Среднюю Азию нескольких волн индо-арийских племен.

²³ S. Antonini. Preliminary Notes..., p. 22; G. Stacul. Excavations..., fig. 61, G. Stacul. Preliminary Report..., fig. 28. Ср.: А. М. Мандельштам. Памятники..., табл. III, 1; IV, 3, 6; Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. САИ, вып. В4-9. М., 1966, табл. III, 10, 11, 14—16.

²⁴ S. Antonini. Op. cit., p. 23; А. М. Мандельштам. Указ. соч., табл. XX, XXI.

²⁵ G. Stacul. Excavations..., fig. 73; А. М. Мандельштам. Указ. соч., табл. VIII, 3, 4; Е. Е. Кузьмина. Указ. соч., табл. XVI, 16—22.

²⁶ S. Antonini. Op. cit., p. 22; G. Stacul. Preliminary Report..., fig. 26, 75; E. Castaldi. Op. cit., tav. XI, 4; XX, 1; Е. Е. Кузьмина. Указ. соч., табл. XVI, 31, 36—41, 46—50; А. Н. Альбаум. Указ. соч., стр. 47.

²⁷ S. Antonini. Op. cit., p. 23, fig. 10; G. Stacul. Preliminary Report..., p. 56, fig. 65, 66; E. Castaldi. Op. cit., p. 571—576, tav. XXII, 1; Я. Г. Гулямов, У. Исмаилов, А. Аскарлов. Первобытная культура в низовьях Зерафшана. Ташкент, 1966, табл. V, 5; Е. Е. Кузьмина. Могильник Заман-баба. СЭ, 1958, № 2, стр. 28.

²⁸ Э. Кастальди приводит широкий круг аналогий в культурах Переднего Востока и Европы (E. Castaldi. Op. cit., p. 598—609). Однако исследования советских археологов позволяют утверждать, что конь был первоначально одомашнен на территории евразийских степей, и ритуальные погребения коней в этой зоне, относящиеся еще к III тыс. до н. э., являются древнейшими в Старом Свете. Обряд сохранялся здесь в срубно-андроновскую и савроматско-сакскую эпоху.

²⁹ Время сооружения могильников бишкентской культуры синхронно ранней группе могильников Свата. Для погребений Тигровой Балки дата по С₁₄—1400 г. до н. э. (А. А. Семенов, Е. Н. Романова, П. М. Долуханов. Радиоуглеродные даты. лаборатории ЛОИА. СА, 1969, № 1, стр. 257). Тулхарский могильник А. М. Мандельштам датирует эпохой поздней бронзы.

³⁰ Б. А. Литвинский. Археологические открытия..., стр. 125—126.

³¹ W. Bernhard. Human Skeletal Remains from the Cemetery of Timargarha. Ancient Pakistan, 1967, III; G. Alciati. I resti ossei umani delle necropoli dello Swat (W. Pakistan). I. Butkara II. Roma, 1967. По заключению Т. П. Кипяткиной, черепа из Южного Таджикистана принадлежат к средиземноморской европеоидной расе, но в них не исключен андроновский компонент («Формирование антропологического типа таджиков по палеонтологическим данным». Автореферат. Душанбе, 1965, стр. 6; она же. Черепа эпохи бронзы с территории Юго-Западного Таджикистана. МИА, № 145, 1968).

³² А. М. Мандельштам. Памятники эпохи бронзы, гл. V, VI; он же. Памятники «степного» круга..., стр. 254—259.

³³ Дополнительным аргументом служат ритуалы погребения коней в Кателан, так как жертвоприношение коня играют большую роль в ритуалах Риг-Веды (Sylvain Lévi. La doctrine du sacrifice dans les Brahmanas. Paris, 1899, p. 133—134; P. Dumond. La doctrine du sacrifice dans le culte Védique d'après l'Ashvamedha, description du sacrifice solennel du cheval dans le culte védique et d'après les textes du Jajurveda blanc. Paris, 1927; W. Koppers. Prerdecoper und Pferde. Kult der Indogermanen. «Die Indogermanen und germanen frage», B. IV. Leipzig, 1936, S. 284—296; H. Stietengren. Indische Sonnenpriester Samba und die Sa Kadviya Brahmana. Wiesbaden, 1966; Б. А. Ошбенин. Структура мифологических текстов «Ригведы». М., 1968, стр. 76).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЭЕ	Археолого-этнографический сборник	МХЭ	Материалы Хорезмской экспедиции
ВАН	Вестник АН Армянской ССР	ПФГ	Проблемы физической географии
ВДИ	Вестник древней истории	СА	Советская археология
ВЕУ	Вестник Ереванского университета	САИ	Свод археологических источников
ВЛГУ	Вестник Ленинградского гос. университета	СГЭ	Сообщения Государственного Эрмитажа
ВОН АН Арм. ССР	Вестник общественных наук Академии наук Армянской ССР	СКАЭ	Северокавказская археологическая экспедиция
ДАН	Доклады АН Армянской ССР	СМОМПК	Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тбилиси, 1901
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей.	СЭ	Советская этнография
ИА	Институт археологии	ТАН	Труды Академии наук Туркменской ССР
ИАН	Известия Академии наук	ТГНИИ	Труды Государственного этнографического института
ИИАЭ	Институт истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР	ТГЭ	Труды Государственного Эрмитажа
ИМКУ	История материальной культуры Узбекистана	ТИГ	Труды Института географии
Изв. Тадж. ФАН	Известия таджикского филиала АН СССР	ТИИАИ	Труды Института истории Академии наук
ИООН АН Тадж. ССР	Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР	ТИИАЭ	Труды Института истории археологии и этнографии
ИРАИМК	Известия Росийской Академии истории материальной культуры	ТИИАЭ АН Туркм. ССР	Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР
ИФЖ	Историко-философский журнал	Тр. Кир. АЭЭ	Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции АН СССР
ИЯЛИ	Институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулна	ТМИУзССР	Труды музея истории Узбекской ССР
КСИА	Краткие сообщения Института археологии	Тр. ГИМ	Труды Государственного Исторического музея
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры	Тр. ИИАИ Тадж. ССР	Труды Института истории АН Таджикской ССР
МАД	Материалы по археологии Дагестана	Тр. КАЭЭ	Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции.
МАГК	Материалы по археологии Грузии и Кавказа	ТТГУ	Труды Ташкентского государственного университета
МАК	Материалы по археологии Кавказа	ТХАЭЭ	Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР.	ТХЭ	Труды Хорезмской экспедиции
МИСХКА	Материалы по истории сельского хозяйства кавказской Армении	Тр. ЧНИИ	Труды Черкесского научно-исследовательского института
ТЮТАКЭ	Труды Южнотуркменской археологической комплексной экспедиции	ЮТАКЭ	Южнотуркменская археологическая комплексная экспедиция
УЗДАНИЯ	Ученые записки Дагестанского института истории, языка и литературы	EW	East and West

СОДЕРЖАНИЕ

I. Доклады и статьи

Г. Н. Асидьяна, А. В. Прищепенко. Тильки-дэпе и некоторые вопросы палеогеографии Юго-Западной Туркмении	3
В. И. Козенкова. Об одном типе кобанских булавок	12
В. И. Сариниди. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Северном Афганистане	16
Е. Е. Неразник. Раскопки городища Топрак-Кала	23
И. Б. Бентович и А. А. Гаврилова. Мугская и катандинская камчатые ткани	31
А. Л. Якобсон. О дате большого храма в Пицунде (Абхазия)	38
Р. М. Джанполадян. О двух тканях из Ани и Болгар	46
Г. Ф. Коробкова, Т. В. Кигурадзе. К вопросу о функциональной классификации каменных орудий из Шулаверис-гора	53

II. Полевые исследования

Л. И. Хлопина. Кухонная керамика времен Намазга VI	59
В. И. Распопова. Зеркала из Пенджикента	65
А. П. Рунич, А. А. Формозов. Новые памятники первобытной культуры в районе Кавказских Минеральных Вод	70
В. И. Марковин. Дольмены Солох-аула	74
М. Х. Багаев, В. Б. Виноградов. Раскопки раннесредневекового могильника у сел. Харачой	80
В. С. Бочкарев. Новый клад прикубанских бронз из Ростовской обл.	87
Х. Х. Биджиев. Археологические раскопки у истоков Кубани	92
Г. А. Брыкина. Зооморфные изображения в средневековой керамике Ферганы	97

III. Обзоры и рецензии

К. Х. Кушнарева. Археология Армении (обзор литературы, вышедшей в Армении за послевоенное время). Раздел I — от каменного века до урартского периода	103
Е. Е. Кузьмина. Культура Свата и ее связи с Северной Бактрией (обзор работ итальянской археологической миссии в Пакистане)	116

**АРХЕОЛОГИЯ КАВКАЗА
И СРЕДНЕЙ АЗИИ**

КСИА, вып. 132

*Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии
Академии наук СССР*

**Редактор издательства А. Е. Сидоренко
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор В. В. Волкова**

**Сдано в набор 22/II 1972 г. Подписано к печати 11/V 1972 г.
Формат 70×108^{1/16}. Бумага № 1. Усл. печ. л. 10,85. Уч.-изд. л. 10,1.
Т-05095. Тираж 1800 экз. Тип. зак. 909.**

Цена 64 коп.

**Издательство «Наука»
Москва К-62, Подсосенский пер., 21**

**1-я типография издательства «Наука»
Ленинград В-34, 9 линия, д. 12**